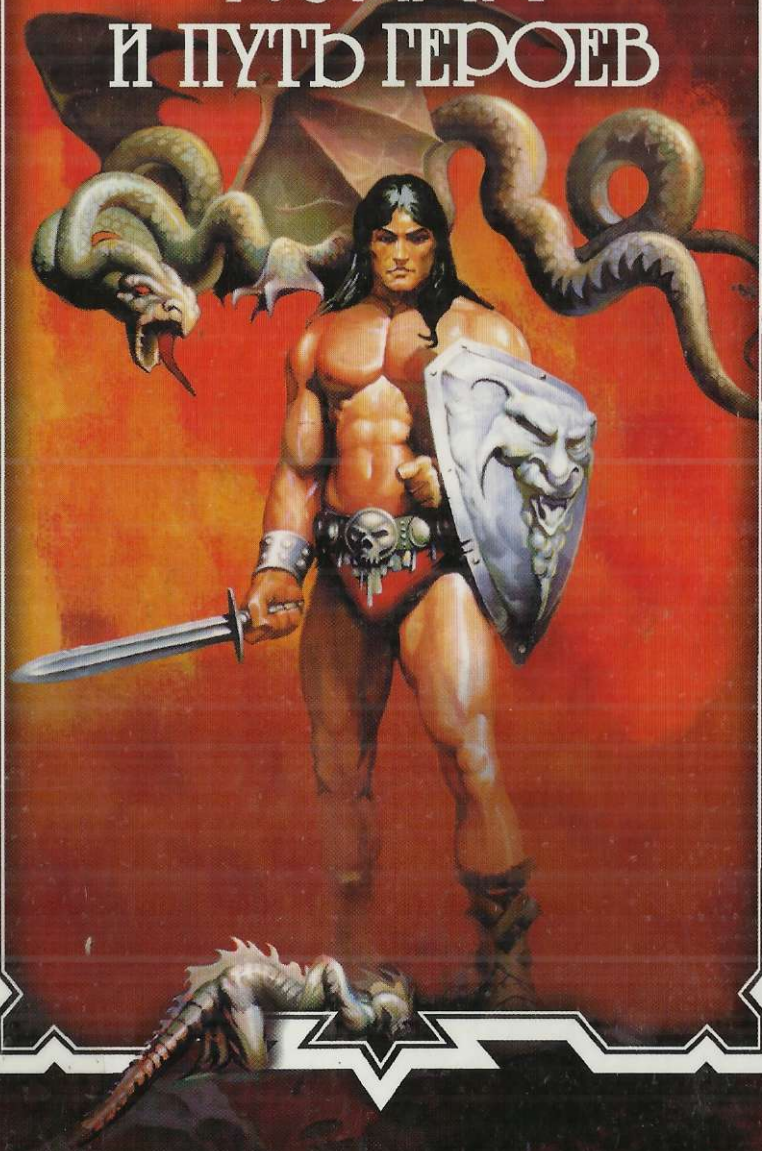

КОНАН

КОНАН
И ПУТЬ ГЕРОЕВ

САГА О КОНАНЕ

КОНАН
И ЧЕТЫРЕ
СТИХИИ
1	КОНАН
И БОГИ
ТЪМЫ
2	КОНАН
И МЕЧ
КОЛДУНА
3	КОНАН
БРОСАЕТ
ВЫЗОВ
4	КОНАН
И ПОВЕЛИТЕЛЬ
ПЕЩЕР
5	КОНАН
И ПЕСНЯ
СНЕГОВ
6	КОНАН
И НЕБЕСНАЯ
СЕКИРА
7
КОНАН
НА ДОРОГЕ
КОРОЛЕЙ
8	КОНАН
ПРИНИМАЕТ
БОЙ
9	КОНАН
И КАРУСЕЛЬ
БОГОВ
10	КОНАН
И ДАР
МИТРЫ
11	КОНАН
И НОЧНЫЕ
КЛИНКИ
12	КОНАН
И ГРОТ
ДАЙОМЫ
13	КОНАН
И ЗЕРКАЛО
ГРЯДУЩЕГО
14
КОНАН
И ВРЕМЯ
ЖАЛЯЩИХ
СТРЕЛ
15	КОНАН
И ПСЫ
ВОИНЫ
(НЕ ИЗДАНО)
16	КОНАН
И ТАЛИСМАН
ЗАА
(НЕ ИЗДАНО)
17	КОНАН
И БИЧ
НЕРТАЛА
18	КОНАН
И ГОРОД
ПЛЕННЫХ
ДУШ
19	КОНАН
И ИСТОЧНИК
СУДЕБ
20	КОНАН
И СЕРДЦЕ
АРИМАНА
21
КОНАН
И БАГРОВОЕ
ОКО
22	КОНАН
И ПРИЗРАКИ
ПРОШЛОГО
23	КОНАН
И ВОИНСТВО
МРАКА
24	КОНАН
ВАРВАР ИЗ
КИММЕРИИ
25	КОНАН
И РЫЖИЙ
ЯСТРЕБ
26	КОНАН
И ПЛЕННИКИ
БЕЗДНЫ
27	КОНАН
И ЗАГОВОР
ТЕНЕЙ
28
КОНАН
И КОПЬЕ
КРОМА
29	КОНАН
И ВРАТА
ВЕЧНОСТИ
30	КОНАН
И АЛМАЗНЫЙ
ЛАБИРИНТ
31	КОНАН
И РАСКОЛОТЫЙ
ИДОЛ
32	КОНАН
И ЧАША
БЕССМЕРТИЯ
33	КОНАН
И ЛЕДЯНОЙ
СТРАЖ
34	КОНАН
И ТОРГОВЦЫ
ГРЕЗАМИ
35
КОНАН
И АЛТАРЬ
ПОБЕДЫ
36	КОНАН
И БИТВА
БЕССМЕРТНЫХ
37	КОНАН
И ПОЖИРАТЕЛЬ
ПЛОТИ
38	КОНАН
И БЕРЕГ
ПРОКЛЯТЫХ
39	КОНАН
И ОКОВЫ
БЕЗМОЛВИЯ
40	КОНАН
И ВЛАДЫЧИЦА
НЕБЕС
41	КОНАН
И ДРЕВО
МИРОВ
42

Reprint
КОНАН

Джеральд Старк

КОНАН И ПУТЬ ГЕРОЕВ

ас

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

Москва • Санкт-Петербург • 2003

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)
С77

Серия основана в 1993 году

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с разрешения автора.*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 29.10.02.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,00. Тираж 10 000 экз. Заказ 2710.

Старк Д.

С77 Конан и путь героев: Роман / Д. Старк. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2003. — 390, [10] с. — (Конан).

ISBN 5-17-016075-5 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93699-027-6 («Северо-Запад Пресс»)

В новом томе «Саги о Конане» читателя ждет знакомство с первой книгой нового романа Джеральда Старка — «Путь героев».

Принц Конн — пока еще юный Конни — стал достойным наследником своего знаменитого отца. Но горячность и безрассудство свойственные молодости, а из-за ошибок сильных мира сего порой могут страдать целые народы...

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999
© С. Шикин, оборот, 1998
© Серия «Конан» на русском языке,
ООО «Издательство АСТ», 2002
© Русский текст, «Северо-Запад Пресс», 2002

Пролог

Время перемен

Айлэ Монброн, ненаследная баронетта Танасульская, появилась на свет исключительно ради того, дабы подвергать родителей в треволнения, поклонников — в неприятности, а друзей — в авантюры.

Первой это обстоятельство выяснила достойная матушка упомянутой Айлэ, Меланталь Фриерра, заслуженно носившая прозвище Мудрой.

На дворе стояли первые дни Третьей весенней луны 1296 года — буйство зелени, пестрое разноцветье лугов и догорающие костры праздника Белтайн.

Совершенно не догадывающаяся о поджидающих ее трудностях Айлэ пребывала в нежном возрасте седмицы от роду, когда ее мать не выдержала искушения и извлекла на свет маленький кожаный мешочек. Оттуда высыпался десяток серых и коричневых камешков, звонко рас-

катившихся по столу и на краткий миг блеснувших розовыми искрами.

Меланталь долго смотрела на невзрачные кусочки гранита, склонив голову набок и перебирая пальцами толстую косу — черную, с серебряно-седыми прядями. Ворковали горлицы на подоконнике, ржала лошадь во дворе, покачивалась украшенная лентами и колокольчиками колыбель, в которой мирно дремал ребенок... Меланталь так задумалась, что не расслышала стука открывающейся двери и упустила из виду появление отца Айлэ, Райана Монброна. Впрочем, там, где появлялся Райан, тишине и покою приходилось немедленно удалиться. Он не мыслил жизни без приключений, заговоров, веселой круговерти при дворах сильных мира сего и отнесся к предостережениям подруги с обычным легкомыслием:

— Мелла, ты преувеличиваешь. Да, ребенок у нас получился еще тот, но я не собираюсь позволять никаким замшелым камешкам определять судьбу моей наследницы! Эй, наследница! Подай голос!

— Положи ребенка! — возмутилась госпожа Фриерра, но было поздно — благочинная типично детской огласилась смехом, грохотом перевернувшегося туалетного столика и причитаниями задремавшей в углу кормилицы.

Впрочем, к тому времени, когда маленькая Айлэ стала держаться на ногах без посторонней помощи и выучилась связно болтать, мнение ее отца претерпело сильные изменения. Теперь вид

дочери вызывал у него глубокую задумчивость, приведшую к тому, что в один прекрасный день Райан решил лично заняться образованием отпрыска.

— Это не приведет ни к чему хорошему, — возражала Меланталь, хотя и без особого старания. Она давно поняла, что человека, выбранного ею в спутники жизни, не переупрямить и не переубедить. — Учи ее грамоте, хорошим манерам, верховой езде, или фехтованию на шпагонах, если тебе так хочется, но при чем здесь волшебство?

— Каким еще наукам учить девчонку, имевшую сомнительное счастье родиться от союза мага и рабирийки? — ехидно спрашивал Райан. — Вертеть хвостом и куртуазничать она умеет от рождения. Ей всего шесть лет, а посмотри, как за ней бегают окрестные мальчишки! Они всерьез полагают себя ее рыцарями и защитниками! Вспомни, какой скандал вышел в Гайарде, когда эта свора оборванцев решила поздравить Айлэ с днем рождения!

Меланталь не удержалась и фыркнула. Вообще-то считалось, что чета Монбронов исполняет должности королевских магов при дворе Аквилонии, но Райану никогда не сиделось на месте. В тот злосчастный год его пригласили выяснить происхождение странных и наверняка магических явлений, имевших место в холмах над Алиманой. Дабы не скучать, Райан прихватил с собой жену и дочь. Маленькая Айлэ немедля обзавелась свитой столь же малолетних обожате-

лей и воздыхателей как благородного, так и низкого происхождения. Таковые обожатели ночью пробрались в сад городского наместника и срезали под корень все цветы на клумбах, дабы засыпать душистым ворохом лестницу перед домом повелительницы их сердец. Девочка отнеслась к подарку благосклонно, Райан от души посмеялся, Меланталь выругала обоих и отправилась приносить извинения расстроенной супруге почтенного градоправителя.

* * *

Сменялись на тронах короли и королевы, перечерчивались карты владений, страны и города обретали новых правителей, гремели войны, сменявшиеся обычными, ничем не примечательными днями обычной жизни, умирали и рождались люди. К всеобщему удивлению, женился и попытался остепениться человек, заслуживший репутацию самой неутомимой личности нынешнего столетия — король Аквилонии Конан Канах. Великий король тоже старел, ибо редко кому удастся одержать верх над смертью. Среди обитателей Тарантийского дворца появлялись новые лица, в то время как герои былых дней исчезали: перебирались в заслуженные владения или на кладбища, прячась под роскошными надгробиями, становились строками торжественных летописей и персонажами легенд. Подрастали дети — дети, выросшие среди трофеев и рассказов о былом, втайне мечтавшие превзойти родителей и

разыгрывавшие истории о подвигах своих отцов и матерей.

— Мы даже не заметили, когда умудрились наплодить целую стаю молодых волков, рыщущих в поисках, на ком бы опробовать клыки, — с неудовольствием бормотал король, выслушивая очередные жалобы воспитателей и придворных на шалости собственных коронованных отпрысков, а также их многочисленных друзей и подружек.

Заводилой этих, с позволения сказать, «подвигов» чаще всего оказывался Его высочество принц Тауранский, герцог Шамарский и прочая, и прочая, Коннахар Канах, по молодости лет — Конни, старший сын короля, наследник престола и, как признавали все, достойный потомок венценосного родителя. Время от времени, когда терпение Конана истощалось, по дворцу разносились страшные угрозы отправить обоих «малолетних негодяев» — Конни и его брата Лаэга — на родину предков, в Киммерию, дабы там их научили уважать старших, а также преподали основы благочестия и богопочитания, основных варварских добродетелей.

То, что сам Конан Канах таковыми качествами в юности совершенно не отличался, король постоянно забывал.

* * *

Поздней осенью 1312 года в Тарантии состоялся небольшой праздник для узкого круга. Среди

приглашенных числились Райан Монброн и Меланталь Фриерра, и — редкий случай! — придворный маг с супругой не только изволили явиться к аквилонскому двору, но привезли с собой наследницу.

Так четырнадцатилетний Коннахар (чей день рождения, собственно, и отмечали) познакомился с Айлэ, встретившей свое шестнадцатое лето.

Королева Зенобия, увидев молоденькую гостью, немедленно вынесла приговор, коим поделилась со старшей фрейлиной Миантой Тилинг:

— Эти зеленые глазки, помяни мое слово, не успокоятся, пока не разобьют уйму мужских сердец! Кто она?

Госпожа Мианта глянула на хрупкую девочку в шелках и бархате, чинно раскланивавшуюся с обитателями дворца, кивнула и ответила:

— Баронетта Танасульская, ваше величество. Ее зовут Айлэ дия Монброн.

— Дочка Райана и Меланталь Предсказательницы? — королева в задумчивости качнула указательными пальцем длинную рубиновую сережку. — Где они ее до сих пор прятали? Ох, наплачемся мы с этой красоткой, дайте ей только слегка подрасти...

— Почему, госпожа? — не выдержала придворная дама. — Конечно, девица чудо как хороша, но при дворе полно смазливых мордашек! От появления еще одной вряд ли что изменится.

Зенобия совсем не по-королевски фыркнула.

— Дело не в том, привлекательна эта юная особа или нет. Она дитя волшебника, которого

считают бессмертным, и женщины из Рабирийских гор...

— Гуля? — испуганно ойкнула Мианта. — Разве госпожа Фриерра — из этих?..

— Из этих самых, — уверила подругу королева. — Смотри внимательнее. Ни Меланталь, ни ее дочка, когда улыбаются, не разжимают губ. Значит, ребенок пошел в материнскую родню. С тягой к свежей кровушке и прочими мрачными талантами, вроде привораживания единственным взглядом, умом, словно отточенный клинок, и стремлением выделиться в толпе... Сходика, позови госпожу Фриерра.

Меланталь не замедлила явиться, и подозрения аквилонской правительницы оправдались целиком и полностью. Вдобавок за беседой обе женщины без труда заметили, что принц Коннахар явно отдает предпочтение новой знакомой и старается держаться поближе к ней. Впрочем, так поступал не он один. Придворная молодежь мужеского пола чутко ловила слухи, устремлялась глянуть на необычную гостью и оставалась поблизости, в надежде быть замеченными.

— Порой я думаю — не лучше ли отправить ее в Рабиры? — с грустью призналась Меланталь. — Райан не хочет даже слушать о подобном. Он носит с ней, выполняет любые ее желания, учит началам магии, но законы природы не обманешь.

— Айлэ не виновата в том, какой появилась на свет, — сердито возразила Зенобия. — И не вздумай вдобавок обвинять себя! Я же знаю, как

твои соплеменники относятся к детям. Ждут не дождутся дня, когда на свет появится еще один ребенок. Много ли вас осталось там, в холмах над Хоротом? Я опасаюсь другого, — королева снова взглянула на девочку-подростка — тоненькую, черноволосую, с вопросительно-ироничным взглядом ярких глаз цвета весенней листвы, в которых иногда мелькал притушенный стальной отблеск, — справится ли она с отпущенными ей возможностями? Меланталь, ты не хочешь, чтобы она пожила годик-другой в Тарантии?

— Нет, — отрезала госпожа Фриерра. Запоздало вспомнила, с кем разговаривает, и извиняющимся тоном добавила: — Простите, Ваше величество. Вы правы — девочка должна научиться жить среди людей, но мне так не хочется отпускать ее... Мы всегда были вместе — она, Райан и я. Я знаю, что когда-нибудь она уйдет своей дорогой, но... Может, в следующем году?

— В следующем, так в следующем, — согласилась королева, в глубине души обрадовавшаяся такому повороту событий. Она поискала взглядом предмет разговора, молодую Айлаэ, но той не обнаружилось. Мгновенно возникшая рядом Мианта церемонно сообщила, что принц с гостями, а также Его величество спустились во внутренний двор замка и запускают там кхитайские шутихи.

Мимо окна пролетел свистящий ярко-алый огонек, рассыпавшийся градом мелких звездочек, медленно таявших в сиреневых осенних сумерках.

* * *

Визит семейства Монбронов в королевский замок обернулся столь неожиданными последствиями, которые не могла предусмотреть даже житейски искушенная Зенобия.

Началось все с робкого стука в двери ее опочивальни, раздавшегося колокола через два после окончания праздника, то есть незадолго до полуночи. Аженна сидела перед серебряным зеркалом, неторопливо расчесывала темные волосы без единого признака седины, размышляла о разных вещах, прикидывала, какие дела и хлопоты ожидают ее завтра, и не сразу откликнулась.

— Мианта?

— Нет, это я, — в щель между створками просунулась голова драгоценного старшего отпрыска. — Мама, извини, что так поздно. Не знаешь, где отец?

— Загляни к цуантенцам, — недовольно посоветовала Зенобия. — И намекни ему, что праздник давно закончился.

— Я вообще-то хотел поговорить с тобой, — мальчик вошел и привалился к дверям.

— О чем? — поинтересовалась королева, откладывая гребень. В начищенном серебре отразилось привлекательное лицо женщины сорока с небольшим лет, спокойной и рассудительной. Так, по мнению Аженны, и должна выглядеть сопровительница великой страны, жена на редкость неутомимого искателя приключений, да

вдобавок мать троих детей, не отличающихся благонаравием.

Конни помялся, переступая с ноги на ногу и изучая безделушки на каминной полке, а затем единым духом выговорил:

— Об Айлэ дия Монброн. Она такая... Такая красивая и столько всего знает! Пусть она не уезжает! — он судорожно сглотнул и закончил: — Мама, я хочу на ней жениться. Когда я смогу это сделать? Когда мне исполнится шестнадцать, да?

К чести королевы Аквилонии надо заметить, что столь диковинное признание сына не повергло ее в обморок и не вызвало приступ крайне неуместного в данный миг хохота. Дженна прикусила губу, напомнила себе, что к первой юношеской влюбленности надо относиться с большой осторожностью, что Айлэ — не просто хорошенькая девчонка, и поняла, что лечь спать ей удастся не скоро.

— Жениться, — раздумчиво протянула она. — Конни, не стой как нищий под дверями! Иди сюда и садись.

Наследник с явным облегчением перевел дух, плюхнулся на рысью шкуру перед камином и выжидательно уставился на мать.

— Значит, ты твердо все решил? — осведомилась Зенобия. В ответ последовал упрямый и размашистый кивок. — Увидел ее сегодня в первый раз и сразу понял, что никакой другой подруги тебе не нужно? А у самой госпожи баронетты ты спросил? Может, она не торопится замуж.

Мнение ее родителей ты, конечно, узнать забыл? Вдруг они уже выбрали ей подходящего жениха?

— Не выбрали, — буркнул изрядно поникший Коннахар. — Мама, я же все понимаю! Я просто хотел узнать, не сможешь ли ты намекнуть месьору Монброну, чтобы Айлэ пожила в нашем замке? Он наверняка согласится. Я слышал, он в следующем году собирается в путешествие по Кезанкийским горам, а госпожа Меланталь ехать с ним не хочет и дочь отговаривает. Мы привыкнем друг к другу, а через два-три года поженимся. Или думаешь, она не подходит для королевской семьи? — серые глаза подростка нехорошо сузились, оповещая мир о готовности до конца отстаивать свое мнение. — Потому что Айлэ — ненаследная баронетта и у нее есть только имя Монбронов, к которому не прилагается никаких земельных владений? Ну и что? Ты ведь даже не была дворянкой, когда отец предложил тебе выйти за него!

— Уел, — с коротким смешком признала Дженна, чье происхождение совершенно не вязалось со словом «благородное». Девица Зенобия Сольскель родилась в Пограничье, в семействе богатого купца, и меньше всего подумывала о замужестве с правителем огромной страны. — Зато по крайней мере я человек до кончиков ногтей, а твоя ненаглядная Айлэ...

— Гуль, — мальчик напустил на себя совершенно равнодушный вид. — Она сразу предупредила. Ну и что? Эрде, великий канцлер Немедии, — наполовину дверг по крови. Его жена

родом из Рабиров. Рейенир да Кадена, сердечный друг королевы Чабелы и второй человек в Зингаре — тоже гуль, чего совершенно не скрывает. Кто знает, сколько его сородичей обретается при кордавском дворе? Или в Немедии, при этом их грозном Вертрауэне? Госпожа Идрунн, супруга Бриана Майлдафа, лучшего друга отца — из народа сиддах, который к людям вообще не имеет никакого отношения! А Льюу, их сын — кто он? Человек или нет? Я уж не вспоминаю про короля Эртеля из Пограничья и его подданных! Они ведь оборотни, но никто им не тычет в нос их родословной!

— Хорошо, хорошо, убедил, — замахала руками Зенобия. — Тогда скажи, отчего уже лет пять или более того никто не встречал герцогиню Эрде и почему знакомые стараются избегать даже упоминания ее имени?

— Она болеет, — не очень твердо ответил Конни.

— Каким недугом? — настаивала королева, начинавшая злиться. — Ах, не знаешь? Тогда я тебе скажу. Она спятила! Полностью спятила! Собственная семья держит ее в Рабирах — за решетками и замками, чтобы не сбежала. У любого из гулей тараканы в голове! Рано или поздно все они кончают тем, что начинают бросаться на окружающих и убивать без разбора! Хочешь завести себе такую подружку?

— Вы чего кричите? — дверь распахнулась, пропуская Его величество владельца Аквилонии, недоуменно переводившего взгляд с жены на сы-

на. — Йен, Конни, что с вами? Какая подружка? Кто спятил?.. Кстати, я засиделся с Монбронами. Они вдруг решили сделать одолжение и пожертвовать нам свою дочурку. Ее зовут на гульский лад — Айлэ. В переводе на людское наречие — Лунный Свет. Видели ее? Правда, хорошенькая?

Конни издал странный короткий всхлип, проскочил мимо отца, стрелой вылетел в коридор и умчался, сбив с ног кого-то из слуг.

— К мальчику пришли возвышенные чувства, — печально сообщила Зенобия. — Виновница — юная баронетта Монброн. Не вздумай над ним подшучивать, иначе я рассержусь.

— Я не смеюсь, — ошарашено проговорил Конан. — И будет лучше, если ты объяснишь все по порядку. Конни ведь никогда раньше не встречал эту девицу! Ее вообще никто не видел — Монброны впервые вывели ее в свет! Йен, я хочу знать, что происходит!

* * *

Баронетта Монброн осталась при аквилонском дворе, вскоре заслужив прозвище «Изумруда королевской сокровищницы». Зенобия помирилась с сыном, однако переубедить его не сумела — даже с помощью супруга. Принц не собирався отступаться от безумного замысла (благо юная рабирейка прониклась к нему взаимной привязанностью) и терпеливо ждал дня своего совершеннолетия. По дворцу гуляли недовольные шепотки и злые сплетни, Конан мрачно

предрекал, что только девицы-гуля на троне Аквилонии не хватало для полного счастья, и предлагал Айлэ заранее обратиться к придворному ювелиру и заказать корону.

Девушка в ответ рассеянно улыбалась, светя из-под длинных ресниц пронзительной малахитовой зеленью, а время шло...

Часть 1. Загадки прошлого

Глава первая

Дар

*Тарантия, Аквилония.
Вторая весенняя луна 1313 года
по основанию королевства.*

же второй раз наконецник копья проскочил мимо болтавшегося на веревке деревянного кольца, и Конни обреченно представил, какая выволочка ожидает его в ближайшем будущем. Нет проку надеяться, будто месьор Борс, наставник по ристалищному делу, не заметил досадного промаха одного из своих подопечных.

Ну и что с того, что его светлость Тегвир уже не может похвалиться орлиной зоркостью и в данный миг увлеченно распекает кого-то в дальнем конце манежа? Следующей жертвой суждено стать некоему Коннахару Канаху, и можно

даже об заклад не биться. Точно-точно, вот Борс небрежным взмахом руки отпустил провинившегося, и, прищурившись, оглядел зал.

Конни невольно пригнулся к стриженной конской гриве, развернул фыркнувшую кобылу, и, с отчаянием утопающего вцепившись в древко копья, затрусил к раскачивающемуся кольцу — деревянному обручу, некогда выкрашенному ярко-алой краской, а теперь облупившемуся от множества доставшихся ему ударов.

На первый взгляд задача выглядела наипростейшей: пустить лошадь легкой рысью, в надлежавший миг слегка привстать на стременах и поразить воображаемого противника. Мастера своего дела умудрялись настолько точно рассчитать силу толчка и скорость движений лошади, что копье аккуратно проскальзывало сквозь кольцо, словно игла через слой ткани, и послушно возвращалось в руку владельца. Ротан Юсдаль отлично умел проделывать этот нехитрый трюк, и Эвье Коррент умел — разумеется, когда месьора Наставника не замечалось поблизости, а то обним неведля бы влетело за фиглярство — Конни же стоило нешуточных трудов просто попасть в обруч. Иногда он всерьез начинал подозревать бесчувственный предмет в неприязни к наследнику Аквилонского трона.

Огромный крытый манеж, сооруженный по проекту главы Архитектурной гильдии месьора Торонда Бланда и заверченный только в прошлом году, наполняли привычные уху звуки. Мягкий топот копыт по толстому слою песка,

частый перестук сталкивающихся деревянных учебных мечей и копий, короткие возгласы — то раздраженные, то радостные. Шло занятие по военному и турнирному искусству, и почтеннейший Наставник, месьор Борс дие Тегвир из Атрены, нещадно гонял два десятка отпрысков благородных семейств, бодро перемещаясь на искривленных годами непрерывной верховой езды ногах из конца в конец просторного помещения и рассыпая вокруг себя короткие, точные указания.

Молодежь искренне любила старого Борса и столь же искренне побаивалась, прекрасно зная о его способности так высмеять пренебрегающего своими обязанностями, что бедолага был готов немедля провалиться от стыда сквозь землю. Похвала учителя считалась наградой, равной Орденом Крылатого Льва, и столь же недостижимой.

До недавних пор война была главным и основным ремеслом Борса. Он прошел вместе с правителем Аквилонии знаменитую Офирскую кампанию, участвовал в войне с Кофом, три года провел на границе Пиктских Пуц, а совсем недавно командовал одним из легионов, посланных в Пограничье и положивших конец затяжному мятежу в Землях Кланов. Месьор Тегвир по справедливости считался лучшим из воинских наставников, под настроение мог рассказать множество захватывающих дух историй о своем бурном прошлом, но юным подопечным никогда не приходилось рассчитывать на его снисхожде-

ние. Борс не имел любимчиков и частенько поговаривал, что каждое новое поколение поручаемых его надзору мальчишек становится хуже и хуже предыдущего. Просто удивительно, откуда берутся такие криворукие неумехи, вдобавок поголовно страдающие куриной слепотой? За что, спрашивается, мы платим повивальным бабкам? Куда подевались наследники бывших славных семейств? Неужто выродились, превратившись вот в эдаких хромоногих увальней?

По свидетельствам бывших выучеников месьюра дие Тегвира, те же самые слова он твердил и десять, и двадцать лет назад. Старикам всегда кажется, что во времена их молодости трава выглядела намного зеленее, а вода была мокрее.

Упрямое кольцо глуховато стукнуло по сосновому древку, веревка лопнула, и Конни получил долгожданную возможность проехаться, гордо помахивая честно добытым трофеем. К сожалению, его подвиг остался почти незамеченным — под высокими перекрытиями зала проплыл тягучий перезвон гонга, извещающий о скором окончании занятия. Воспитанники Борса уступали место молодым гвардейцам дворцовой охраны, тех, в свою очередь, сменит еще кто-нибудь, и так до позднего вечера — чтобы с утра все повторилось сначала.

Привыкшие к звукам гонга лошади насторожились, выразительно скашивая глаза в сторону огромных двустворчатых дверей и предчувствуя чистку, кормежку и заслуженный отдых. Дие Тегвир дождался, пока ученики торопливо вы-

строятся в шеренгу, насупленно оглядел их, выискивая упущения: неправильную посадку, слишком длинно или коротко отпущенные стремяна, недопустимо болтающийся повод или, не приведи боги, чуть сдвинувшееся набок седло. Подопечные не обманули его ожиданий, но сегодня Борс пребывал не в настроении, ограничившись парой раздраженных окриков и гневным фырканьем.

— Обратите внимание, благородные месьюры — кто терпеливо торчит под дверями в ожидании подачи? — вполголоса (и довольно злорадно) пробормотали слева. — Конни, хочешь добрый совет? Когда твой гость изволит удалиться, вели обрызгать комнаты средством от блох. И пусть слуги не скупятся. Двумя-тремя ведрами тут наверняка не обойтись.

— У его милости Коррента снова приключилось разлитие черной желчи, — с нарочитым сочувствием посетовали справа. — Эвье, обратился бы к лекарю. Говорят, от злости помереть можно.

— Прекратите болтать, вы оба, — мрачно буркнул Конни. — Борс услышит. Эвье, я обязательно воспользуюсь твоим советом... когда ты надумаешь навестить меня.

Наследник семейства Коррент оскорбленно дернулся и нехотя выдавил:

— Прошу прощения, мой принц. Я... я не подумал.

— Видишь ли, Конни, нашему общему другу опять досталось копьём по голове, — хмыкнув,

любезно пояснили справа. — И оттого немногие имеющиеся мысли...

— Ротан, да заткнись же! — не выдержал Эвье. — Я извинился, в конце концов!

Месьюр Борс грузно развернулся в сторону болтунов, и те мигом притихли. Конни давно свылся с перепалками между давними приятелями, зная, что дие Коррент частенько бывает несдержан на язык, а Ротан Юсдаль обожает его поддразнивать. Единственное, на что Коннахар не собирался закрывать глаза — на быющее через край высокомерие Эвье, принадлежавшего к одной из древнейших семей Аквилонии и способного без запинки перечислить добрую сотню своих предков.

Отец Конни, будучи в дурном настроении, всегда повторял, что проще одолеть парочку разъяренных горных троллей, чем сбить хоть немного спеси с дворянского сословия. За минувшие четверть века знать Аквилонии смирилась с мыслью о варваре на троне королевства, однако упрямо противостояла желанию правителя видеть во дворце своих знакомых, не могущих похвалиться благородным происхождением. Для кое-кого, разумеется, делались исключения, но семейство Майлдафов из Темры к этим исключениям точно не относилось. Долгая, почти незаметная, однако не ставшая от этого менее упорной борьба придворных с королем привела к тому, что Бриан и Идрунн Майлдафы появлялись в Тарантии не чаще, чем раз в год, а иногда и реже.

Но в таком случае что здесь понадобилось их отпрыску, Майлдафу-младшему, ибо колонну у дверей Большого Манежа подпирает именно он? В это время Лиессину положено безвылазно сидеть в Темре, сиречь земле Гвинид на местном наречии, готовиться к грядущему празднованию наступления весны, складывать очередную балладу, а не болтаться в Тарантии!

* * *

Объяснение сему загадочному поступку прозвучало спустя колокол, когда в покоях наследника короны встретилось маленькое привычное общество, в шутку прозванное кем-то «Братством Охотничьей залы». Название прижилось, ведь уютная Охотничья зала с ее ворчащим камином, головами кабанов и оленей на стенах, и слегка потрепанными медвежьими шкурами на полу как нельзя лучше подходила для шумных сборищ наследников правящей фамилии и их приближенных. Дети учились и играли, переживали обиды, делились первыми секретами, пересказывали сплетни Большого Двора и мимолетно удивлялись отголоскам событий, шумевших за пределами Тарантийского замка.

В один прекрасный день Братство изрядно удивилось и слегка опечалилось, осознав, что золотые годы незаметно утекли сквозь пальцы. Мальчики подрастали, девочки превращались в девушек. Семейный меч на стене, до которого ты еще вчера не мог дотянуться, сегодня перехо-

дил в твою собственность. Пугавшая своими размерами и количеством книг библиотека становилась любимым местом времяпровождения. Ты оказывался принятым почти на равных в непонятные дела взрослых, у бывших друзей детства появлялись свои заботы и хлопоты...

Наверное, так и должно быть?

В разные времена Братство Охотничьей залы составляли от трех до десяти человек, и Лиессин Майлдаф, старший по возрасту, покинул его первым. Его увезли из Тарантии — к величайшему огорчению маленького Конни и его верного друга Ротана. С тех пор Лью существовал только в редких обмолвках родителей, изредка получавших весточки из Темры, да в смутных воспоминаниях.

Года три назад Майлдаф-младший внезапно объявился в аквилонской столице — удивив и возмущив столь вызывающим поведением двор, но чрезвычайно обрадовав правящее семейство и наследника. Поначалу Коннаху даже не пришло в голову, что незнакомый молодой человек, которого ему с непонятным смешком представил отец — его былой товарищ по играм. Как заподозрил Конни, привыкший к любым странностям король Аквилонии и его супруга тоже изрядно озадачились при виде повзрослевшего отпрыска их давних друзей. Лью пошел в материнскую родню, а кем по происхождению являлась госпожа Идрун — можно только строить догадки. Заведовавший книгохранилищем тарантийского замка волшебник Озимандия, скажем,

без колебаний относил ее к сидхам, уцелевшим потомкам некогда обитавших на землях Пуш альбов.

Неудивительно, что дитя Идрун и коренного темрийца Бриана отличалось изрядным своеобразием. За его спиной шептались, что именно так, должно быть, выглядел бы альб, доведись ему родиться и вырасти среди простоватых и независимых обитателей холмов и гор земли Гвинид. Сам Конни при виде приятеля испытывал легкую тревожную растерянность и нечто, весьма напоминавшее зависть. Схожие чувства появлялись у него при виде любого существа нечеловеческого происхождения. Скажем, когда в Тарантию приезжали гости из Пограничья — оборотни или дверги. Или когда он находился поблизости от Айлэ Монброн...

Впрочем, привязанность к Айлэ — совершенно иной разговор. Жаль, что она не сможет прийти: сегодня ее очередь вместе с другими благородными девицами прислуживать королеве. Баронетта Монброн освободится только к позднему вечеру и наверняка будет уставшей и неразговорчивой. Нынешней зимой она частенько бывала не в духе. Ее родители, Райан и Меланталь, уже с полгода пропадали в Туране, не присылая никаких известий. Айлэ изрядно беспокоилась — не случилось ли чего дурного с неугомонными магами, вознамерившимися непременно посетить загадочные древние развалины вблизи Кутхемеса?

— ...Конни, я привез тебе подарок, — невоз-

мутимо сообщил Лью, когда прослышавшие о его приезде члены Братства Охотничьей залы немного утомнились, и стихли расспросы о том, какие невероятные причины заставили Лиессина покинуть любезную его сердцу Темру накануне близких праздников.

Из водруженного на стол потрепанного дорожного мешка Лью с величайшей осторожностью извлек некий изрядных размеров сверток и принялся неторопливо разматывать сероватую холстину. В мыслях Конни воцарилась некая растерянность. С чего бы Майлдафу-младшему вздумалось поздравить наследника аквилонской короны с приближающимся Белтайном, который, хоть и отмечается во дворце, но мнением благородного сословия втихомолку заклеямен как действие простонародное и слегка вульгарное?

Впрочем, подарки всегда приятны. Особенно когда в них кроется какой-нибудь потаенный смысл или любопытная загадка.

Конни глянул на своих друзей. Ротан едва ли не топчется на месте, с откровенным нетерпением ожидая момента, когда таинственная вещь целиком покажется на свет. Его старшая сестра, Меллис Юсдаль, воплощенное здравомыслие и благовоспитанность, смотрит с легким ехидством. Наверно, все это кажется ей детскими забавами — ведь Меллис недавно исполнилось целых семнадцать лет. В знак своей принадлежности к числу взрослых дам она незамедлительно обзавелась поклонниками, но, к счастью, в Охотничью

залу приходила без свиты преданных воздыхателей.

Вызвавший сегодня днем неудовольствие принца Эвье разумно держался в отдалении, делая вид, будто ему ничуть не интересно содержимое свертка. И то хорошо. Порой Эвье становится невыносим, хуже Лаэга, младшего брата Конни.

* * *

Под развернутой холстиной скрывался отрез потрепанного бархата, а уже из-под него тускло блеснули желтоватые бронзовые накладки по углам потрескавшейся кожаной обложки густокрасного, винного цвета. Большой, старинный с виду фолиант внушительно брякнулся на столешницу, мелькнув давно осыпавшейся позолотой обреза страниц и подняв еле различимое облачко пыли.

— Спасибо, — с искренним удивлением проговорил Конни. — Лью, что это такое?

— И почему без заглавия на обложке? — протянувшая было руку Меллис вовремя сообразила, что крайне невежливо отнимать у нового владельца рукописи право первым осмотреть подарок. Меллис любила книги и знала в них толк. Должно быть, эти способности передались ей по наследству — ведь ее отец, Хальк Юсдаль, почти два десятка лет заведовал обширной библиотекой Тарантийского замка. Ротан утверждал, будто сестра умеет с первого взгляда безошибочно назвать место, время и обстоятельства написа-

ния почти любой книги, и что фамильная сообразительность до последней капли досталась именно ей. На его же, Ротана, долю выпали только тяга к приключениям да умение хорошо держаться в седле. — Где ты это раздобыл?

— Ну-у, это долгая история, — загадочно протянул Лиессин, и украдкой хмыкнул, зная, что приятели ждут от него именно этой фразы. Такое уж ремесло он выбрал. Даже нестигаемому Бриану Майлдафу пришлось в конце концов признать: отпрыск вряд ли захочет принимать участие в делах процветающего торгового дома «Майлдаф и Мабидан». Склонный в любых неприятностях отыскивать нечто хорошее, Майлдаф-старший пришел к решению, что быть отцом человека, который в недалеком будущем наверняка станет глайменом, лучшим певцом и рассказчиком Темры — тоже неплохо. Хотя он бы предпочел, чтобы Лиессин не занимался ерундой, перестал шататься по Полуночной Аквилонии, Гандерланду и Киммерии, и вспомнил о семейных традициях...

— Тогда рассказывай! — потребовал Ротан.

— Нынешнюю зиму я провел в Демнее — это маленький замок неподалеку от порубежья Немедии, — уроженец Темры, Льюу говорил на аквилонском с мягким тягучим акцентом. Его речь всегда наводила Конни на мысли о лесном ручье, пробирающемся меж камней и палой листвы. — Тамошние хозяева — замечательные люди. Жаль, что наступлением весны пришлось расстаться с ними.

— Должно быть, они облегченно вздохнули, — еле слышно пробормотал Эвье. Он все-таки не выдержал искушения и подошел ближе. Конни угрожающе скосился на него, и дие Коррент немедленно прикинулся от рождения немым.

— Я решил пройти через Немедийские горы, по старому Верговскому тракту. С той поры, как проложили Большую Полуночную дорогу, им почти не пользуются, и леса возвращают себе отнятое людьми. Диковатые заброшенные места. Кажется, будто из-за кустов за тобой все время следят, а оглянешься — никого...

В камине громко треснуло прогоревшее полено. Меллис от неожиданности ойкнула, вызвав у брата приглушенный смешок — Ротан отлично знал, как трудно всерьез напугать его многоученую сестренку.

— Где-то на второй день пути я наткнулся на озеро и решил устроить привал на его берегу, — Лиессин, явно увлекшись рождающейся историей, смотрел куда-то мимо приятелей, в сторону высокого и узкого окна, составленного из множества ярко-синих и желтых стеклышек. — Маленькое озерцо в круглой долине — словно надпитая чаша с вином. Можете не верить, но я сразу понял: если заночевать здесь, обязательно случится что-нибудь удивительное. Чтобы не пропустить этого краткого мгновения, нужно набраться терпения, сидеть тихо и держать глаза с ушами открытыми. Мне пришлось ждать почти до самого рассвета. Должно быть, я все-таки умудрился задремать, потому что

разбудили меня клики диких гусей, возвращавшихся домой с зимовки на Полуденном Побережье. Их голоса похожи на торжественные трубы... Над озером висел туман — серый с голубизной, как дым догорающего костра. Казалось, в мире не осталось больше ничего. Никаких людей, городов, дорог, стран. Только крохотный кусочек озера и обрывистый берег над ним. Ветер переносил клочья тумана с места на место... или они летали и кружились сами по себе. И тогда... — голос Лью ушел до внятного шепота, — тогда я понял, что смотрю на Нее. На Озерную Деву. Она куталась в туман, как в плащ, косы ее струились, подобно колеблемым волной водорослям, а голос, когда Она заговорила, подходил на перезвон льдинок в весеннем ручье. Она подняла руку — я к тому времени уверился, что не сплю, — и сказала...

— ...Не проводите ли меня до Тарантии? Моя заветная мечта — посетить библиотеку при тамошнем Университете, — кокетливо произнесла Меллис.

Под шумок она все-таки завладела привезенной книгой и теперь указывала на символ, украшавший первую страницу: изображение чернильницы с пером и выгнувшейся над ними арки, сложенной вместо кирпичей из множества книжных переплетов.

— Если мне не изменяют память и зрение, сей знак непреложно означает — фолиант когда-то принадлежал или принадлежит книгохранилищу Обители Мудрости.

— Меллис! — взвыл раздосадованный Лью, хотя глаза его смеялись. — Меллис, ну что ты наделала? Отчего бы тебе не обожать немного? Они ведь поверили!

— Испортила предивное сказание о явлении Владычицы Озера и обретении тайн запретного знания, — хихикнула девушка. — Радуйся, я тоже поверила... почти.

— Ты все выдумал? — со смешанным чувством разочарования и восхищения протянул Ротан.

— Почти все, — честно признался Лиессин. — Скажем, неподалеку от Верговского тракта действительно есть маленькое озерцо, и я всю ночь стучал зубами от холода на его берегу — поленился ставить шатер.

— Тогда открой секрет — откуда на самом деле взялась книга? — Эвье перегнулся через плечо Меллис, со скучливым видом рассматривая рукопись. — Надеюсь, ты не совершил злостной кражи раритета из стен уважаемого учебного заведения? Хотя о чем это я? Стража на воротах Обители давно привыкла к чудачествам господ студиозусов... но подобное одичавшее создание, думаю, они бы не пропустили.

— Эвье, придержи язык, — сухо бросил Конни.

— Я ее купил, — казалось, Лью нет никакого дела до чужих насмешек. — В Меноре, в лавке одного давнего знакомого. На честно заработанное золото. И привез сюда, потому что уверен — в ней отыщется кое-что небесполезное для тебя, Конни. Открой и взгляни.

* * *

Заглавие фолианта, выписанное алыми, зелеными и пронзительно-голубыми буквами, да вдобавок украшенное множеством завитушек, расползлось по всей первой странице, и Конни не сразу сообразил, откуда начинать чтение. Помогла Меллис, немедля сунувшаяся под руку и ткнувшая ногтем в имя автора.

— Рамеус да Брукария, — чуть запнувшись, выговорила она смутно знакомое Конни имя. — По происхождению зингарец. Жил, если не ошибаюсь, лет двести или чуть более тому. Собирал легенды и предания народов Побережья. Известны два его больших труда — об Аргосе и Шеме — и множество разрозненных неоконченных работ. Похоже, тебе досталась именно такая.

— *«Заметки о путешествии по краю, Рабирийскими горами именуемому, с приложением чертежей пройденного пути, зарисовок достопримечательностей градостроительных и природных, краткого свода бытующих в сем крае сказаний, а также с изложением собственных умозаключений Автора касательно...»*

Конни не сумел на одном дыхании добраться до конца и раздраженно буркнул:

— Не название, а целый караван, пылящий от Тарантии до Бельверуса!

— Если я правильно понял, это книга о Рабирах и... и их обитателях? — с любопытством уточнил Ротан и перевернул несколько страниц. Его внимание немедля привлекла картинка, изо-

бражавшая некое существо демонического облика: лохматое, с длинными когтистыми лапами, оскаленными зубами и яростно горящими глазками. В правой лапе тварь сжимала предмет, вполне могущий сойти за оторванную человеческую руку. — Какая милая и приятная зверюшка. Слушай, Конни, тут говорится, будто сей монстр рисован по словам очевидцев и представляет собой доподлинное изображение рабирийского гуля, выслеженного и убитого в 972 году подле города Алькалад... А это кто? — Ротан и присоединившийся к нему Эвье разглядывали изображение привлекательной молодой женщины, сидевшей на парапете фонтана. Красота незнакомки вполне заслуживала названия «безупречной», если не обращать внимания на вырывающиеся изо рта кончики острых клыков. — Куртизанка Лория, более известная как Губительница из Тавиты. Изловлена, уличена и сожжена в 1015 году в Мессантии, на Площади Дожей, в присутствии правящего семейства и большим скоплением ликующих горожан. Этот почтенный господин тоже гуль? Нет, прославленный охотник на таковых...

— На твоём месте, Конни, я бы спрятал сие познавательное сочинение, — лениво протянул Эвье. — Коли оно попадет на глаза баронетте Монброн, не миновать беды.

Усилив воли Конни подавил нарастающее раздражение и обернулся к удобно расположившемуся за столом Лиессину.

— Твой подарок больше походит на злую

шутку, — медленно, стараясь держать себя в руках, начал он. — Я хочу...

Почуявшая неладное Меллис встрепелась и бросила отчаянный взгляд на брата. Ротан строил горестную физиономию — в конце концов, наследник королевской фамилии имеет самое законное право задавать вопросы и получать честные ответы. Какими бы закадычными друзьями детства они не считали себя, истина проста: каждый из них в первую очередь подданный короны Аквилонии.

— ...Знать, из каких соображений я выбрал и привез столь непонятную и в чем-то отталкивающую вещь, — закончил фразу Лью, коротким и быстрым движением выталкивая себя из кресла. Он по-прежнему оставался спокоен, только в зрачках цвета лесного ореха вспыхнуло и погасло неяркое мерцание. — Ответ прост: чтобы дать тебе повод для размышлений. Тебе неприятен мой подарок или ты не желаешь над ними задумываться? Воля твоя. Сунь книгу в шкаф, пусть дожидается своего времени. И помни — мне никогда бы не пришло в голову шутить над тобой или как-то обидеть.

Конни молчал, поглаживая старинный переплет винно-красного оттенка. С трепетом ожидавшей развязки Меллис вдруг подумалось, что принц и Майлдаф-младший чем-то схожи, хотя наверняка о том не догадываются. Черноволосый Коннахар с упрямо-спокойным взглядом и на удивление твердой для подростка верой в свою силу справиться с какой угодно трудно-

стью. Наверное, его знаменитый отец в молодые годы был таким же, иначе как он сумел вырваться из безвестности и достичь трона? И Лью — словно заглянувший на огонек гость из таинственных давних времен, Лью с его белоснежной шевелюрой, отливающей серебром, с невероятными историями, которые они, затаив дыхание, слушали у этого самого камина лет десять назад, с постоянными загадками и недоумолвками...

Заполнившую Охотничью залу тягостную тишину нарушило вежливое постукивание в дверь, больше напоминавшее лоскребывание. Ротан вопросительно глянул на Конни, получил в ответ разрешающий кивок и, приоткрыв створку, высунулся в коридор. Донеслись неразборчивые приглушенные голоса, затем молодой человек обернулся и во всеуслышание объявил:

— Посланец от короля. Его величество желает видеть Лиессина Майлдафа.

— Когда только успели нашептать? — с досадой пробормотал Конни. Его всегда поражала скорость распространения слухов и сплетен по дворцу. Вроде бы владения наследника расположены далеко от королевских покоев, однако эхо новостей Малого Двора беспрепятственно минует два этажа с множеством комнат, переходов и коридоров. — Лью, можешь идти. Прочих тоже не задерживаю. И, Лью... я постараюсь найти время для твоего подарка.

Хлопнула внутренняя дверь: Конни ушел, не дожидаясь завершения положенной церемонии

вежливых расшаркиваний и поклонов. Меллис невольно поежилась — случившееся чрезвычайно напоминало ссору, по счастливому стечению обстоятельств не успевшую разразиться. Никогда раньше она не видела Коннахара в таком скверном настроении. Напрасно Лиессину вздумалось дарить наследнику короны подобную книгу. Всей Тарантии и доброй половине Аквилонии известно, что принц давно и безнадежно потерял голову от девицы, происходящей из Рабириков. Может, Лью полагает таким диковинным способом ослабить привязанность Конни? Не поможет. Наверняка не поможет.

Девушка сокрушенно вздохнула. По всему выходило, что приближающийся Белтайн не принесет кое-кому никакой радости.

* * *

Спустя пару дней любопытство все-таки победило. Конни извлек на белый свет коварный подарок, решив — если книга окажется неинтересной, он немедленно отнесет ее в замковое книгохранилище, и пусть она пылится там до скончания веков. А Лиессин отныне может смело не рассчитывать на любезное отношение Малого Двора Тарантии. Подумаешь, друг детства выискался! Детство имеет свойство заканчиваться.

Пора взглянуть правде в глаза: место Майлафа-младшего — в Темре, и только там.

Некоторое время Конни всерьез обдумывал, как бы подговорить отца издать указ, настрого

запрещающий жителям земли Гвинид показываться в прочих городах королевства без надлежащего разрешения, потом хмыкнул и раскрыл подаренный фолиант.

Достопочтенный Рамеус да Брукария был человеком дотошным и скрупулезным — это подтверждала каждая строка и каждая страница его творения. Мэтр отнесся к возложенной на себя задаче со всей серьезностью, поделив изрядной толщины труд на три обширные части.

Начиналась книга с подробного описания путешествия, совершенного месьюром Брукарией в 1063 году, и включавшего в себя почти все города и поселения, расположенные вдоль незримой границы Рабирийских холмов. Отряд неутомимого исследователя выехал из Мессантии Аргосской, поднялся вверх по течению Хорота до места его слияния с Алиманой, повернул на Закат и затем на Полдень, совершив таким образом кругное странствие, закончившееся в недавно заложенной пограничной крепости Виара. Конни припомнил, что указанный форт благополучно существует по сей день, возвышаясь над оживленным трактом, связывающим Мессантию и прибрежные зингарские города.

Второй раздел «Заметок», как сулил вычурный заголовок, содержала собранные за время экспедиции изустные народные предания и бытующие в крае суеверия, посвященные единственной злой теме — обитателям Рабириков. Мэтр Рамеус добросовестно записал все: от почти шестисотлетней давности легенды о поголов-

ном исчезновении жителей городков Бретта и Мерчетес, и знаменитой «Сирвенты о походе короля Файдита», из коего не вернулся ни один человек, до целой россыпи повестей караванщиков о тенях, появляющихся с наступлением сумерек и заманивающих в лес тех, кто имел неосторожность отойти от костра. Встречались и рассказы о таинственных людях, которые ничуть не изменялись на протяжении нескольких десятилетий, словно время не имело над ними власти, и, само собой, привычные в своем ужасе истории о неуловимых бессмертных убийцах, прячущихся днем в склепах, а ночью выходящих на охоту за живой кровью... Этот раздел Конни пролистал, язвительно хмыкая и торопясь поскорее добраться до заключительных глав, поименованных как «Догадки и предположения Автора».

Здесь его и поджидали обещанные Аьоу «небесполезные сведения».

Уже на второй или третьей странице Коннахар озадаченно прикусил ноготь и подумал, что стоит обратиться за разъяснениями к кому-нибудь более осведомленному. Может статься, творение многоученого да Брукарии — всего лишь утонченная литературная шутка? Наподобие рукописей Гая Петрониуса, посвященных жизни нынешнего короля Аквилонии и на самом деле являющихся произведением его светлости Халька Юсдаля, советника короны в отставке? Слишком поразительные догадки крылись на желтоватых пергаментных листах, обрезанных «в четверть доли» и собранных воедино под обложкой

цвета хорошо выдержанного вина. Мэтр Рамеус хорошо понимал, чем рискует, возражая сложившемуся за многие века общественному мнению, и потому его труд не получил широкого распространения. Конни нарочно заглянул на последнюю страницу: название мастерской или имя переписчика отсутствовало, стояла только дата — 1255 год по основанию Аквилонии, почти шестьдесят лет назад.

Вещи в книге в самом деле излагались удивительные. Например, месьор да Брукария утверждал: почти все предания о гулях, описывающих обитателей Рабиров как ужасных чудовищ, появились на свет после неудачливого похода короля Зингары Файдита IV из династии Сьерте. В сохранившихся отголосках более ранних легенд говорится о большом диковинном племени не людей, около пяти или трех тысяч лет назад пришедших с Полуночи. Племя в течение долгого времени удерживало власть над Побережьем, успешно воюя с Кхарийской империей и ее провинциями, одна из которых известна ныне как Стигия. Мэтр Рамеус якобы собственными глазами видел списки с соглашений, заключенных между правителями Рабиров и старшинами людских поселений, относящиеся к временам падения Империи. Упоминался также целый свод легенд, посвященных основанию Кордавы, где гули из Рабиров напрямую именовались чуть ли не создателями крепости над устьем Черной реки. Однако после поражения Кхарии, основания будущей Аквилонии и усиления сопредельных го-

сударств дела гулей внезапно ухудшились. Их бывшие владения переходили к людям, а самих гулей оставалось все меньше и меньше. Имелись туманные намеки, будто это диковинное племя откочевало к Восходу, затерявшись среди просторов Турана и за морем Вилайет.

* * *

— Возможно, это заблуждение, основанное на причудливой игре схожих слов. В Иранистане и Полуденном Туране водятся существа под названием «гули» или, скорее, «гхойли» — злое наследие Кхари и плоды творения неудачливых некромантов. Прошло слишком много времени, чтобы утверждать наверняка... Можно узнать, откуда взялась сия прелюбопытная книга? Достопочтенный Рамеус да Брукария заслуженно носил прозвище «Развеивателя легенд», но такого сочинения мне доселе видеть не доводилось.

— Майлдаф привез седмицу назад, — неохотно пояснил Конни. — Уверяет, будто купил где-то в Немедии, в Меноре. А на самой книге стоит знак Тарантийской Обители Мудрости.

— С каких это пор достопочтенный Бриан увлекся историческими загадками? — собеседник принца заложил страницу фолианта подвернувшимся под руку длинным гусиным пером. — Конечно, помимо ведения торговли, он собирает легенды родного края... Но при чем тут Зингара? Или ты имеешь в виду Лиессина?

— Его самого. Он вдруг решил сделать мне подарок к Белтайну. Так что скажешь? Подлинная это книга или нет? Можно верить тому, что в ней говорится, или?..

Коннахар все-таки не решился идти со своими вопросами — а их накопилось немало — к самому верховному хранителю королевских архивов, сиречь к старому Озимандии. Если бы библиотекой замка по-прежнему заведовал отец Ротана и Меллис Юсдалей, никаких трудностей бы не возникло. А беседовать с Озимандией... Как-то страшновато.

К сожалению, вышедший в отставку Юсдадь-старший десять последних лет безвылазно пребывал в Гандерланде, и потому Конни отправился к господину Невдеру, одного из десятка помощников старшего Хранителя, некогда преподававшего маленькому наследнику престола и его друзьям начатки исторической науки.

Невдер отыскался на положенном месте — в пропыленном кабинете, заполненном книгами так, что для самому владельцу комнаты оставался лишь крохотный участок для стола и кресла. Для начала он попросил некоторое время на ознакомление с принесенным фолиантом, в течение коего Конни бродил по залам хранилища, разглядывая названия на переплетах.

— Видишь ли, Коннахар, никто не может утверждать, будто знаком с историей гулей. Мы знаем, — или полагаем, что знаем — что последние две тысячи лет или чуть больше они обитают в Рабирийских холмах, что их не слишком

много — около двадцати или тридцати сотен, не считая проживающих в людских городах Заката и Восхода, — постепенно увлекаясь, Невдер заговорил суховато-размеренным тоном, знакомым принцу по былым занятиям. — Конечно, в последнее время отношение к этому народу сильно изменилось, однако не настолько, чтобы они решили поделиться с людьми своими тайнами. Особенно касающимися их происхождения.

Конни закивал, соглашаясь, и добавил:

— Я слышал — от отца и от его светлости Рейе Морадо да Кадена — будто гули считают себя потомками альбов, некогда живших на Полуночи Материка. Потом они ушли оттуда — во времена, когда погибла Атлантида и море затопило огромный кусок суши. Если б не катастрофа, земли Нордхейма и Пиктских Пущ сейчас занимали бы половину Океана.

— Вероятно, — Невдер рассеянно погладил вытершийся переплет. — Но я мало доверяю легендам о Великом Потопе. Рассуди сам — неужели хоть какая-то народность могла сохраниться неизменной в течение... десяти? восьми? скольких тысячелетий? Что им помогло? Пресловутое альбийское бессмертие? Или не менее пресловутое Проклятие Победжденных? Откуда нам знать, что гули изначально не являлись именно такими, каковы они есть, а красивую сказку, оправдывающую их жутковатые пристрастия, сложили позже?

Должно быть, выражение лица Конни разительным образом переменялось, потому что месь-

ор Невдер торопливо, словно оправдываясь, присовокупил:

— Либо они говорят чистейшую правду, забытую с течением времен, и почтенный да Брукерия совершенно справедливо пытался восстановить истину. Среди собирателей книг, кстати, ходит давний слух, будто в собрании Морской Башни Кордавы хранилась некая «Скрижаль Изгнанников», написанная кем-то из гулей. Якобы в ней подробнейшим образом излагалось жизнеописание и злоключения их народа. Потом она то ли сгорела, то ли пропала. Копий с нее, разумеется, не сохранилось... Если тебя интересует загадка происхождения рабирийцев, у нас отыщется с десяток-другой трудов, посвященных этой теме. Принести?

— Угу, — неожиданно для себя самого согласился молодой человек и без труда представил, выражение лица отца, когда тот заглянет к наследнику и узрит нагромождение фолиантов. Вероятно, сочтет, что драгоценный отпрыск переутомился и нуждается в небольшой встряске.

...Полученные книги — их оказалось немного, всего семь штук — Конни аккуратно разложил на столе, водрузив сверху подаренное творение мэтра Рамеуса.

Оглядел получившуюся картину и задумался: зачем, собственно, ему понадобилось устраивать исторические изыскания? Почему бы просто не расспросить Айлэ или госпожу Меланталь, когда та вернется из путешествия? Кому-кому, а Меланталь Фриерре о гулях наверняка известно

больше, чем всем ученым мужам из рода людей, вместе взятым.

Но Меланталь далеко, так что придется выкручиваться самому. А наследнице семейства Монброннов совершенно необязательно знать о внезапно вспыхнувшем интересе ее преданного поклонника к тайнам Рабирийских холмов.

Глава вторая

Клятва

1 день Третьей весенней луны.

В нынешнем году празднование не удалось, ибо невозможно встречать Белтайн в торжественной дворцовой зале. Для этого действия все-пременно требуется поляна среди деревьев, подернутых слабой дымкой распускающейся зелени. До последнего дня обитателей Тарантийского замка не оставляла надежда, что природа смилостивится и затяжные ливни, хлынувшие с началом Первой весенней луны, все-таки прекратятся.

Тогда, как и в прошлые годы, можно будет отправиться в расположенный у верховьев Хорота Руазельский лес: жечь костры высотой до самого неба, бросать в медленную реку венки и веселиться ночь напролет. Конни всегда казалось, что во время Белтайна его родители слов-

но молодеют на добрый десяток лет и потом украдкой вспоминают, как славно провели время.

Дожди не унимались. Мокрый город ежился на берегу взрытой множеством капель и раздушейся от паводков реки, над парадными воротами замка короны уныло свисали насквозь промокшие флаги и чадили гаснущие факелы. Поездка в Руазель срывалась, и дворцовому управителю, месьюру Замио, вкупе с целой армией подручных, пришлось изрядно потрудиться, дабы торжество состоялось.

Весеннее Древо — высокую молодую сосенку, в изобилии обвешанную ленточками, блестящими побрякушками и флажками — установили в наиболее скромном из покоев дворца, однако впечатления крайней неуместности обычного деревца среди мраморных колонн и затянутых бледно-голубым шелком стен сгладить не удалось. Не помогли ни срочно доставленные из полуденных провинций охапки цветов, ни развешанные по стенам гирлянды оливковых ветвей, ни выдержанное «в подлинном народном духе» угощение. Вежливая тоска, казалось, овладела даже геральдическими мордами львов высоко под потолком — их оскаленные бронзовые пасти наводили на мысль о широченном зевке.

«Это все дожди, — думала Зенобия, привычно удерживая на лице маску любезной и гостеприимной владелицы Тарантийского замка. — Зря мы затеяли прием. Лучше бы дожидаться теплых дней, сбежать в Руазель или в Ларвик, и праздновать, пока не начнем с ног валиться».

Она поискала взглядом свое семейство. Младших, к счастью, уже увели спать. Ненаглядный супруг и властелин Аквилонии откровенно хандрил, уделяя больше внимания бутылкам темно-синего толстого стекла, в коих скрывался несравненный аргосский мускат «Дыхание Океана», нежели приглашенным гостям. Коннахар старательно пытался исполнять обязанности хозяина, но Дженна догадывалась, каким усилием воли он заставляет себя не поддаваться искушению тайком улизнуть. Малый Двор стойко держался неподалеку от принца, прикладывая всевозможные усилия, дабы развеять давящее облако скуки. Порой им даже удавалось чего-то добиться. Во всяком случае, чуткий слух королевы улавливал отголоски смеха, не выглядевшего чрезмерно принужденным.

Поколебавшись, она послала Мианту узнать, чем развлекается молодежь. Фрейлина возвратилась с радостным известием — барышня Меллис Юсаль вкупе со своим верным рыцарем, пуантенцем Гиллемом Ларберой, затеяла мудреную игру, требующую множества участников и вроде бы имеющую успех. Мианту слегка обеспокоило отсутствие прища и баронетты Монброн, и многоопытная госпожа Тилинг высказала предположение, что молодые люди ненадолго удалились прогуляться по наружной галерее зала.

— В такой-то ливень? — с грустью заметила Дженна. — Не-ет, они наверняка сбежали. И правильно сделали. Я бы тоже давно удрала, да положение обязывает.

Вежливо улыбнувшись, Мианта заметила, что Ее величество вполне может покинуть торжество, сославшись на внезапный приступ головной боли.

— Тогда у половины присутствующих дам немедленно случится обморок, а их спутники начнут клянчить высочайшего позволения удалиться, — откликнулась Зенобия и внезапно развеселилась: — Коли уж мы страдаем, любезные подданные тоже обязаны мучиться! Ближе к полуночи, так и быть, пусть разбегаются. Мианта, передай девице Юсдаль мою искреннюю признательность... В конце концов, кто-нибудь предложит одинокой тоскующей даме бокал вина? Куда подевалась большая венценосная неприятность, сиречь мой благоверный? Немедля разыщите его и передайте — королева желает развлекаться!

* * *

Зенобия ошибалась, а старшая фрейлина говорила сущую правду. Коннахар не решился покинуть уныло-парадное торжество, свалив его целиком и полностью на плечи матери, но счел, что вполне заслужил краткий отдых. Исчезнуть не составило особого труда, благо Меллис Юсдаль и ее приятель Гиллем как раз завладели вниманием общества.

Украдкой шагнуть за толстую ткань, скрывающую высокое, от пола до потолка, окно, толкнуть малозаметную дверцу, сработанную под

выступ плоской настенной колонны. Неразборчивый шум голосов окажется позади, а рядом прозвучит тихий-тихий шелест аккуратно подбранного платья — ибо ушел ты не один.

Снаружи по-прежнему лил дождь, но в серости нависших над городом туч вроде бы наметился еле различимый просвет. Вода, журча, собиралась в протянутые вдоль крыш водостоки, и с приглушенным ворчанием устремлялась вниз, широкими пенными веерами хлеща из разверстых пастей медных дракончиков, украшавших оконечья труб, и скрываясь под мостовыми.

Узкая крытая терраса висела над внутренним двориком, вытянувшись вдоль затененных окон большого зала, где шел своей чередой праздник. Конни заметил, что не только они пользовались временным убежищем от выполнения светского долга — чуть дальше виднелась сбившаяся в единое целое группа из трех или четырех человек, а по левую руку приглушенно хлопнула дверь, пропуская еще одну пару беглецов. Они быстро проскользнули мимо Конни и его спутницы, направляясь к узкой лестнице, ведущей на нижний этаж. Каблуки женских туфельек отбивали на плитках галереи четкую дробь.

— Счастливики. Вот нам, к сожалению, придется остаться, — вздохнула Айла, глядя вслед удаляющейся парочке.

— Ничего, потерпим, — неожиданно севшим голосом отозвался Конни. На еле различимой в ранних сумерках Полуденной башне дворца ку-

ранты степенно отбили девять ударов. — В полночь все закончится.

Айлэ молча кивнула. Девушка стояла, прислонившись плечом к витой колонне террасы, и чуть исподлобья смотрела на плотную шелестящую завесу дождя. Конни так и не научился угадывать, о чем она думает. С самого начала их знакомства ему казалось, что рабирийка в любой миг может исчезнуть, обернувшись вышитой фигурой на гобелене или резной статуэткой. Словно ее создал рассеянный кудесник, забыв придать своему творению чуточку вещественности, и единственное средство удержать ее в мире людей — прикоснуться и не отпускать.

Вместо этого молодой человек прокашлялся и осторожно начал:

— Давно собирался спросить... Это никак не повлияет на мое отношение к тебе, просто мне очень важно знать. Не захочешь отвечать, так сразу и скажи. Глупо, наверное, прозвучит, но...

— Пока услышанное мною туманно и крайне многословно, — с легкой ехидцей заметила девушка.

— ...Как ты относишься к своему происхождению? — брякнул Конни. — К тому, что ты — гуль?

В глубине души он приготовился к вежливым отговоркам или огорченному молчанию, но Айлэ отозвалась сразу, будто давно продумала ответ:

— Полагаю, с таким же смирением, как лошадь относится к тому, что природа дала ей четыре ноги. Или кошка — к способности мяукать.

Или оборотни из Пограничья — к причудливому обстоятельству, что половина их души навсегда принадлежит зверю, а другая — человеку. Живу с этим, и все, — она быстро взмахнула тонкой рукой, вычертив некую всеобъемлющую окружность. — Родись я обычным человеком, моя жизнь стала бы гораздо проще, но коли невозможно изменить собственную природу, остается два выхода. Умереть... или приспособиться. Худой мир лучше доброй ссоры — так ведь говорят? Или ты имел в виду нечто другое? Честный ответ подразумевает взаимную честность. До меня дошли слухи, будто ты разыскивал в библиотеке замка книги об истории нашего народа. Можно узнать, с какой целью?

— Хотел разузнать о вашем жутком Проклятии, — не без заминки признался Коннахар. — А выпрашивать у тебя не хотелось.

— Проклятие Рабиров, — яркие зеленые огоньки на миг погасли, Айлэ зажмурилась. — К сожалению, я ничем не могу тебе помочь. Я ничего о нем не знаю. Оно было создано в очень давние времена и якобы продолжает существовать до сих пор. Самое забавное в том, что почти никто из рабирийцев не вспоминает о нем, как о тяжком грузе, довлеющем над целым народом.

— Привыкли? — догадался Конни.

— За столько столетий или тысячелетий привыкнешь к чему угодно, — бесечно пожала узкими плечами девушка. — Скажи, что на самом деле тебя беспокоит? Раньше ты меня ни о чем подобном не расспрашивал.

— Раньше я никак не мог поверить, что ты — не моя выдумка или сновидение, — наполовину в шутку, наполовину всерьез признался молодой человек. — Теперь я немного поумнел и начал беспокоиться по совсем иному поводу. В следующем году мне исполнится шестнадцать лет, и тогда...

— Мы с тобой, как нарочно, родились точно в кануны праздников, — задумчиво проговорила рабирийка. — Ты — на осеннее равноденствие, я — на День весны. С сегодняшнего дня мне уже семнадцать. Почти взрослая девица по счету людей, и все еще ребенок — по счету гулей.

— Кстати, к вопросу о днях рождений, — Конни с преувеличенной тщательностью обшарил карманы, пока не отыскал плотный бархатный футляр, целый вечер напоминавший о себе, точно завалившийся за подкладку уголек. — Это тебе. С моими наилучшими пожеланиями, само собой.

— Что там? — с любопытством спросила девушка, приоткрывая овальную крышку.

— Забыл. То ли парочка медных сережек, то ли голубой алмаз из сокровищницы короны. Если увидишь алмаз, имей в виду — завтра его придется непременно вернуть обратно.

Беззвучно хихикнув, Айлэ двумя пальцами осторожно вытащила наружу цепочку холодно поблескивающих в темноте изумрудных капель. Похоже, у нее захватило дух от удивления, и в тишине, предвещавшей наступление долгожданного и самого приятного мгновения тоскливого

вечера, отчетливо прозвучал обрывок фразы, раздавшейся за спиной Конни.

— ...не понимаю, отчего до сих пор ее не выставят вон? Уже весь город судачит, будто она околдовала наследника. А королю словно дела нет до позора династии!

— Должно быть, она в самом деле умеет выделывать нечто, недоступное даже твоим искусственным знакомым из веселых домов Правого берега, — иронично откликнулись в ответ. — Я слышал, уроженки Рабириков способны посрамить любой трактат о способах наслаждения... Кстати, по завершению пытки торжествами я собираюсь навестить заведение мамыши Тавалы. Знакомства с гульскими красотками не обещаю, но человеческие там выше всяких похвал. Кто со мной?

Компания вышла на галерею совсем недавно и не слишком заботилась о том, чтобы приглушать голоса. Коннахар без труда узнал восторженного почитателя заведения госпожи Тавалы — Вигерена, молодого офицера королевской стражи — и ответившего ему Эвье Коррента:

— В следующем году этой истории наверняка суждено благополучно окончиться. Всему поставлен свой предел, даже терпению такого человека, как наш правитель.

— Думаешь, Конни запросто согласится расстаться со своей зубастой любимицей? — недоверчиво заметил другой голос. — Помяните мое слово: вскоре нас ждет шумный скандал на весь замок и Тарантию впридачу.

— Яблочко от яблони, — многозначительно

изрек Вигерен и, перейдя на заговорщицкий шепот, добавил: — Эвье, ты вроде близкий приятель наследника? Вот и расспросил бы — какова его ненаглядная рабирийская подружка в постели? Вдруг ему совет требуется?

— Или дружеская помощь.

— Вампирше рот заткнуть. Дабы не откусила чего лишнего и не лишила наследника престола способности к продолжению рода.

— Говорят, эти гульские девчонки столь щедро одарены Иштар, что возможностей единственного мужчины им недостаточно...

— Довольно уподобляться рыночным сплетницам, — без особой настойчивости потребовал Эвье. — Принца Коннахара с прелестной баронеттой диа Монброн объединяет чистейшее единство душ.

Ответом ему послужили глумливые смешки и замечание Вигерена:

— Такие слова смахивают на попытку оскорбления монархии. Какое единство душ? Его выдумали менестрели — исключительно для красоты.

Краем глаза Конни увидел лицо Айлэ. Она изо всех сил старалась делать вид, будто страдает глухотой или совершенно не понимает, о ком идет речь, но получалось у нее плохо. Еще Конни успел заметить ее кисть, непроизвольно сжавшуюся в подобие крючковой лапы хищной птицы, и услышал сочившийся вежливым ядом совет:

— Не стоит давать лишнюю пищу слухам. По-моему, благородные месьюры, все очевидно.

— Сначала дверги с псиглавцами, теперь крокопица, — уныло подытожил неразличимый в темноте собеседник. — А если принц действительно попытается добыть для своей подружки корону Аквилонии?

Отдельные сдавленные хмыканья перешли в короткий взрыв дружного хохота.

— Королева, — презрительно бросил Вигерен. — У мамыши Тавалы эдаких королев — выбирай, не хочу.

Пожалеть о своих словах он не успел.

* * *

Позже Коннахар так и не сумел восстановить происшедшее во всех подробностях. Последнее, что сохранила память наследника престола Аквилонии — белая вспышка ярости и недоуменно-перепуганное лицо Эвье Коррента, пытающегося что-то объяснить.

Эвье первым оказался на пути Конни, оттого ему досталось чуть меньше прочих. Короткий прямой удар под ложечку прочно и надолго вывел его из игры — к счастью для самого Эвье.

Вигерен, полусотник «Черных Драконов» — тот самый почитатель веселых заведений — повернулся на звук быстро приближающихся шагов и немедленно схлопотал в зубы. Молодой офицер был на четыре года старше принца, выше на полголовы и тяжелее самое малое на стоун, но даже не пытался толком сопротивляться — напавший, казалось, состоял из одних бешено

мелькающих кулаков. К тому же очередной яростный замах Конни пришелся Вигерену прямо в нос.

Легионер рванулся, ослепленный резкой болью, почти не видя противника и помышляя только о немедленном бегстве. Драться с одержимым боевым безумием? Упаси Митра!

К несчастью, полусотник стоял слишком близко к высокому стрельчатому окну, в которое с размаху и влетел. Будь переплет старинным, свинцовым, с толстенными цветными стеклами, запросто способными выдержать вес человеческого тела, все обернулось бы иначе. Однако гений-хранитель Вигерена нынешним вечером явно отвлекся и не следил за мытарствами подопечного.

Легкие раздвижные рамы, недавно установленная новомодная диковина из Аргоса, с грохотом проломились.

Немелодичный звон и треск грузно обрушивающейся шторы чрезвычайно удачно заполнили перерыв между очередными танцами. В черную дыру, обрамленную зубчатыми осколками, радостно ворвался сырой ветер, принес с собой шелест дождя и неразборчивые яростные выкрики. Оркестр сбился с такта и умолк, разговоры прекратились, кое-кто из благородных дам наладился упасть в обморок.

К тому времени, когда слухи о происшествии достигли ушей коронованных особ, драка на балконе превратилась в некое подобие барсучьей возни — по мокрым мраморным плитам ката-

лись неопрятным клубком два порядком изодранных, местами окровавленных тела. Надрывно стонал Вигерен, пытаясь выбраться из расщепленных остатков рамы. Эвье, держась обеими руками за живот, свесился между колоннами ограждения и извергал остатки обильного ужина. Лицо у него приобрело бледный зеленоватый оттенок.

...Конни замахнулся в очередной раз, почти не осознавая, кого и по какой причине избивает. Время от времени до его слуха долетал слабый, омерзительно звучащий хруст, словно каблук сапога давил в лепешку панцирь крупного и наверняка опасного насекомого наподобие скорпиона.

— Прекратить! — рявкнул мощный бас, знакомый всем без исключения обитателям дворца. Вслед за тем Конни, словно щенка, выволокли за шиворот из свалки и вздернули так, что носками сапог он едва касался пола. — Коннахар?.. Что ты тут натворил?

— Отпусти меня! Отпусти! — выкрикнул или, скорее, взвизгнул Конни, пытаясь вырваться и завершить расправу. Все старания привели к тому, что молодой человек в точности уподобился болтающемуся висельнику, лихорадочно пытающемуся нашарить спасительный чурбак под ногами. Спустя миг Конни свел близкое знакомство с холодной шершавой стеной, о которую его чувствительно приложили. Жестокая мера, как ни странно, вернула рассудку частичное здравомыслие, а с ним пришло тягостное недоумение.

Как же так вышло, он только собирался припугнуть этих болтунов и ничего больше...

Рука, мертвой хваткой сжимавшая воротник Конни, слегка разжалась и повернула его лицом к свету факелов. На галерее стало куда многолюднее, но Конни это не волновало. Он хотел одного: убедиться, что с Айлэ все в порядке. После начала схватки она куда-то пропала, и Конни испугался, как бы в суматохе ее случайно не задела.

Вместо баронетты Монброн Коннахар встретился взглядом с собственным отцом и невольно попытался отступить, чему воспрепятствовала не пожелавшая отодвинуться стена. Выражение лица правителя Аквилонии не предвещало ничего хорошего, хотя его вряд ли можно было назвать «разъяренным» или «свирепым». Внезапно Конни захотелось стать невидимым или открыть глаза, понимая: случившееся — не более, чем привидевшийся кошмар.

Еще он очень отчетливо понял — нужно немедленно что-то сказать (лучше всего правду), иначе грозит большая беда.

— Я... — молодой человек закашлялся. — Я...

Довершить фразу ему не удалось. С нижнего двора надрывно прокричали:

— Бегите за лекарем! Тут еще один валяется, он разбился!

— Утром поговорим, — ровным, напрочь лишенным каких-либо интонаций голосом бросил Конан, повернулся и, едва ли не оттолкнув сына, ушел. Конни боязливо глянул ему вслед —

король на миг задержался возле приходившего в себя Эвье, задал короткий вопрос и прошагал к двери в зал. Там уже скопилась изрядная толпа сбежавшихся на шум гостей, пытавшихся разглядеть, что делается на галерее, и немедленно шарахнувшихся в стороны. До Конни долетали распоряжения капитана дворцовой гвардии, приказывавшего немедленно убрать с галереи всех посторонних, потом мимо пронесли наскоро сооруженные носилки. Из-под брошенного на них плаща свисала чья-то рука, изогнутая под неестественным углом.

В зале для торжеств вновь грянула музыка, и молодой человек вздрогнул от неожиданности. Праздник должен продолжаться, хотя к завтрашнему утру город переполнится самыми невероятными сплетнями. Конечно, досадное происшествие постараются замять и виновники понесут заслуженное наказание... но прежде ему необходимо кое-что сделать.

Коннахар помотал головой, убедился, что вполне твердо стоит на ногах, и, перешагнув через россыпь поблескивающих осколков, побрел искать Айлэ. Попавшийся ему на глаза стражник, поразмыслив, вспомнил, что совсем недавно видел баронетту Монброн спускающейся по лестнице в нижний двор.

* * *

Девушка стояла под проливным дождем, и Конни мимолетно задумался — плачет она или

по ее лицу непрерывно струятся дорожки из капель. Он еще никогда не видел Айлэ плачущей и полагал, что она никогда не прибегала к этому вековечному женскому спасению. Ее нарядное платье, зеленое с черными и алыми полосами, стало похоже на скомканную мокрую тряпку, вычурная прическа рассыпалась на отдельные пряди, по которым текли тонкие ручейки. Конни попытался увести ее под выступающий карниз, где не так лило, но девушка вывернулась и отбежала. В ужасе Конни подумал, что после случившегося на галерее, Айлэ, должно быть, боится его. Много ли она видела? Заметил ли кто-нибудь ее саму?

— Пойдем со мной, — умоляюще попросил он. — Ты промокла. Все закончилось. Я тебя напугал, да? Айлэ, ответь! Не хочешь разговаривать, так хоть кивни!..

— Они говорили сущую правду, а я солгала, — надгреснутым, скрипучим голосом произнесла девушка. Айлэ пятилась, ее узкие губы раздвигались в жутковатой скалящейся усмешке, открывающей четыре острых клыка уроженки Раби-ров. Она сгорбилась, подняла руки — в правой по-прежнему болтался недавний подарок, изумрудная цепочка, камни тускло блестели, как чешуйки выброшенных на берег рыб — и коротким, неуловимым движением выбросила из пальцев когти. — Посмотри на меня, Коннахар. Посмотри внимательно. Вот что я такое на самом деле. Чудовище. Зря мы пытаемся обмануть самих себя. Нам не позволят остаться вместе. Я

должна уйти, а ты — как можно скорее забыть обо мне. Иначе каждый новый день будет приносить тебе новые слухи обо мне. В конце концов никто не сможет отличить правду от лжи, и клеветников от друзей. Постепенно ты возненавидишь меня, а я... Я не могу стать другой! — она сорвалась на крик. — Не могу! Я — гуль! Вампир! В этом нет моей вины, но я — гуль! Та-кой родилась, такой и умру!

— Надеюсь, ты не собираешься умирать прямо сейчас, — вырвалось у Конни, и, когда опе-шившая Айлэ замолчала, он в три быстрых шага преодолел разделявшее их расстояние и сгреб вострепанную, насквозь вымокшую девушку в охапку. Острые когти рабирийки чувствительно царапнули по шелку колетя, но Конни не обратил на этот скребущий звук внимания. — Никуда ты не уйдешь, потому что ворота закрыты и ночь на дворе. И еще потому, что я люблю тебя, слышишь? Тебя, такую вот сумасшедшую... мокрую... и единственную... Мне плевать, вампир ты или нет, но раз тебя это настолько беспокоит — я найду средство, чтобы ты перестала им быть. Ты меня слышишь?

Айлэ, ткнувшаяся лицом в плечо Конни, закивала, не поднимая головы, и невнятно пробормотала:

— Это ты безумец, а не я. Такого средства нет. Проклятие...

— К демонам бесхвостым ваше растреклятое Проклятие! Раз его наложили, значит, можно снять! Я обещаю это тебе!..

В небе полыхнула беззвучная, ослепительно-голубая вспышка, выхватившая из темноты очертания высокой стены, выступающие подоконники, галерею с округлыми провалами арок, изогнутые трубы водостоков, откуда хлестала белая, вспененная вода, и затянутое низкими тучами небо. Затем пришел звук — многократно усиленный сухой треск рвущегося полотна, оглушающий, не знающий преград и радостный голос стихии.

— Гроза, — растерянно ойкнула девушка. — Первая гроза!

На лестнице, ведущей с галереи, заплясали раздуваемые ветром язычки факелов и качающиеся желтые пятна масляных ламп.

— Ваше высочество! Баронетта Айлэ! Коннахар! Госпожа Монброн! Где вы? — звали тревожные голоса.

— Идем, — Конни потянул девушку за собой. — Мне еще предстоит взбучку от отца получать — вполне заслуженную... Ты случайно не знаешь, гроза в ночь Белтайна — хорошая примета или дурная?

— Х-хорошая, — простучала зубами Айлэ, которую начал бить запоздалый озноб. — А ты знаешь, что обещания, данные на Белтайн, надо обязательно выполнять?

Глава третья

Испытание

2 день Третьей весенней луны.

Дождь стих только к утру. Мир продолжал жить по своим законам, над городскими крышами забрезжил тусклый розоватый отблеск, сменившийся положенным рассветом и началом нового дня — солнечного и ветреного. Сидевший в оконном проеме Конни видел трепещущие флаги на дворцовой стене и раскачивающиеся макушки деревьев, растущих вдоль набережной. За дверями комнаты пару раз лязгнуло и гроыхнуло — должно быть, сменился караул — но засов на створках остался неподвижным.

Его отвели сюда вчерашним вечером, и с тех пор к нему никто не навещался. О Коннахаре, наследнике аквилонской короны, попросту позабыли.

«Справедливо, — мрачно согласился Конни. — Чего обо мне беспокоиться? Жив-здоров и никуда не денусь из-под замка. Небось, до сих пор решают, как со мной быть. Только бы матушка вступилась, не то под горячую руку отец вполне может засунуть нашкодившего отпрыска в захудалую крепость на границе с пиктами. Или выставит из страны, чтобы глаза не мозолил. Пусть, мол, малыш Коннахар проведет годик-другой в Немедии, в тамошней Военной Академии. Ему это пойдет на пользу, — размышления Конни свернули в глубокую и опасную колею, проторенную бессонной ночью. — Вдруг я вчера кого-то убил? Что тогда? Попахивает уже не семейным советом, но Королевским судом. Выкуп за пролитую кровь, шумное порицание обществу... Разумеется, не казнят, но пойдут пересуды... В крайнем случае, приговорят к заключению где-нибудь в отдаленном замке короны. Да, но как же Айлэ?!»

Воспоминание о баронетте дия Монброн напрочь лишило Конни способности трезво рассуждать, заставив спрыгнуть с окна и закружить по комнате. Ее наверняка удалят из дворца, чтобы больше не давать поводов для сплетен. Может, именно сейчас она торопливо складывает вещи, не сумев даже толком попрощаться...

«Айлэ уезжает, а я ничего не могу поделать!»

Мысль походила на ослепляющую молнию, швырнувшую пленника к дверям с намерением колотить по бесчувственному дереву до сбитых костяшек пальцев.

Остановил его негромкий шелестящий звук, с каким поворачивается хорошо смазанная латунная задвижка.

Посетитель небрежно захлопнул за собой дверь и наградил Конни мимолетным взглядом, от которого у любого человека внутренности поневоле съеживались в мелко подергивающийся комок.

Жалобно скрипнуло кресло, принимая на себя немалый вес, и Конан Аквилонский холодно потребовал:

— Ну, теперь рассказывай.

Повествование вышло кратким, и, как надеялся Конни, звучало достойно. Ничего лишнего, никаких обвинений, только четкое изложение событий. Ни единого словечка об Айлэ Монброн. Брызги этой грязной истории не должны запятнать ее имя. На галерее присутствовала только подвыпившая молодежь из дворца, позволившая себе пару несдержанных замечаний, вызывавших крайнее раздражение наследника короны, а более никого.

Закончив, он вопросительно скосился на отца, пытаясь догадаться, какое впечатление произвели его слова. Похоже, весьма скверное. На поблажки и чувство родительской любви рассчитывать не придется.

— Четыре человека, — раздумчиво, точно обращаясь к самому себе, протянул Конан. — Треснувшие ребра, сломанные руки, расквашенные носы. Трейско, недотепа, который грохнулся...

— Я его неудачно толкнул, — уточнил Конни,

робко порадовавшись тому, что стычка обошлась без смертоубийств.

— ...Который грохнулся с балкона, — не слушая, продолжал свое повествование король, — умудрился шлепнуться прямо на кхитайскую вазу. Никчемный фарфоровый горшок и его череп теперь весьма схожи. Голова со временем заживет, а осколки вазы пришлось выкинуть. Как и разбитое оконное стекло. Оно, между прочим, стоило не меньше двухсот солидов, не считая доставки из Мессантии. Полусотник Вигерен, когда очнется и заговорит, наверняка подаст в преждевременную отставку. К несению военной службы он более негоден. Вряд ли когда сумеет влезть в седло без посторонней помощи. То же относится к его приятелю Стимму, чья физиономия отныне и навсегда будет напоминать жабу, сплюсненную копытом тяжеловоза. Да, еще Коррент-младший, мающийся от жестокого несварения желудка и испортивший мне утро своим нытьем... Коннахар, может, ты хочешь что-то добавить?

— Нет, — еле слышно выдавил наследник престола, мысленно прощавшийся с дамой сердца и друзьями. Сошлют, точно сошлют. В гости к любезным соседям, в Пограничье. Они как раз завершили постройку новой крепости на рубеже с Гипербореей, и им пригодится любой человек, способный держать оружие.

— Жаль, — фальшиво огорчился Конан. — Твой дружок Эвье был куда говорливее. Он почему-то решил, будто должен всенепременно

разделить твою скорбную участь. Я с ним полностью согласен.

Никакой положенной благодарности к приятелю Конни не испытал. Скорее, глуховатую злобу на неумную болтливость дие Коррента.

— Устраивать балаган с судилищем и публично рубить вам головы, пожалуй, не стоит. Лучше бросить в подземелье, — в голосе Конана зазвучала некая коварная мечтательность. — В холодный, мрачный, сырой подвал. С крысами и пауками. Ржавые цепи, никаких прогулок, тухлая овсянка и бичевание дважды в день. По праздникам — трижды. Как уверяют мудрые люди, такое времяпровождение расширит ваш кругозор и придаст суровый жизненный опыт. Куда это годится — моему сыну уже пятнадцать, а он ни разу не сидел в настоящей тюрьме! Я в твои годы... Впрочем, это к делу не относится. Решено: ты вместе с Эвье до конца года перебираешься в казематы Старого Бастиона. Вам понравится, обещаю. Заодно я позабочусь, чтобы подобных глупостей больше не повторялось.

Навощенные дощечки пола под ногами Конни начали рассыпаться, открывая бездонную пропасть, в глубинах которой призывно вспыхивали темно-багровые языки огня.

— Истинную причину всех неурядиц зовут девицей Монброн, верно? Без родительского пригляда она совсем распустилась. Ей давно пора замуж. Дадим вздорной красотке хорошее приданое от щедрот короны, затолкаем под венец, и пусть катится куда подальше. Скажем, в Полу-

ночный Гандерланд. Или в родные Рабиры. А ты на досуге поразмысли, какую ценную услугу своей стране окажешь, коли мы предложим заключить брак между тобой и какой-нибудь из офирских принцесс. В Ианте их томится на выбор три или четыре. Любая согласна хоть сейчас переехать в Тарантию.

— Ты не можешь так поступить, — с мужеством отчаяния выговорил молодой человек.

— Почему? — вопросительно поднял бровь Конан. — Я король или нет? Захочу — прикажу зашить тебя в мешок и утопить в Хороте. Всегда мечтал побыть тираном.

— Если тебя хоть сколько-нибудь волнует судьба твоего сына... то есть моя...

— Да в целом Обитаемом Море не найдется предмета, который волновал бы меня сильнее! — взревел король Аквилонии, подкрепляя слова могучим ударом ладони по полированной столешнице из мореного дуба. — Демоны Серых Равнин, о ней я и толкую, сын мой Коннахар — о твоей судьбе! Тебе пятнадцать зим. Твой отец, при всех его недостатках, убил своего первого врага в четырнадцать! Все, на что хватило тебя — учинить непотребную драку на званом ужине! Я, будучи мальчишкой, остался один во всем свете и прошел половину Материка, потому что хотел жить и узнать — что там, за поворотом дороги? Когда четверо недоумков чешут свои поганые языки об имя твоей возлюбленной, ты, вместо того, чтобы вызвать мерзавцев на поединок и изрубить в кашу, лезешь с кулаками, как

малое дитя! Кром Воитель! Хоть бы ты прикончил этого паршивца Вигерена, пусть даже голыми руками! По крайности, тогда никто не мог бы сказать, что потомок Конана Киммерийца не смог смыть оскорбление кровью!

* * *

Должно быть, выражение лица Конни стало на удивление глупым и растерянным, поскольку король внезапно расхохотался и, пружинисто вскочив — кресло возмущенно пискнуло — обнял сына за плечи и притянул к себе.

— Ну что ж, — удовлетворенно изрек Конан, рассматривая потомка с каким-то радостным удивлением, в то время как потомок, начиная кое-что соображать, снизу вверх таращился на него, — все обстоит гораздо лучше, чем можно ожидать. Я все думал — проявится в тебе знаменитая кровь Канахов или нет? Дженна говорила: «Не торопись, обожди, дай мальчику подрасти» — и оказалась права.

Мрачные бездны отступили, к миру постепенно возвращались утраченные было краски, и ссыла в Пограничье больше не маячила неподалеку страшная угроза.

— Можно ли понимать сказанное, — осторожно начал Конни, — как твое прощение?

— Прощение — само собой, — беззаботно отмахнулся Канах-старший, падая в кресло и жестом предлагая сыну сделать то же самое. Второго седалища в комнате не имелось, и принц

опять устроился на облюбованном подоконнике. — Но так легко ты не отделаешься. Склоку ты учинил безобразную, и слухи поползли немедленно. Между нами говоря, — он заговорщицки понизил голос, — на твоём месте я поступил бы так же, только наверняка прикончил бы этих болтунов. Самообладание в тебе, должно быть, от матушки. Йен всегда умела держать себя в руках, в какие бы переделки мы ни попадали... Эй, кто-нибудь!

На высочайший окрик явился один из стражников, несших караул под дверями. Выслушав повеление немедленно раздобыть аргосского муската, он безмолвно удалился.

— Вообще-то подробности вашей задушевной беседы я разузнал к середине ночи, — признался король, дождавшись, пока двери закроются. — Как только улеглась суматоха, твоя подружка немедленно помчалась к королеве — просить о заступничестве для тебя. Она до сих пор торчит в опочивальне моей жены. Рыдает и грозит кого-нибудь убить. Кроме того, те весельчаки беседовали достаточно громко. Нашлось ещё с полдюжины заслуживающих доверия свидетелей их глупости. Я просто хотел тебя чуть-чуть проверить. Поздравляю, испытание ты прошёл с честью. Ни разу не упомянул баронетту Монброн, не ныл, не ябедничал и не пытался оправдаться...

— Значит, подземелья не будет? — на всякий случай уточнил Конни. — И бичевания трижды в день тоже?

— Не будет, хотя неплохо бы, — хохотнул правитель Аквилонии. — Ещё не хватало — в нарушение всяческих уложений подвергать особу королевской крови телесным наказаниям! Ревнители традиций сожрут меня вместе с сапогами и короной, уж будь уверен. И Рабирийский Изумруд я тоже не сошлю и замуж не спихну, иначе Райан с Меланталь напустят порчу на всю страну. Что же до офирских принцесс...

Король сделал вид, будто усиленно размышляет. Слегка воспрявший духом Конни немедленно похолодел от ужаса.

— Но, отец!..

— Что «отец»? — буркнул Конан, с трудом сдерживаясь, чтобы не рассмеяться в голос. — Между прочим, очень даже ничего девчонки. У меня где-то завалялись портреты, офирский посол старательно всучивал. Потом зайдёшь, полюбишься. И опять же, доля с тамошних рудников...

— Да не нужно мне их несчастного золота! — взмолился Коннахар, сваливаясь с окна, но тут, по счастью, бесшумный слуга внес покрытый пылью кувшин с клеймом королевских погребов и два резных хрустальных кубка на круглом подносе. Киммериец жестом отослал лакея и привычным движением распечатал сосуд. Золото аргосского муската урожая двадцатилетней давности заискрилось в грансном хрустале.

Конни, метавшийся по комнате, ополовинил свой кубок одним махом, на что его отец, с наслаждением перекачивая во рту первый, самый

сладкий глоток, только неодобрительно покачал головой.

— Совершенно варварские манеры... гм... — пробормотал он. — Теперь приступаем к самому неприятному. Слушай внимательно, сын: за нарушение свода правил дворцового этикета и нанесение увечий отпрыскам знатных родов... проклятье, ну и покалечил ты их... я вынужден особым королевским указом понизить тебя в воинском чине на две ступени, поелику проступок твой относится к категории тяжелых. Ты приписан к Черным Драконам, ведь так?

— Так, — уныло подтвердил Коннахар.

— Так... и, насколько я знаю, в настоящее время состоишь в звании центуриона. Ох-хо-хо... Есть чем гордиться. Господа офицеры, вашего центуриона пожаловали в десятники... Церемония состоится завтра, в присутствии высших чинов легиона. Заранее сочувствую: разжалование — вещь очень неприятная и постыдная. Лишение знаков различия, преломление клинка и так далее. Мучиться будешь в одиночестве — я на такое безобразие смотреть не пойду. Вигерену и Сtimму, хоть, Митра свидетель, мне того не хочется, будет выплачена изрядная вира за поношение и ущерб здоровью. Пусть убираются по домам и больше мне на глаза не показываются. Двоих оставшихся обалдуев, Коррента и Трейско, вышлют из Тарантии в отдаленные крепости без возможности впредь занимать должности выше сотника... Вот такой веселый Белтайн получился.

— Могу я попросить за Эвье? — осмелев, перебил Конни. — Если кто виноват менее прочих, так это он.

— Я и сам так думаю. Болтает он много, а так парень неплохой. Хм... Ладно, посмотрим, что с ним делать. Теперь опять касательно тебя. На три луны я подвергаю тебя... как его там... золотому аресту без оков и замков. До наступления осени из дворца ни ногой, понял? Ни в город, ни на охоты, ни в гости, никуда! Мера негласная, но имей в виду: осмелишься снова что-нибудь учинить, вот тогда я рассержусь по-настоящему. Есть храбрость, есть упрямство, и пора научиться отличать одно от другого! Я понятно выразился?

— Понятно, отец, — смиренно кивнул молодой человек. — Я хотел бы еще спросить...

— Остается она во дворце, остается, я же сказал, — отрезал король, не сдержав усмешки при виде радости, озарившей лицо сына. — Успеешь еще налюбоваться. Только... Впрочем, сами разберетесь, не маленькие. И прекрати хлебать прекрасный мускат, как воду! Да, чуть не запаматовал. Достопочтенный месьор Борс Тегвир, воинский наставник, докладывает, что ты совсем забросил упражнения. Того и гляди забудешь, с какой стороны подходят к лошади! Посему своей королевской и, что гораздо важнее, отцовской властью в два раза увеличиваю для тебя время занятий в Фехтовальном Зале. Потом лично проверю, чего ты добился!..

3 день Третьей весенней луны.

Треск ломающегося клинка, как полагал Конни, будет теперь преследовать его в кошмарных снах до самой смерти. Меч для позорной церемонии, само собой, взяли парадный, с тонким и заранее подпиленным лезвием. Звук получился именно такой, как требовалось — сухой, отрывистый, напоминающий резкий щелчок бича. Он заглушил даже низкие гроыхания барабанов и мерный голос глашатая, зачитывающего королевский указ.

Слова приговора словно тонули в окружившем наследника престола густом сером тумане, походившем на дым от костра. Это и вправду был самый настоящий костер, где дровами служили стыд и раскаяние Конни. Отец говорил непреложную истину — Коннахар вел себя, точно маленький ребенок. Как теперь показаться во дворце? В лицо, конечно, никто не засмеется, но за его спиной наверняка будут перешептываться и тыкать пальцами. Единственное спасение — закрыться до наступления осени в своих комнатах и никого не впускать. Даже Айлэ.

Тихое звяканье заставило Конни на миг опустить глаза. Он увидел валяющийся под ногами безжалостно погнутый серебряный значок, изображавший маленького крылатого дракона и свидетельствовавший о его бывшей принадлежности к дворцовому легиону. Принцу внезапно захотелось нагнуться, подобрать фигурку и унести с собой — пусть напоминает о случившемся.

— Кру-угом! Марш!.. — лязгнуло над самым ухом.

Две шеренги слаженно развернулись и с какой-то непривычной торопливостью промаршировали к распахнувшимся двустворчатым дверям.

Конни потерянно смотрел вслед уходящим, в который раз пытаясь уверить себя: опала не настоящая. Осенью она закончится. В крайнем случае продлится до конца года. Его изгнание подойдет к концу, и новым королевским эдиктом наследнику вернут утраченное звание...

Тогда почему очертания гербов, вышитых на полотнищах знамен, развешанных по стенам Малого Церемониального зала, начинают подозрительно расплываться?

Кто-то настойчиво потеребил молодого человека за плечо, буркнув: «Иди за мной».

— Куда? — вырвалось у Конни прежде, чем он сообразил. Церемония еще не завершена. Разжалованному надлежит принять десять ударов хлыстом и на седмицу отправиться в камеру под зданием казарм. Первое из-за исключительности случая решено заменить символическим наказанием сшитой из образков кожи куклы-болвана, на которой обычно тренируются в точности метании ножей. Что касается второго, то здесь ничего не поделаешь — традиции есть традиции. Нельзя пренебрегать ими до бесконечности.

В глубине души Конни тихо порадовался тому, что на целых семь дней его оставят в покое. У него будет время как следует обдумать свой

поступок и решить, какой должна стать его жизнь дальше.

Он достаточно спокойно вынес зрелище побиваемого болвана, хотя вздрогнул при первом хлестком ударе, невольно вообразив себя на месте бесчувственной куклы, набитой соломой. Молча спустился вслед за стражниками по просевшей от времени каменной лестнице в подвальные помещения, отрицательно покачал головой в ответ на вопрос, не нужно ли ему чего, и вошел в указанную дверь. Низкая толстая створка захлопнулась. Донеслись удаляющиеся по коридору шаги и опять грохот запираемого замка. Стало тихо. Должно быть, собратьев по несчастью принцу не полагалось.

Камера мало напоминала уютную комнату, но «преужасным узилищем» наподобие такого, что красочно расписывал отец, тоже не выглядела. Конни мимолетно пожалел, что в ней нет окон, если не считать крохотных отдушин под самым потолком, ткнул кулаком брошенный на лавку тощий тюфяк, нерешительно присел сверху... и сам не заметил, как задремал.

* * *

Проснулся он с ощущением чьего-то присутствия рядом. В камере появились новые предметы обстановки — колченогий стол и добротного вида скамья. На столе красовались бронзовая масляная лампа и внушительных размеров плетеная корзина, а на табурете сидел человек в

плаще с низко наброшенным капюшоном. Когда Конни зашевелился, незнакомец обернулся, знакомым жестом сдвигая капюшон назад, и сочувственно поцокал языком.

— Мама? — спросонья Коннахар едва не принял гостью за порождение собственных грез. — Мама, ты что здесь делаешь?

— Нарушаю строжайший запрет моего супруга и повелителя, — невозмутимо отозвалась Зенобия. — Он не желает, чтобы тебя навещали. Я больше и не буду, но должна же я сперва лично взглянуть, как обращаются с моим мальчиком.

Королева Аквилонии внимательно оглядела старшего отпрыска и, придя к каким-то выводам, удовлетворенно кивнула.

— Мне сказали, ты отлично держался во время церемонии. Конан доволен больше всех, пусть и пытается это скрыть. Наконец-то он получил убедительное доказательство семейного сходства.

— Я старался, — Конни поймал себя на том, что вот-вот разревется, и с силой прикусил язык.

— Верю, — мягко сказала Дженна. — Я горжусь тобой и одобряю твой поступок... хотя по-прежнему не могу согласиться с твоим выбором. Я говорила и повторяю — одари своей благосклонностью какую-нибудь иную девицу.

— Ма-атушка, — укоризненно протянул Коннахар. — Помнится, ты обещала не вмешиваться в мои отношения с баронеттой Монброн!

— Раньше ты не встречал из-за нее в драки, — возразила королева.

— Но ведь я победил!

Зенобия сокрушенно вздохнула:

— Нет, ты даже хуже своего отца. Боюсь загадывать, какой ужас начнется во дворце, когда подрастут Лазг и Диса... Астрологи лгут — мне не суждена мирная старость в кругу семьи. Ладно, герой, наслаждайся заслуженной карой, — она поднялась, одергивая длинный плащ. — По-моему, твои друзья вынашивают замысел устроить тебе побег. Ожидай запеченных в пирогах шелковых лестниц и напильников между книжных страниц. Прекрасной Айлаз я передам, что все твои помыслы — только о ней.

— Ты не знаешь, как обошлись с Эвье Коррентом? — на всякий случай осведомился Конни.

— Знаю. Он тоскует за решеткой в другой части подвала. Его приговорили к десяти дням заключения, — Дженна постучала по двери, чтобы ее выпустили, и повернулась к сыну: — Не грусти, Конни. Семь дней — не семь лет. Твоя жизнь не кончена, она только начинается. Скоро увидимся. Кстати, я на всякий случай захватила те книги, что лежали в твоей комнате. Расскажешь потом, отчего тебя так волнует происхождение рабрийцев?

Идя по коридору за тюремщиком, королева украдкой всхлинула и раздраженно вытерла глаза краем торопливо извлеченного платка. Зачем дети так быстро взрослеют? Не успеешь оглянуться, а они уже перестали быть несмышленными малышами, и больше не слушают твоих слов, разве что из вежливости.

Она поднялась по слабо освещенной лестнице, наклоняя голову, чтобы не удариться о низкий потолок. Свернула в боковой коридор, выходящий в старую крытую галерею между казармами королевской гвардии и первым этажом дворца. Ей редко пользовались, и Дженна надеялась, что ее визит в тюрьму останется незамеченным. Мианта Тилинг должна отвечать любому визитеру, что Ее величество Зенобия Канакх пребывает в расстроенных чувствах и не желает никого видеть...

— Ой!

За поворотом Дженна едва не налетела на человека, подпиравшего стену и явно ожидавшего ее появления. Завидев торопившуюся женщину, он удовлетворенно крикнул и преградил ей дорогу, заявив:

— Вот и попалась. Куда ты ходила, дорогая? Госпожа Мианта строила такие честные глаза, уверяя меня в твоей неспособности, что я ей сразу не поверил. Будешь признаваться?

— Не буду, — мрачно буркнула Зенобия. — Ты узурпатор и безжалостный тиран. Заточить собственного ребенка в подземелье! Не могла же я оставить его пропадать в одиночестве, без материнской поддержки!

— Ему нужна не твоя поддержка, а славная трепка, — добродушно поддразнил жену Конан. — Хорош малый ребеночек — избить до полусмерти четверых пьяных оборотов только потому, что они ляпнули гадость о его подруге!

Королева Аквилонская поджала губы, всем

видом показывая, насколько она презирает такой способ разрешения трудностей, и осведомилась:

— Долго ты собираешься его там держать?

— Ровно седмицу, ни днем больше, — заверил ее Киммериец. — Что касается дальнейшей судьбы Конни... Я кое-что придумал, но мне нужен твой совет. Идем, по дороге поговорим.

— Внимаю, — Зенобия поневоле заинтересовалась. Дослушав, негромко рассмеялась: — Это не наказание, а поблажка. Думаешь, он справится?

— Конечно, — самоуверенно отозвался Конан. — Чей он сын, в конце концов?

10 день Третьей весенней луны.

По расчетам Конни выходило, что сидеть взаперти ему оставалось совсем недолго, всего один день. Однако ему выпало маленькое послабление. Вскоре после восьмого послеполуденного колокола (Конни слышал его размеренные удары, долетавшие сквозь толщу стен) скрипнул поворачивающийся ключ в замке, заскрежетал засов и в камеру заглянул Грельго, старший из тюремных надзирателей. За время вынужденного безделья Конни познакомился и с ним, и с тремя его помощниками, выслушал уйму рассказов о тяготах службы и с десятков неизбежных историй о неугомонных призраках бывших обитателей подвалов под гвардейскими казармами.

— Велено выпустить, — сообщил Грельго и многозначительно ткнул пальцем в закопченный

потолок, показывая, с каких недостижимых высот явилось подобное распоряжение. — Жалобы высказать желаете? Нет? Ну, благодарствуем... Попадают такие сидельцы — мы вокруг них, значит, едва ли не на цыпочках бегаем, а они нам же потом страшными карами грозятся... Сопровождающего покликать? Обойдетесь? Тогда вот по этому коридору до конца, толкнете дверцу — она незапертая — и сразу увидите гвардейский караул. Будьте здоровы, Выше высочество.

Тарантийский дворец приветствовал наследника престола мирной тишиной. Никто его не встречал — должно быть, неизбежные торжества по поводу воссоединения правящей фамилии предполагались завтра. Весть об обретении Коннахаром заслуженной свободы, похоже, не достигла даже его близких друзей. Оно и к лучшему — Конни не хотелось сейчас болтать и отвечать на сотню различных вопросов.

Поразмыслив, не заглянуть ли на половину родителей, принц счел такой поступок излишним. Отцу и матушке наверняка известно, что отпрыск больше не под замком. Зачем тревожить их визитом посреди ночи? Айла сегодня тоже повидать не удастся. Госпожа Тилинг строжайше оберегает честь порученных ей девиц и вежливо, но непреклонно укажет принцу на дверь.

Дальнейший путь определился сам собой. Молодой человек сперва наведался в Приречное крыло, где располагались термы (тамошние служители если и удивились потрепанному виду

наследника, то виду не подали), откуда заглянул на Малую кухню, совершив очередное нарушение правил этикета и разжившись поздним ужином.

Под личные владения старшего королевского отпрыска отвели — по его настойчивой просьбе — причудливого вида башенку в полуденной части замка. В шести комнатах отлично разместились все предметы, необходимые для жизни и таковую украшающие, расставленные в некотором живописном беспорядке. За время отсутствия принца тут явно похозяйничали слуги, причем под бдительным надзором королевы, в который раз переделавшей жилище дражайшего сына в соответствии с личными вкусами и воззрениями.

Войдя, Конни только головой покачал. Матюшка всегда остается верной страсти к порядку. Интересно, содержимое стола она тоже перебрала, разложив листок к листу? Жуткую помпезную картину на стене гостиной он завтра точно выбросит... и тонконогий резной столик тоже.

Семь дней символического заключения не прошли даром. Пожалуй, впервые в жизни Коннахар всерьез над чем-то задумался. Обещание, данное сторяча Айле Монброн, требовалось выполнить. Только как? С чего хотя бы начать? Его учили — любое важное событие должно оставлять по себе след. Отголоски войны, гремевшей на Полуночи Материка восемь тысяч лет назад, наверняка сохранились в каких-нибудь летопи-

сах. Нужно искать. Если потребуется, он переселится в библиотеку. Один человек не одолеет такую гору рукописей. Нужна помощь. К кому обратиться? Месьор Невдер, Меллис Юсдаль и ее брат — они наверняка согласятся, хотя втихомолку решат: Конни взялся за невозможное дело. Ну и пусть. Если он добьется успеха, ему будет за что уважать себя. Или он собирается всю жизнь провести в тени своего великого отца?

Рассуждения настолько захватили Конни, что он не обратил внимания на беззвучно открывшуюся и закрывшуюся дверь. Вопедший, словно колеблясь, постоял на пороге, глядя из темноты на огонь в камине, отодвинутое кресло и молодого человека, выглядевшего не то дремлющим, не то глубоко задумавшимся.

Впрочем, он услышал легкий скрип половиц и оглянулся, увидев тонкий, призрачно мерцающий силуэт. Тень гибко присела рядом, обернувшись вполне живой и осязаемой Айле Монброн. Таинственное сияние исходило от ее туники, расшитой серебряными звездочками по темно-зеленому бархату.

— Я случайно узнала, что ты вернулся, — чуть дрогнувшим голосом сообщила девушка, теребя охватывающую шею изумрудную цепочку. — словно прошло не семь дней, а семьсот лет.... За это время я стала взрослее и кое-что поняла. Я больше не могу без тебя.

Никогда еще не изменявший принцу дар речи внезапно пропал. Он смотрел на давно знакомое, узкое, точеное лицо в обрамлении густых

темных волос, на влажно поблескивающие глаза цвета переменчивой морской волны, в которых отражался он сам, и слышал беззвучные раскаты грома в ушах, складывающиеся в незамысловатые слова: «Это Айлэ. Она пришла ко мне и хочет остаться навсегда. Такого не может быть. Я, наверное, сплю.»

Последнее соображение заставило Конни протянуть руку к полуночной гостье. Его пальцы нерешительно коснулись плеча, от которого исходило суховатое тепло, поднялись выше и запутались в локонах, казавшихся одновременно жесткими и шелковистыми. Коннахар осторожно потянул девушку к себе, и она с мягкой готовностью подалась навстречу.

Конечно, им доводилось целоваться прежде. Почти всегда у Конни начинала сладко кружиться голова, а его подруга, лукаво смеясь, отодвигалась в сторону. Но сегодня... Сегодня это напоминало падения и взлеты парящей высоко в небе птицы. Или неодолимое влечение набегающей на берег и отступающей океанской волны. Или пьянящий вкус перебродившего меда... Айлэ Монброн досталась ему, словно завоеванная в сражении награда — желанная и мнившаяся почти недостижимой.

Спустя какое-то время Коннахар осознал, что полулежит на растленной перед очагом медвежьей шкуре, сжимая в объятиях тихо постанывающую и трепетавшую от наслаждения Айлэ. Ее сверкающее платье и его одежда небрежно скомканными тряпками валялись поодаль. В

глубине души он опасался собственной неопытности — ведь он впервые познавал женщину! — но со второй попытки им удалось приноровиться друг к другу.

Огромный мир уменьшился до крохотного пятна света, льющегося из камина, и наполнился чередой мимолетных, но таких ярких и притягательных ощущений. Конни запомнил бархатистую гладкость горячей кожи под своими ладонями, скользкие движения (сперва торопливые и неловкие, постепенно они приобрели нужную соразмерность), и как, отдаваясь, рабирийка пристально глядела на него чуть расширившимися глазами: сверху вниз, быстро и жадно втягивая воздух. Ее волосы растрепались, девушка раздраженным кивком головы постоянно отбрасывала их назад, и тогда на стене возникала причудливая расплывчатая тень.

Глава четвертая

Единомышленники

17 день Третьей весенней луны.

Охотничьей залой за семь дней произошли разительные перемены. Теперь она напоминала не то библиотеку, разгромленную безжалостными завоевателями, не то жилище чутко свихнувшегося волшебника.

Книги стопками возвышались на столах, придавливая разлохматившиеся и скручивавшиеся в трубку края чертежей неведомых земель, громоздились на подоконниках, теснились на полках шкафов и без всякого уважения к письменному слову валялись на полу. Среди пергаментного хаоса неприкаянно поблескивал серебряный поднос, украшенный полупустым кувшином, парой грязных бокалов и тарелкой с частично съеденной куриной ножкой.

Две юные дамы — одна с золотисто-рыжими,

другая с черными локонами — сидя на полу, сосредоточенно изучали толстенную рукопись, причем блондинка рассеянно грызла кусок пирога, щедро посыпая старинный фолиант крошками. В углу кто-то спал, с головой накрывшись парадным багряным плащом с золотой отделкой, и еле слышно похрапывал.

Толстые свечи в бронзовых шандалах догорели до самого основания, над ними поднимался сизоватый дымок.

Темноволосая девица потянулась, протерла ладонями глаза и удивленно воззрилась на появившийся между задернутыми шторами желтоватый проблеск. Нахмурилась, соображая, и толкнула соседку локтем:

— Доброе утро. Оторвись от чтения. Все равно мы не разыскали ничего нового.

— Уже утро? — недоверчиво утончила Меллис Юсдаль, переворачивая очередную страницу.

— Восьмой или девятый послеполуночный колокол, — перейдя к решительным действиям, Айлэ отобрала у подруги книгу. — Довольно. Иначе мы скоро превратимся в кучку книжных червей. Мелких, белесых и противных.

Меллис приглушенно хихикнула и огляделась вокруг. Похоже, им теперь до конца жизни придется рыться в старинных манускриптах, извлеченных из книгохранилища замка и специально доставленных из Обители Мудрости. Спрашивается, почему? Да из-за влюбленного по уши Коннахара, который бросается невыполнимыми обещаниями! Найти средство для снятия гульского

Проклятия! Выдумал настоящий подвиг для героя! С равным успехом наследник Аквилоний мог посулить даме своего сердца раздобыть для нее сказочное яблоко, дарующее бессмертие, или алмаз величиной с человеческую голову!..

«Ты просто завидуешь, — оборвала себя Меллис. — Прекрати. Успеешь еще получить свою долю нежных чувств и вздохов при луне. Вкупе со случившимся по твоей вине поединками и грязными сплетнями».

Распахнулась дверь, впуская сначала выглядевшего чрезвычайно озабоченным Конни, а затем препиравшихся на ходу Ротана Юсдаля и месьора Невдера. Оба тащили по толстой стопке фолиантов, и Меллис услышала скорбный вздох, испущенный баронеттой дия Монброн.

— Как поживаете, благородные девицы? — серьезно осведомился Коннахар.

— Мы вот-вот захлебнемся в книгах! — рабийка вскочила на ноги и протестующе выставила ладони перед собой. — Чем больше мы читаем, тем больше запутываемся! Тексты каждым словом противоречат друг другу, мы постоянно запинаемся об огрехи переводчиков и ровным счетом ничего не понимаем, когда речь заходит о магии!

— Айлэ решила впасть в отчаяние, — не слишком вежливо, но справедливо отметил Ротан, водружая свою ношу на край стола. Книги опасно закачались. — Не знаешь, сестрица, с чего бы ей захотелось предаться унынию?

— Она права, — грустно согласилась Меллис.

— У нас ничего не получается. Мы не представляем, что искать и где. Кроме того, у меня возник очень простой вопрос, на который я не смогла найти ответа. Предположим, способ уничтожения Проклятия Рабиоров есть. Тогда почему за восемь минувших тысячелетий никто до него не додумался и не применил? В прежние времена волшебники умели и знали куда больше, чем сейчас!

— Возможно, положение дел в мире было таково, что не сыскалось ни одного желающего вплотную заняться трудностями обитателей Рабиоров, — негромко предположил месьор Невдер. Айлэ недоверчиво пожала плечами и, аккуратно ступая между колоннами из рукописей, перебралась ближе к принцу. Как заметила не только Меллис, после разразившегося на празднике Белтайн скандала Коннахар и баронетта Монброн постоянно держались рядом, точно бросая безмолвный вызов обществу. Не способный испытывать положенного трепета перед блеском королевской власти Ротан со смешком уверял сестру: эти двое не только считают себя будущими супругами, но наверняка уже являются таковыми.

* * *

— Госпожа Айлэ отчего-то не желает замечать достигнутых вами успехов, — почтенный библиотекарь устроился за столом, разложив перед собой веер густо исписанных листов пергамента. — Впервые за последние сто или двести лет — а

может, пятьсот, кто его знает... — кто-то взял на себя труд собрать воедино разрозненные обрывки истории возникновения поселений в Рабирийских горах. Получилась хоть и неполная, но весьма прелюбопытная картина, в которой нас интересует один определенный момент — обстоятельства возникновения Проклятия... Ротан, не желаешь продолжить?

Конни и Меллис, переглянувшись, еле подавили готовый вырваться смешок — происходившее удивительно напоминало давешние уроки истории. В каком году происходило сражение при Ларее и каковы были его последствия? Кто и когда основал Шамарскую крепость? Назовите условия Рамолийского мирного договора, заключенного Сигибертом Завоевателем!..

— Для начала нам придется согласиться с существованием пресловутой Полуночной Цитадели, — внушительно заявил Юсдаль-младший. — И с тем обстоятельством, что ее взяли штурмом, а после разрушили. Последствия разрушения оказались столь грандиозны, что нанесли ущерб почти всем землям Материка и, возможно, привели к гибели великой островной империи Атлантиды. Перечислить достопочтенных авторов, на основании изучения трудов которых я пришел к такому выводу?

— Не надо, — милостиво дозволил Коннахар. — Мы верим.

— По всему выходит, что Проклятие возникло либо во время, либо незадолго до падения Крепости. Раньше о нем не упоминается, а поз-

нейшие хроники всецело принадлежат кхарийцам, мало интересовавшимся историей других народов... Нам бы хоть парочку описаний событий тех времен, желательна созданная очевидцами, — с сожалением добавил Ротан. — Пусть даже испорченных бездарным переводом!

— Так сохранились же альбийские летописи, — вмешалась Меллис. — В Бельверусе хранится список под названием «Кэннэн Гэллэр»...

— «Звездные имена», — перевела слегка оживившаяся Айлэ.

— В Кордаве вроде как уцелела некая «Скрижаль изгнанников», созданная гулями. Если Конни обратится с просьбой одолжить эти книги, ему наверняка не откажут.

— «Скрижали» давно не существует, — покачал головой Невдер.

— Мой отец говорил, будто своими глазами видел ее, — заупрямилась девушка.

— Меллис, не перебивай, — Ротан вернул себе право говорить. — Продолжаю. У осаждавших Цитадель и осаждаемых, само собой, имелось командование. Нас интересует предводитель нападавших, потому как именно его полагают творцом Заклятия. Этого человека — прошу прощения за оговорку, не человека, альба — звали Исенной, а еще Феантари, Аллериксом и десятком иных имен. Айлэ, ты хочешь что-то добавить?

— Давняя традиция, — объяснила девушка. — Сохранилась в Рабирах до нынешних времен. Члены нашего племени носят личные имена, из-

вестные только узкому кругу родственников, фамильные имена для общего употребления, и еще частенько прозвища, с течением времени присоединяющиеся к имени как неотъемлемая часть.

— Почему ты раньше не сказала? — вырвалось у Ротана. — Я битых три дня корпел над десятком разных рукописей, пока смекнул, что речь в них ведется об одной и той же личности!.. Ладно, для простоты и удобства остановимся на Исенне — это имечко встречается чаще прочих. Он был неплохим полководцем, но за время долгой войны с Цитаделью, видимо, слегка повредился рассудком. Когда ему сообщили об удачном бегстве части осажденных, Исенна и сложил это самое Проклятие. Без долгих размышлений, без изысканий в мудрых книгах, просто вышел в поле и от души прокричал на весь белый свет — «Данной мне властью проклиная вас до семисотого колена!». Мне еще встретилось краткое упоминание о его кончине, последовавшей почти сразу за созданием Заклятия и окруженной крайней таинственностью. Такое чувство, что Исенну побаивались даже собственные соратники. Я склонен думать, что они сами помогли ему не задерживаться более на этой грустной земле...

— Весьма познавательные и совершенно бесполезные сведения, — спавший в углу и оттого не принимавший участия в беседе человек уселся и с подвыванием зевнул. — Доброго утречка, прекрасные дамы и благородные месьоры. Может ли скромный недоучившийся студизус ука-

зать вам на одну большую ошибку, кою вы допускаете? Вы рыщете в поисках первопричины, вместо того, чтобы исправлять следствия.

— Глас истины, — вяло съязвил Ротан, обидевшись, что его в очередной раз перебили. — Пророк из винной бутылки. Ну, поведай тогда нам, что делать!

На самом деле Ариен Делле, именовавший себя «недоучившимся студизусом», преподавал в стенах Тарантийской Обители Мудрости, славя большим знатоком по части разгадывания исторических казусов и изучения давно сгинувших языков. В замок его привел месьор Невдер, утверждая, будто его давний знакомый является важнейшим дополнением к тем фолиантам, что по требованию Конни перевезли с Правого берега на Левый, сиречь во дворец короны. Ариен немедленно обозвал затею принца юношеской авантюрой и свел дружбу с Ротаном, уговорив того притащить в Охотничью залу корзину с десятком кувшинов. Более ученый муж никакими трудами себя не обременял, разве иногда помогал страдающим Меллис и Айлэ переводить особые запутанные места да развлекал девушек забавными историями из жизни былых королей Аквилонии.

— Я же сказал — исправлять последствия, — терпеливо повторил Ариен. — Разыскать и изучить книги, где описывается, как *снимать* проклятия, все равно какие. Мне однажды попался в руки труд какого-то малоизвестного волшебника времен Кхарии, так вот он приводит закли-

нение, использованное им для уничтожения обманных чар и утверждает, будто оно отлично подействовало. Заклинание он придумал не сам, а тоже вычитал в еще более старинной магической книге не-людского народа — возможно, альбийской или созданной двергами — и с горем пополам перевел его на собственное наречие. Восстановить изначальный текст мне так и не удалось, но в пересказе на аквилонский оно приблизительно звучит так:

Черный ветер к Полуночи мчит облака,
Древний морок с собой унесет.
Будет так, даже если минули века,
Будет так, ибо сила моя велика,
Черный ветер мне силу дает.

— Какое же это заклинание? Обыкновенная кансона, — кротко заметила Меллис. — Однако совет месьора Делле представляется мне... Айлэ! Да что вы застыли? Ослепли, что ли?! Айлэ плохо!

Внимательно слушавшая доселе рабирийка внезапно сгорбилась и начала заваливаться набок. Стоявший рядом Коннахар от неожиданности не успел ее подхватить, и баронетта Монброн не слишком изящно шлепнулась на пол, заодно взмахом руки опрокинув погасший шандал. Ее без того бледная кожа стала какой-то голубоватой, ярко-зеленые глаза потеряли осмысленность и закатились под веки. Она пробормотала неразборчивую фразу, сопроводив ее слабы-

ми шлепками ладоней по полу. Меллис услышала царапающий звук и поняла — так скребли по ореховым доскам наполовину выпущенные когти девушки-гуля. Выглядели они жутковато — кривые и острые, цвета воска или старого дерева.

Толком помочь Айлэ никто не успел, ибо спустя миг та вполне самостоятельно села, надрывно кашляя, и слабым голосом попросила увести ее отсюда.

— Беседы и рассуждения на сегодня завершены, — Конни с величайшей осторожностью поднял свою подругу, убедился, что та достаточно крепко держится на ногах, и бросил на растерявшихся приятелей косой ожесточенный взгляд.

— Но я совсем не хотел... — промямлил вслед принцу обескураженный Ариен. — Не предполагал и в мыслях не имел...

— Неужели заклятие могло подействовать на Айлэ? — шепотом спросила Меллис у брата и месьора Невдера. Никто не ответил, но девушка почему-то решила, что Ротан и библиотекарь согласны с ней.

18 день Третьей весенней луны.

Душевное спокойствие к Айлэ не возвращалось, а попытки скрыть нешуточный испуг выглядели просто жалкими. Единственным внятным объяснением ее поведения стала короткая

обмолвка: «Будто нечто пыталось изменить меня».

Расспросы Конни закончились плачевно. Рабирийка заявила, что желает побыть одна, и едва ли не бегом скрылась за дверями покоев, занимаемых младшими придворными дамами. В течение всего дня Коннахар отправлял кого-нибудь справиться о ней. Вестники приносили одинаковый ответ — баронетте Монброн нездоровится.

Непонятное событие заслуживало тщательного обдумывания. На всякий случай принц даже записал произнесенные Ариеном строчки, но произносить их вслух не решился. Да, на первый взгляд в них не крылось ничего магического, но вдруг? Произвели же они такое неожиданное и пугающее впечатление на Айлэ... Может, им в руки случайно попал ключ к разгадке, но по своему незнанию они не могут им правильно воспользоваться? Или четверостишие — не ключ, а своеобразная подсказка?

Окончательно запутавшись в вопросах без ответов, Конни счел полезным слегка развеяться. Нет никакого проку маяться под дверями комнаты Айлэ Монброн, раз он ничем не может ей помочь, или бесцельно перелистывать старинные фолианты. Он немедленно пошлет за Ротаном Юсдалем вкупе с вытерпевшим свои десять дней пребывания за решеткой Эвье Коррентом, и честно приступит к выполнению отцовского требования — почаще вспоминать о занятиях в Большом Манеже.

В ожидании приятелей Конни сидел в Охотничьей зале, снисходительно озирая царивший беспорядок, и раздумывая — не отписать ли в самом деле в Немедию с просьбой выслать кое-какие ученые труды?

Он потянулся за чистым листом, дабы составить перечень требуемых наименований, но тут в дверь негромко постучали.

— Заходите! — откликнулся Коннахар.

К его удивлению, на пороге вместо двух молодых людей предстал некто иной, при ближайшем рассмотрении оказавшийся бодрого вида старцем в разлетающейся бело-зеленой хламиде. Незванный гость весьма напоминал мага, какими их обычно представляют в волшебных сказаниях. Для полного сходства он таскал с собой увесистый посох с серебряным набалдашником в виде рогатой оленьей головы, обладал длинной клочковатой бородой и крючковатым носом, по сторонам которого хитро посверкивали водянистые, бледно-голубые глаза.

Конни невольно сглотнул, ощутив сильнейшее желание вскочить и вытянуться, как гвардеец на параде. Рано или поздно этого следовало ожидать. По душу принца явился достопочтенный Озимандия, верховный смотритель королевской библиотеки, придворный астролог и один из немногих волшебников, пользовавшихся доверием короля Конана.

— Надеюсь, я не допустил непростительной оплошности, оторвав Ваше высочество от занятий, полезных державе и правящей фамилии? —

фраза звучала безупречно, если не обращать внимания на интонацию — слегка язвительную и насмешливую чуть больше допустимого. Быстрый взгляд Озимандии отметил нагромождение книг, и волшебник одобрительно покачал головой: — Весьма похвальное стремление к знаниям, мой принц. Вот, оказывается, куда подевалась добрая половина коронной библиотеки... Могу я нижайше попросить о разрешении задать всего один вопрос?

— Хоть два десятка, — буркнул Конни. Когда Озимандия начинал выражаться высоким штилем, следовало держаться настороже.

— Ваше высочество на удивление милостивы сегодня, — ехидно скрипнул придворный маг. Коннахар безуспешно сделал вид, будто он вовсе не наследник трона Аквилонии, и словесные шпильки его ничуть не задевают. — Окажите высочайшее снисхождение глупому любопытному старику, приоткройте завесу тайны...

— Озимандия! — терпение принца все-таки лопнуло. — Почему бы тебе для разнообразия не заговорить по-человечески, а? Мы вроде не на Большом приеме в тронном зале, и не на диспуте, касающемся магических изысканий! Что ты хочешь узнать? Зачем мне столько книг по истории? Каковы отношения между мной и баронеттой Монброн? Как я себя чувствую после церемонии разжалования?

— Не возражаешь, если я сяду? — ответил вопросом на вопрос старый волшебник. Былая язвительность в его голосе сменилась усталостью.

— Извини, если я невольно задел тебя, но твои пынephные... увлечения вызывают у меня недоумение и, пожалуй, тревогу.

Маг устроился в кресле, водрузив посох поперец изогнутых подлокотников, и пристально воззрился на Конни, почувствовавшего себя панизанной на иглу и слабо трепыхающейся бабочкой.

— Ужасно утомительны все эти придворные распаркивания, — доверительно сообщил он наконец. — Твое самолюбие не пострадает, если мы обойдемся без них? Ты, конечно, принц короны и так далее, но я как-никак старше тебя в... э-э... шесть или семь, словом, в несколько раз, и...

— Я уже сказал — согласен, — нетерпеливо повторил Коннахар. — Говорим откровенно. Так что же?..

Озимандия в задумчивости пригладил бороду.

— Я стар, но не глуп, — начал он. — Все еще могу сложить два и два. Итак, первое. Некий юноша, если верить устойчивым слухам, влюблен до беспамятства в особу наполовину гильской, наполовину магической крови. Диковинный союз, но в мире случались вещи куда более удивительные. Второе: другой некий юноша внезапно и весьма, весьма целеустремленно начал интересоваться древней историей нечеловеческих рас Хайбории, в частности той, что касается полуполегарного Проклятия Исенны или Проклятия Безумца. Опять же, похвальное увлече-

ние, хотя и редкое. Но если учесть, что сии предполагаемые молодые люди суть один и тот же отрок, коего зовут Коннахар Канах, и вокруг него сплотилась целая когорта добровольных помощников, таких же, как он сам, молодых дарящих... Я пришел к выводу, скорее всего, верно, что упомянутый отрок задался целью самолично избавить даму своего сердца от гильского Проклятия. Возможно, связав себя определенной клятвой. Даже не пытайся, Конни, убедить меня, что это не так.

Коннахар, к его чести, выдержал прощительный взгляд старого мага не покраснев и не пытаясь отпираться, хотя испытал пренебрежительное ощущение — будто бы ледяной комок, возникнув в груди, провалился куда-то вниз.

— Ты прав, — ответил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — А это верно, что маги умеют читать мысли и видеть незримое? Или тебе донесли о... помощниках?

Озимандия засмеялся — коротким, сухим старческим смешком.

— О самонадеянность молодости, — пробурчал маг в седую бороду. — Тайные общества, секретные планы, ночные бдения... Вчера груды фолиантов по древней истории уволок юный Коррент, сегодня в библиотеку как бы невзначай наведались дочка Халька Юсдаля и ее верный паладин Ларбера. Потом я застаю месьора Невдера, бродящего в одиночестве между полок и бормочущего себе под нос «И заклятием Ночи связать на века...» Ну, что я должен думать?

Впрочем, я обычно не разубеждаю тех, кто везде и всюду предпочитает видеть таинственную магию. Ее столь мало осталось в нашем грубом мире...

Озимандия наклонился вперед, опершись локтями на лежащий поперек кресла посох и не отводя взгляда от лица Конни.

— Я не то чтобы сильно обеспокоен, — произнес он. — В конце концов, Проклятие Исенны держалось восемь тысячелетий, и вряд ли кучке самонадеянных юнцов удастся то, на что не хватило многих поколений искусных магов. Скорее я склонен относиться к вашему занятию как... ну, к любопытному времяпрепровождению. Однако ты со своими друзьями вторгаешься в пределы, где любая ошибка может привести к непредсказуемым последствиям. Известны, знаешь ли, случаи. Первое, что вы должны были сделать — обратиться за советом ко мне.

Коннахар прикусил губу, подумав, что к Озимандии он обращаться как раз не собирался и предупреждал против такого обращения всех своих друзей. Не потому, что старый волшебник был ему несимпатичен, отнюдь. Скорее потому, что в глубине души Конни чувствовал полнейшую несостоятельность своего грандиозного плана и опасался, что мудрый Озимандия не оставит от их жалких потуг камня на камне. Хуже всего, конечно, если узнает отец. Суровый киммериец никогда особенно не жаловал всякого рода магов — что же будет, если он проведает о странных увлечениях старшего сына?

Принц Аквилонии ужасно бы удивился, скажи ему кто-нибудь, что не так давно Братство Охотничьей залы подобралось к разгадке Проклятия Рабиоров ближе, чем кто-либо за последнюю тысячу лет.

— Чего же вы добились? Поведай... если это, конечно, не тайна, — без намека на усмешку попросил Озимандия.

Конни вздохнул и принялся объяснять. Он рассказал почти все, лишь в последнее мгновение по какому-то наитию опустил сцену с четверостишием Ариена и то действие, каковое оно произвело на несчастную Айлу. Озимандия слушал очень внимательно, не перебивая, лишь иногда слегка кивал, словно бы в такт неким собственным мыслям.

* * *

— Поразительно, — задумчиво пробормотал он, когда рассказ приблизился к завершению. — Удивляюсь, сколь много порой можно добиться одной лишь верой и упорством. Поелику мудрости, друг мой, — тут маг выпрямил спину и с наслаждением потянулся, — вы и малой толики не явили в своих блестящих, но, увы, беспорядочных поисках.

«Начинается, — тоскливо подумал молодой человек. — Ведь повернет все так, что я сам себе противен стану». Вместе с тем впечатление складывалось такое, будто старик испытывает немалое облегчение.

«С чего бы?..»

— Прежде всего, — оживившись еще более, Озимандия поднялся из кресла, отставил посох к стене и принялся расхаживать по комнате в манере, отлично знакомой слушателям его магической школы, — вы искали не там и не то. Не в истории надо было искать корни, а в магии.

— Искали, — вставил Конни.

— И не нашли, что неудивительно — книги, содержащие истинные тексты заклятий, хранятся за семью замками. Впрочем, этого заклятья вы все равно бы не нашли. Во-первых, за восемь тысяч лет не то что хрупкие манускрипты, целые империи стигнули с лика земли. Во-вторых, Проклятие Исенны было именно из тех, — наиболее, кстати, стойких — что используются лишь однажды, в ярости и гневе. Как правило, рядом не случается смельчака, который бы попросил: «Извините, нельзя ли помедленнее? Я записываю!»

— Ты сказал — «из тех», значит, существовали еще какие-то, — Конни удачно воспользовался маленькой заминкой в речи мага. — Мы нашли описание Кары Малабрега, которая опустошила шемский городишко Уархон. Тамошние жители в одну прекрасную, вернее, чудовищную ночь встали со своих постелей и ушли в воды Закатного океана. Но это не совсем похоже... Может, тебе известны другие примеры, более подходящие к нашему случаю?

Озимандия остановился у окна, заложив руки за спину и рассматривая караул из стражников, маршировавших у подножия замковой стены.

— Более сходные, — пробормотал он. — Н-ну, пожалуй... если тебе нравятся страшные сказки перед обедом... Более трех тысяч лет тому правитель некоего города, руины которого и доныне можно видеть в пустыне на полпути из Кутхемеса в Алкменон, по неведомым причинам поссорился с могущественным магом из Рунного Круга Кешлы. Магу приказали убираться из города и более не появляться у городских стен ближе чем на три перелета стрелы. Колдуну, хоть тот и был взбешен, пришлось подчиниться — его семью, жену и дочь, еще не достигшую совершеннолетия, держали заложницами в крепостной башне. Однако случилось непредвиденное. Пьяные стражники обесчестили девочку и убили ее, а мать, на глазах которой все произошло, повредила рассудком. Когда маг узнал об этом, он сплел жуткое проклятие, так называемый Приговор Аканта: «Да не звучат отныне в этих нечестивых стенах детские голоса!» Спустя столетие в городе умер последний житель, ибо женщины сделались бесплодны, мужчины слабы, а караваны стали обходить проклятое место за трижды тридцать лиг — выяснилось, что побывавшие среди заколдованных стен уносят частицу Приговора с собой. По сей день, между прочим, обходят. Как, интересно?

— Скорее гнусно, — пробормотал Конни. — Заклятие не пытались снять?

— Нет, — покачал головой Озимандия. — Круг Кешлы поддержал своего собрата, а само-

убийц среди магов-иноземцев не сыскалось, хотя градоначальник, перед тем, как толпа забила его камнями, сулил за избавление горы золота, в буквальном смысле. Желает послушать еще?

— Желаю!

— Следующая история сравнительно недавняя — всего восемьсот лет. Место действия — Шангара. Древний город, надо сказать. Неужто не слышал о Шангарском Толстяке?

— Может, и слышал, — неуверенно пожал плечами молодой человек. — Но что-то не припомню.

— Значит, не слышал. Весьма поучительная история. Один из шангарских вельмож, Дунрод, отличался невероятным богатством и чудовищной толщиной. Золото так и лило к его пальцам, а сложение он имел такое, что в паланкине его носить не решались — перекладины ломались — и Дунрод раскатывал по улицам в золоченом возке, запряженном четвериком тяжело-возов. Как-то раз начальник его стражи, расчищая путь повозке, переусердствовал и хлестнул тяжелой камчой по лицу какого-то зазевавшегося селянина, приехавшего в Шангару на рынок. Бедняга ослеп на оба глаза. Дунрод, естественно, на следующий день забыл о происшествии, ведь вся городская Управа, почитай, кормилась из его казны. Спустя седмицу на том же самом рынке к вельможе, царственно восседавшему в своей роскошной квадриге, подошел маленький горбатый старичок, положил руку на плечо и что-то прошептал на ухо. Подскочил начальник стра-

жи, горбун и ему что-то шепнул, вывернулся из-под плети и сгинул.

Старичок этот был сельским колдуном, довольно известным и, судя по всему, сильным магом, а искалеченный парнишка приходился ему внуком. Уже на следующий день Дунрод обнаружил, что одежда, еще вчера трещавшая по швам, висит на нем как-то очень уж просторно. Через седмицу вельможа впервые без посторонней помощи взобрался на коня и весьма тому радовался. Спустя пять дней Дунрод с воплями: «Помогите! Любые деньги заплачу!» — метался по всем городским магам, включая знахарей и явных шарлатанов, поелику каждый день лишал его одного или двух стоунов веса. Пару раз ему уже приходилось падать от слабости в обморок. Сильный порыв ветра мог, пожалуй, запросто сбить его с ног.

Еще седмица, и от бывшего Шангарского Толстяка остался бы обтянутый сухой кожей скелет без признаков жизни. На его счастье — все же поразительно везуч был мерзавец — удалось сыскать колдуна, готового снять заклятие, но с тремя условиями.

Первое — состояние Дунрода переходило к Магической Гильдии. Второе — он сам немедленно и навсегда покидал Шангару. Третье, самое главное: кто-то должен был добровольно принести себя в жертву. Проще говоря, согласиться умереть за вельможу. Такой человек нашелся. Бывший раб, которого Дунрод когда-то давно выкупил с рудников и освободил под влиянием

прихоти. Он уже был тяжело болен рудничной чахоткой, а Дунрод пообещал большое денежное содержание его семье. Итак, несколько громадных сундуков с золотом перекочевали в подвалы Гильдии, Дунрод с первым же караваном выехал в Хоарезм, а маг провел на рассвете надлежащий обряд с принесением кровавой жертвы, и уже через день злосчастный вельможа вновь набрал пару фунтов...

— А начальник стражи? — напомнил жадно слушавший Коннахар. — Что с ним стало?

— О, его судьба оказалась куда печальнее. Больших денег, чтобы заплатить Магической Гильдии, у него не имелось, да и бегать в поисках помощи он очень скоро не смог, поелику, проснувшись однажды утром, обнаружил, что выше колен он человек, как положено, а ниже — бронзовая статуя. На следующий день твердая бронза поднялась по обоим бедрам еще на ладонь. Он вызвал костоправа и приказал отрезать себе обе ноги. Тот так и поступил... Назавтра бывший воин пытался взять ложку бронзовой рукой и кричал от страха. Тувим Собиратель Осколков пишет, что последними превратились глаза бедняги и что в эти мгновения стражник был еще жив.

— О, — только и смог произнести Конни.

— Да, Тувим, — задумчиво повторил Озимандия. Рука старого мага нырнула за пазуху его просторного балахона и спустя миг появилась обратно, сжимая толстый том довольно небольшого размера — примерно в четверть пергамента.

ного листа. — Тувим жил шесть столетий назад в Мерано, где и умер, перед тем успев немало побродить по свету. История Шангарского Толстяка для него была еще сравнительно свежей новостью, оттого он и записал ее столь подробно. Вообще же делом жизни сей ученый муж полагал для себя собирательство всевозможных магических легенд, диковин и мифов всюду, куда его приводила очередная дорога. За что Тувима и прозвали Собирателем Осколков. Большого ума был человек и автор талантливый, хотя и неисправимый романтик... Книга — вот. Называется она «Осколки Упавших Звезд». Здесь и о Проклятии Безумца есть. Кстати, обращайся аккуратно, редкость необычайная, я взял ее из моего личного собрания.

— Так ты ее оставляешь? — воскликнул Конни, не веря собственным ушам.

— Да, — сказал Озимандия, протягивая руку. Посох, только что мирно стоявший в дальнем углу залы, вдруг исчез и возник вновь в руке у мага. Конни не раз доводилось видеть, как Озимандия проделывает подобный трюк, и всякий раз нехитрое волшебство приводило его в восторг. — Полагаю, сей манускрипт принесет вашему тайному Обществу больше пользы, нежели все прочие вместе взятые. И не забудь прислать слуг, дабы перетаскать остальное обратно в хранилище.

— Я запомню, — откликнулся принц, — но мы еще не все изучили. Возможно, они нам понадобятся...

Озимандия (судя по всему, собиравшийся просить дозволения откланяться) пристально посмотрел на наследника престола. От этого взгляда Коннахару вновь стало не по себе, но голос старого мага, когда он заговорил, оставался прежним — участливым и слегка ироничным.

— Уверяю тебя, не понадобятся. И вот еще что, юноша. Возможно, я выскажу сейчас совсем старую и избитую мысль, но не ставшую от этого менее мудрой. Приходило ли тебе когда-либо в голову, что все на свете имеет две стороны? Добрые устремления не всегда приводят к благу, проклятие не всегда служит злу. Рабиры восемь тысяч лет пребывают под властью чужой мощной магии. По сути, тамошние обитатели не умеют и не могут жить иначе. Задумайся, что станет с гулями, если Проклятие вдруг исчезнет и их привычная жизнь, какой бы странной на взгляд человека она бы не выглядела, полетит кувырком? Как, скажем, будет чувствовать себя госпожа Фриерра, матушка твоей возлюбленной, коли у нее отнимут пророческий дар? Засим позволь покинуть тебя, мой принц. Меня еще ждут дела.

Книга лежала на краешке стола — тяжелый томик толщиной в ладонь. Она выглядела древнее всего, с чем до сих пор приходилось иметь дело Братству Охотничьей залы. Тонкий, отлично выделанный пергамент. Множество блестящих бронзовых накладок, изящные застёжки в виде драконьих лап. На потрескавшейся коричневой коже, обтягивающей доски оклада, вытис-

нен диковинный, ни на что не похожий рунический знак. На первой странице повторен тот же знак от руки и наискось выписано название: «Осколки Упавших Звезд».

— Значит, привязка к местности, — задумчиво пробормотал Конни, когда захлопнулась дверь за придворным магом. Протянув руку, он осторожно, словно живое существо, погладил старинный фолиант. — И еще кровавая жертва. Нужно запомнить...

Глава пятая

Ритуал

20 день Третьей весенней луны.

рое мужчин и женщина — расположились за круглым столом в зимнем саду Тарантийского замка. Другой человек неслышной тенью Пятый вокруг, убирая опустевшие блюда с кувшинами и заменяя их новыми, извлекая по мере надобности словно из воздуха чистые листы пергамента, заточенные перья, своды законов и любую иную потребовавшуюся вещь.

Ослепительно светило почти летнее солнце, играя бликами в воде маленького рукотворного водопада, и на столешницу время от времени осыпались розоватые лепестки недавно зацветшей туранской вишни. Трое собеседников оживленно переговаривалась, иногда обращаясь с вопросами к прислуживавшему за столом пятому,

четвертый помалкивал, а за полуприкрытыми дверями бродил по маленькому приемному залу подросток, терпеливо ожидавший, когда его пригласят войти. Собственно, на этом маленьком совете решалась его судьба на грядущее лето, и не вина Конни в том, что порой отдельные фразы чрезвычайно отчетливо долетали до его ушей. Что поделаешь, если у некоего Конана Канаха и к шестидесяти годам сохранился такой голос, от которого кони шарахаются?

— ...Ну, вроде бы предусмотрели все, — Конан с нескрываемым отвращением покосился на разложенные перед ним бумаги, отдельно от которых возлежал лист с золотым обрезом и широкой киноварной рамкой, предназначенный исключительно для королевских указов. Свиток покрывали ровные строки готового ордонанса, однако его пока не украшали ни оттиск Малой печати, ни своеручная подпись венценосца. — Страна надежно защищена от любых происков юного пытливого ума. Мы с чистой совестью можем отпирать гостям в гости.

— Почти такие же слова произнес король Вильзиг VII, обращаясь к двум любимым сыновьям и приемной дочери, — заметил сидевший слева от Конана человек средних лет, чей облик и речь непреложно выдавали уроженца Пуантена. — Он, что примечательно, тоже собирался навестить давних друзей. Только живших не в Пограничье, а в Офире.

Как верно утверждала молва, с легкой руки нового правителя Аквилонии утвердилась новая

традиция — Совет короны теперь непременно возглавляли пуантенцы. Сперва звание Высшего советника принадлежало великому герцогу Пуантена Троцери, по смерти же герцога титул перешел к его племяннику Просперо, занимавшему сей высокий пост почти десять лет и не собиравшемуся в ближайшем будущем его оставлять.

Однако в спокойные времена Золотой Леопард незамедлительно вспоминал о собственном семейном очаге и удалялся в Гайард, оставляя вместо себя достойную замену, также принадлежавшую к разветвленному и беспокойному клану пуантенских правителей. Стиллис дие Лоран из замка Дормье исправлял обязанности Старшего советника короны всего лет пять, но уже успел завоевать репутацию человека вдумчивого, слегка желчного и знающего цену себе и своему слову.

— И что же застал Его величество Вильзиг, когда вернулся в родные края? — с любопытством поинтересовалась Зенобия.

— Отпрыски объявили родителя низложенным и вызвали мятеж городской черни, едва не завершившийся погромом столицы, — неторопливо перечислил месьор Стиллис. — Для полноты картины добавлю: они вдобавок перегрызлись между собой, отравили младшего из братьев и...

— Какой ужас, — вполне искренне ахнула Дженна и жалобно добавила: — Не будет ли проще взять Конни с собой?

— Не будет, — отрезал король. — Ему пора привыкнуть к мысли, что когда-нибудь эта страна станет его владением.

— Хорошо бы это случилось как можно позже, — еле слышно пробурчал себе под нос многоумный Озимандия, почти не принимавший участия в беседе и нахохлившийся подобно старому филину.

— Проверим еще раз, — разумное предложение исходило от господина Старшего советника. — Его высочество Коннахар при всем желании не сможет навязать войну ни одной из сопредельных держав. Зингара, Немедия, Офир, Аргос и Коф являются либо нашими давними союзниками, либо связаны с нами взаимовыгодными договорами.

— Кроме того, воевать с Чабелой или Нимедом было бы просто неприлично, — состроила гримаску королева. — Они не просто правители, они друзья нашей семьи!

— Для начала военных действий юному регенту также потребуется одобрение Королевского Совета — замечу, распущенного до наступления осени, — и поддержка кого-нибудь из могущественных герцогов, которые извещены об отъезде Вашего величества и осознают свой долг перед короной, — Лоран на миг зажмурился, вспоминая. — Мы также оповестили его светлость Бейлу, наместника Закатной Марки. Если Коннахар возжелает устроить облаву на пиктов, ему растолкуют — войска оттянуты от границы для проведения учений.

— Может, велеть Бейле заодно отобрать у гвардейцев мечи с копьями, и запереть это добро под замок? — вполне серьезным тоном предложил Конан. — Да не полезет он восвать с пиктами или еще кем! Я же запретил мальчишке покидать дворец!

Озимандия недоверчиво хмыкнул, Дженна возвела очи к голубому небу, Стиллис пожал плечами, высказав тем общее мнение касательно уважения, питаемого нынешней молодежью к строжайшим родительским запретам.

— Перейдем к столичным опасностям, — разумно сменила тему беседы Зенобия. — Казна страны и сокровищница короны, к счастью, в безопасности. Они закрыты на десять замков, опечатаны личной печатью верховного казначея, а сей достопочтенный муж ныне пребывает в своем поместье под Галпараном. Конни получит на личные нужды десять тысяч кесариев...

— Мелкой монетой, — ехидно присоветовал старый волшебник.

— ...И может делать с ними, что захочет. На крупное безумство вроде перестройки Тарантийского замка этого не хватит, да принц никогда и не интересовался архитектурой. На забавы вроде турнира, званого вечера для сотни гостей или покупки уймы безделушек по лавкам редкостей — вполне достаточно.

— Позволю себе усомниться в том, что Его высочество согласится безвылазно сидеть в Тарантии, особенно летом, — вновь заговорил Стиллис. — Я, конечно, постараюсь отговорить его от

дальних поездок, но возражать против посещения того же Руазельского леса... или Золотых озер... или Гайарда, если на то пошло? И без того появились слухи, будто принц впал в немилость, ибо правящая фамилия отправляется наносить визит без него. Начнутся лишние расспросы, возникнут необоснованные подозрения...

— Руазель и озера — ладно, — после короткого колебания согласился владетель Аквилонии. — Пусть прокатятся. Но Пуантен... Если Конни взбредет в голову эдакая блажь, пригрози ему моим сугубым неудовольствием. Никуда он не поедет. Ему незаслуженно выпал счастливый жребий. Никакой родительской опеки, законное регентство, пусть и на краткий срок, и уйма приятелей, готовых поддержать любую его затею!..

— Кстати, о затеях и верных друзьях, — Дженна свела брови в одну строгую линию. — Почтеннейший Озимандия, тебе не удалось разузнать, для чего принц велел перенести к себе четверть библиотеки замка?

— Сущие пустяки, Ваше величество, — на удивление быстро отозвался маг. — Коннахар и его верные соратники учинили исторические изыскания. Скоро им надоест запах книжной пыли и они примутся за что-нибудь новенькое. Я подсунул принцу одну старинную безделку, — так, собрание древних диковиц, — выдав ее за редкую магическую инкупабулу. Прочтение опого фолианта, убежден, лишит Конни всякого интереса к его нынешнему времяпрепровождению.

Мысленно старый волшебник в тысячный раз засомневался — не придумать ли какой достойной причины, дабы остаться на лето в Тарантии?

— Хотелось бы верить, — выражение лица Зенобии не изменилось, разве стало суше. — Вдобавок мне весьма не хотелось бы узнать, что за время нашего отсутствия к кодексу династии прибавились новые имена.

— Он не посмеет, — негодование Конана, как всегда, обернулось легким беспорядком — перевернутой чернильницей и упавшим со стола серебряным блюдом. — У мальчишки должно хватить мозгов понять, чем он рискует! Да, он мой сын, но подобное самовольство просто недопустимо!

— Вот именно, — задумчиво кивнул головой месьор Стиллис. — Значит, наша забота — не дать принцу совершить столь опрометчивый шаг. Наилучшим было бы...

— Не могу я ее выслать! — рявкнул король. — Я Конни пообещал! Да и с Монбронами ссориться нет никакой охоты.

— Думаю, мне известен способ обойтись без шумных драм и разбитых сердец, — вмешался Озимандия. — Я поговорю с наследником. Напомню, что у него есть определенные обязательства перед державой и семьей. Вдобавок Коннахару всего пятнадцать лет. Он не имеет права вступать в брак без родительского разрешения, а он такового не получает.

— И не получит, — ледяным тоном добавила королева. Что-то в ее взгляде заставило всех

троих мужчин промолчать. — Итак, мы приплыли к общему решению?

— Пожалуй, — с неохотой согласился правитель страны. — Замио!

Безмолвная тень, стоявшая поодаль с подносом наготове, с достоинством наклонила голову.

— Будь любезен, пригласи Конни.

1 день Первой летней луны.

Большой двор Аквилонии собирался в дорогу. Конечно, не обошлось без неизменной суеты, отданных второпях и неверно исполненных распоряжений и рассыпанных прямо на Главной лестнице вещей, но за последние годы такая церемония стала для обитателей дворца почти привычной. Украдкой поговаривали, что только несокрушимая твердость характера королевы Зенобии и ее верность традициям удерживает правителя от легкомысленного желания отправиться в путь налегке.

«Налегке» в самом прямом смысле этого слова — с десятком сопровождающих, единственной заводной лошадью, тощим дорожным мешком у седла, мечом на поясе и кошельком за пазухой. В былые времена Конану Канаху удавалось исчезнуть из столицы так, чтобы ни одна живая душа не проведала, но с воцарением Зенобии подобным лихим забавам, годным разве для украшения баллад, настал конец. Королева не желала проводить ночи в мокром походном шатре и вкушать наскоро состряпанный ужин.

Посему сперва Тарантию покинул охраняемый Черными Драконами десяток тяжело груженных повозок с необходимыми в дороге припасами, слугами и дамами королевы, а также подарками для любезных соседей из Пограничья. Вслед за этим огромным караваном предстояло выехать самому правителю Аквилонии с супругой, двумя младшими отпрысками, свитой и частью гвардии.

Накануне отъезда Озимандия, как и обещал, нанес визит в покои старшего наследника короны. Взору старого волшебника предстало сущее благолешие: позаимствованные книги и чертежи вернулись на полки библиотеки, ковры вычищены, вещи расставлены по местам, а в распахнутые настежь окна вливается отдаленный городской шум.

И вышедший навстречу Коннахар выглядел так, как положено выглядеть быстро взрослеющему подростку, на которого возложили не слишком тяжелое, но ответственное поручение и который полон решимости справиться с ним как можно лучше. Озимандия, правда, еле заметно дернул углом рта при виде сопровождавшей принца темноволосой и зеленоглазой девицы, но вслух никаких замечаний не высказал. Наоборот, витиевато посетовал на преклонные годы, дозволяющие лишь восхищаться подобным совершенством издали.

Баронетта дия Монброн присела в глубоком поклоне и вежливо улыбнулась, Конни же хмуро осведомился, что стряслось на этот раз. Конечно,

он рад видеть достопочтенного Озимандию, по сегодня у него множество дел... и все благодаря этому внезапно обрушившемуся регентству!

— Собственно, я хотел узнать, принял ли ты во внимание наш недавний разговор? — без долгих предисловий поинтересовался маг, уточнив: — Тот, что касался древних проклятий и их последствий.

— Я прочел книгу, — кивнул принц. — Она... она очень необычна и любопытна. Ничего, что я разрешил моим друзьям тоже ознакомиться с ней?

— Творение Тувима является редким, но отнюдь не запрещенным, — развел руками Озимандия.

— Ты хочешь ее забрать? — с напускным равнодушием осведомился Конни. На самом деле он лихорадочно соображал, как бы удержать драгоценный труд в своих руках еще луны две или три.

Должно быть, Озимандия догадался о желании принца, потому что отрицательно покачал седой головой. Стоявшая сбоку от Коннахара Айлэ еле слышно перевела дух.

— Пусть пока останется у тебя. Скажи лучше, какие выводы из прочтенного ты сделал?

Прежде чем ответить, Конни сглотнул, будто у него внезапно пересохло в горле, и незаметно протянул руку, быстро дотронувшись до тонких и холодных пальцев рабирийки.

— Мы... — он сбился и решительно начал снова: — Я понял, что взял на себя больше, чем

могу исполнить. Ты говорил правду — горстке юнцов не по силам одолеть то, с чем не справились могущественные колдуны былых времен. Тувим описывает по меньшей мере четыре попытки уничтожить Проклятие Исенны. Все они закончились полнейшим провалом. Должно быть, Рабирам суждено до конца времен оставаться местом, запретным для людей — пока не умрет последний их обитатель.

— Честные слова, достойные отпрыска великого короля, — благодушно одобрил придворный волшебник. — Любой из нас порой вынужден осознать собственное бессилие. У тебя достало смелости вслух признаться в этом... Но как же мы поступим с прозвучавшей клятвой, с нерушимым обещанием, данным будущим рыцарем своей даме? — пристальный взгляд блекло-голубых старческих глаз уперся в баронетту Монброн.

— Кто я такая, чтобы требовать от наследника престола каких-либо клятв? — тихо и внятно проговорила Айлэ. — Достопочтенный Озимандия, ты ошибаешься. Его высочество просто хотел мне помочь, но вовремя понял — это невозможно. Я навсегда останусь подобной моим сородичам.

— Ну-ну, не стоит огорчаться прежде времени, — маг попытался поддержать упавших духом молодых людей. — Вы еще можете попытаться снова... лет через десять. Во всяком случае, приложенные вами старания заслуживают уважения, — его голос звучал строже. — И я

уверен, мой принц, что ни твои родители, ни я, ни месьор Монброн и его супруга, вновь встретившись, не потеряем этого уважения. Ты понимаешь, о чем я говорю? Вернее, вы оба понимаете?

Коннахар и Айлэ переглянулись. Девушка отвела глаза.

— Это отец или матушка тебя прислали? — грустно вздохнул Конни. — Наверное, матушка. Скажи ей, чтобы не волновалась. Я не побегу к алтарю Иштар, как только они с отцом выедут из города. Не надо мне лишний раз напоминать, в какой семье я родился. Я помню. Отлично помню, Озимандия.

«...Он не наделает ошибок, — настойчиво повторял старый волшебник, глядя в окно своей повозки на широко распахнутые Львиные Двери замка, возле которых собралось правящее семейство. — Конни умный мальчик, весь в отца. Ничего страшного не произойдет. Ему всего лишь предстоит в течение трех лун символически управлять страной, искренне преданной своему королю. При нем остается Стиллис Лоран и многие другие, способные предотвратить любую опасность. Да и девочка Монброн кажется достаточно сообразительной, чтобы не втягивать сердечного друга в лишние неприятности».

Успокоив таким образом свои дурные предчувствия, Озимандия задернул окошную шторку и поудобнее устроился на мягком сиденье, ожидая завершения церемонии прощания. Он надеялся, что ритуал не затянется — Конан терпеть

не мог долгих проводов и бесцельных разговоров перед дорогой.

Спустя полколокола экипаж качнулся и затарахтел колесами по булыжной мостовой. Впереди и позади мерно покали копытами лошади, доносилось бряцание оружия, приветственные выкрики горожан и отчетливое хлопанье под ветром тяжелого королевского знамени.

За Полуночными воротами столицы Ее Величество Зенобия распахнула дверцу своей кареты, потребовала коня и, невзирая на аханье сопровождавших ее дам, решительно забралась в седло. Она догнала возглавлявшего кортеж правителя Аквилонии и поехала рядом, явно собираясь что-то сказать, но колеблясь.

— Ты же сама согласилась, что поездка в Пограничье — отличная идея, — проворчал наконец король, смотревший куда угодно, только не на жену. — В следующем году торжества не оставят в казне медного талера и обернутся для нас сущим наказанием. Совершеннолетие Конни, двадцатилетие нашей свадьбы... Тарантия станет одним большим постоялым двором!

— Знаю, — негромко отозвалась Зенобия и через плечо взглянула на торжественно пыливший вслед за ними караван. — Десять лет я не была на родине, но сейчас меня подмывает крикнуть: «Вернемся обратно!». Я боюсь за Конни.

— Он не маленький мальчик, — бросил Конан и уже мягче добавил: — Мы не сможем всю жизнь за ним присматривать. Йен, перестань

изображать взволнованную клушу и понапрасну трепыхать крыльями. Лучше скажи — ты проследила, чтобы в Парадной Опочивальне навели порядок? Конни со своей подружкой ведь непременно туда переберутся. Будет досадно, если они наткнутся на наши следы. Ты вот вечно разбрасываешь свои вещи куда попало. Недавно зашвырнула нижнюю юбку прямо на геральдического льва, что торчит на спинке кровати. Замио аж покраснел, бедняга, когда увидел такое безобразие.

Королева растерянно моргнула, закусил губу, но все-таки не выдержала и рассмеялась. В такие моменты она переставала чувствовать себя Зснобией Аквилонской и становилась просто чуток повзрослевшей Дженной — девчонкой из Пограничья, которая, пусть и вышла замуж, обзавелась тремя детьми и целыми днями хлопочет по хозяйству, все еще способна на сумасбродства. Долой скверные предчувствия! Они отлично проведут время, навестят старинных друзей и с наступлением осени вернутся обратно.

3 день Первой летней луны, поздний вечер.

Сидевший в нарушение всяких приличий верхом на стуле Ротан Юсдаль с любопытством взирал на разворачивающееся перед ним занимательное действо: почтенный мэтр Ариен, ворча и кряхтя, ползал на четвереньках по полу, волоча следом ведро с белой краской. Месьор Делле старательно вырисовывал широкой кистью поверх

светло-желтых и розовых плашек драгоценного мозаичного паркета не совсем ровную окружность, в центре которой громоздилось неподъемное старинное кресло с ножками в виде львиных лап. Время от времени Ариен сосредоточенно изучал пожелтевшие страницы внушительного вида фолианта, распластанного на сиденье кресла, и добавлял к своему творению причудливо выглядевшие символы.

— А пентакль-то вам зачем понадобился? — устало осведомился Гиллем Ларбера, который уже седмицу пытался отговорить принца Аквилонии и его приятелей от безумного замысла. Переубедить Коннахара ему не удалось. Вдобавок дие Ларбера запоздало обнаружил, что сам по уши втянут в готовящееся предприятие и благодарить за это может одну чрезмерно начинтанную особу по имени Меллис Юсдаль. — Для красоты или ради пущей внушительности?

— Для усиления магических свойств заклинания и ограничения действия демонических сил, буде те вознамерятся проникнуть в пределы нашей Сферы, — пропыхтел в ответ Ариен. — Еще свечей! Ничего не вижу!

— Ах, вдобавок ожидается вторжение орды злобных демонов, — вполголоса съязвил Гиллем и присоединился к Юсдалю-младшему, щелкая кресалом и зажигая настенные шандалы. Вечерний полусумрак слегка рассеялся, открывая небольшую пустую комнату, со стенами, обтянутыми зеленоватым шелком, и узкими стрельчатыми окнами. Из предметов обстановки здесь

оставались только упомянутое кресло и массивный стол, явно принесенные из иного помещения. В углу возвышался свернутый ковер, подле него стояла совершенно неуместная плетеная клетка с парой сонно квохчущих куриц внутри. Стол украшали коробки со свечами, стопка книг, кувшины, бокалы и огромное серебряное блюдо, а внизу скромно пряталась обитая потрескавшейся жостью грубоватая разделочная колода, временно позаимствованная с дворцовой кухни.

— Готово, — с выражением чрезвычайного самодовольства изрек месьор Делле, с усилием поднимаясь на ноги и обзревая магический круг. — Ротан, сколько времени?

— Четверть до одиннадцатого послеполуденного, — сообщил взглянувший на меланхолично позванивавшую клепсидру Ротан и прислушался. — Ага, идут.

В коридоре простучали быстрые, слегка вороватые шаги, словно кто-то бежал на цыпочках, и в Зеленую гостиную ворвались двое: Меллис Юсдаль и Эвье Коррент, принесший с собой кожаный мешок, издававший при встряхивании приглушенное лязганье.

— Конни и Айлэ сейчас будут, а Невдер заявил, что не желает принимать участие в замыслах безумцев, — быстро проговорила Меллис и нервно прыснула: — Извините меня, но все это напоминает сборище заговорщиков или недоучившихся некромантов. Может, для полного сходства нам натянуть черные маски и плащи с капюшонами?

— А заодно перебраться в подвал и нарисовать пентакль человеческой кровью? — поддержал сестру Ротан. — Кстати, объясните туповатому адепту — почему колдовать нужно обязательно ночью, а не днем?

— Потому что сегодня новолуние, — отрезал Делле, в глубине души наверняка вообразивший себя великим магом древности. — Самая подходящая пора для свершения различных обрядов.

— И потому что надо закончить дело, раз уж взялись, — Эвье вывалил содержимое своей ноши на стол, где оно рассыпалось с шипящим шелестом. Сообщество с изумлением уставилось на десяток разнообразной формы ножей и кинжалов.

— Зачем так много? — недоуменно осведомился Ариен.

— Откуда мне знать, какой именно нож требуется для жертвоприношения? — дернул плечом Эвье. — Мне сказали, они должны необычно выглядеть, и я принес, что сумел отыскать. Эти два, — он ткнул в злоеце поблескивающие лезвия, изогнутые в виде лунного серпа, — из дворцовой Галереи Древностей, остальные — из трофеев Оружейного зала. Что, не подходят?

— Сойдет, — вынес приговор месьор Делле и испробовал остроту ножа на собственном ногте, едва не отхватив полпальца. Меллис забрала у почтенного преподавателя Обители Мудрости кинжал, положила на место и спросила:

— Где бедные обреченные жертвы?

— Томятся в застенке, — Гиллем указал ей на

клетку. — Растолковать беднягам, какая высокая честь им выпала? В вашей книге не раз подчеркивалось, что жертва должна быть не принудительной, а добровольной.

— Вот и займись, — буркнул Ариен, в очередной раз убеждаясь, что компанию подростков невозможно заставить вести себя серьезно.

Они не осознавали, с чем пытаются играть, да и сам месьор Делле не слишком верил в благополучный исход рискованной затеи. Допустим, теперь они действовали не наобум — благодаря внезапной щедрости Озимандии у них появилась тоненькая, но все же путеводная нить. Сам Ариен, впервые увидев «Осколки», задумался, репая — какую цель мог преследовать хитромудрый маг, отдавая в руки Конни редкостный фолиант со всеми его тайнами? Вряд ли Озимандия хотела, чтобы наследник короны вкупе с единомышленниками завершили свой план по избавлению баронетты Монброн от Проклятия Раби-ров. Предусмотрительный старец дал им возможность убедиться в безуспешности предыдущих попыток снять древнее заклятие, тем самым рассчитывая охладить не в меру горячие головы.

Разумеется, Конни поступил по-своему. Изучил труд Тувима вдоль и поперек, извлек из описания проводимых ритуалов то, что принесло хоть какую-то пользу, и в довершение прочего наткнулся на продолжение заклятия, недавно усypянного от месьора Делле. Принц распенил это совпадение как счастливый знак, а проник-

шийся всеобщим духом авантюризма Ариен с ним согласился.

Теперь это заклинание, на которое возлагалось больше всего надежд, переведенное на кхарийское наречие и тщательно переписанное, лежало на самом видном месте столешницы, при-давленное для верности бронзовым подсвечником. Братство Охотничьей залы намеревалось сделать вторую попытку, учтя предыдущие ошибки и заранее приготовившись к возможным неприятностям.

Хлопнула дверь — явились главные виновники ночного бдения, Коннахар и Айлэ диа Монброн, оба донельзя встревоженные, но старающиеся не выказывать испуга пополам с нетерпеливым ожиданием.

— Все в сборе? — Конни, словно полководец перед боем, оглядел чуть посерьезневших соратников. — Ничего не забыли? Мэтр Делле, можно приступить?

Ариен выглянул в окно, убедился в полном отсутствии лунного диска и в том, что созвездие Меченосца зависло над полуночной частью горизонта — как указывалось в туранских магических трактатах, такое расположение небесных тел способствовало достижению успеха в делах, связанных с привлечением колдовских сил — несколько раз глубоко вздохнул и как можно деловитее скомандовал:

— Гиллем, расставляй свечи. Вот на этот знак ставишь белую, на следующий — красную, и далее посолонь. Эвье, помоги ему. Ротан, вытащи

из клетки куриц... сиречь жертвенных животных. Госпожа Айлэ займет кресло. Никаких укашений, как я просил?

Девушка подняла руки, показывая, что на них нет ни колец, ни браслетов, и боязливо устроилась на туго набитом кожаном сиденье.

— Привязать ее или не стоит? — озадаченно спросил сам у себя Делле, вспомнив, как в прошлый раз рабирийка едва не исполосовала оказавшихся поблизости когтями. — Коннахар, как полагаешь?

— Мне это не нравится, — откликнулся наследник трона. — Но лучше не рисковать понапрасну. Айлэ, ты не против?

Выражение лица Айлэ говорило яснее всяких слов, однако девушка вымученно качнула головой, соглашаясь. Конни и Меллис принялись осторожно приматывать ее руки к подлокотникам широкими холщовыми лентами.

— Цепями надежнее, — жизнерадостно предложил Ротан, и еле увернулся от разгневанной сестрицы, вознамерившейся вцепить младшему брату заслуженный подзатыльник. — Досточтимый господин колдун, а кто будет резать... э-э, приносить жертву? И какого зверя возьмем? Есть на выбор черный и белый, оба женского полу.

— Обычно жертвователем выступает проситель, в нашем случае таковым является Коннахар, — рассудил Ариен. — Орудия для свершения ритуала лежат на столе, выбирай подходящее. Когда я начну читать, отрубишь голову черной курице. На последних строчках — белой.

— Жестокий тиран, вошедший в историю Аквилонии под именем Конна Кровавого, начинал с того, что в юности самолично расправлялся с неповинными домашними тварями, — нараспев продекламировал Эвье. — Не гневайтесь, мой принц. Мне как-то раньше не доводилось участвовать в магических ритуалах, и мое злословие происходит исключительно от волнения.

— С завтрашнего же дня начну тиранствовать, — сердито пригрозил Конни. — И ты станешь первым мучеником во славу короны. Прекратите нести чушь! Айлэ, не слушай их и ничего не бойся.

— Я не боюсь, — беззвучно отозвалась рабирийка, неотрывно смотревшая в сторону открытого окна.

Три десятка трепещущих огоньков очертили вокруг кресла широкое кольцо, остальные свечи по распоряжению Ариеса погасили. Маленькое сообщество заговорщиков встало вдоль начерченной белой линии. Вооружившийся коротким тесаком Коннахар занял место слева от проводившего церемонию месьора Делле, сжав в левой руке дергающиеся лапки курицы в черном оперении и аккуратно пристроив трепыхавшуюся птицу на срезе колоды.

«Должно получиться, — повторял Конни, глядя в бледные пятна лиц своих друзей. — Мы ведь не хотим ничего плохого, не обращаемся к темным силам, просто пытаемся спасти одного-единственного человека из-под власти древнего проклятия».

Ариен, державший перед собой свиток с текстом заклинания, легонько ткнул Конни в плечо. Лезвие ножа поднялось и с силой опустилось, противно скрежетнув по жести. Голова курицы, продолжавшая бессмысленно разевать желтоватый клюв и таращить остекленелые круглые глаза, свалилась вниз, угодив в подставленное блюдо. Спустя миг раздалось отрывистое звяканье и шлепанье падающих капель крови.

«Отец узнает — убьет, — с веселой безнадежностью подумал Коннахар. — Вкупе с Озимандией. Но теперь уже ничего не исправишь».

* * *

Струйка холодного воздуха прошелестела по комнате уже где-то на середине первого четверостишия. Никто не придавал этому значения, решив, что это всего лишь случайный порыв ветра из окна, и увлеченно ожидая иных, более заметных проявлений действенности ритуала.

Когда одна за другой начали гаснуть свечи, Меллис невольно поежилась и осторожными шажками направилась туда, где стоял Гиллем дие Ларбера, сбивчиво бормоча: «Это чересчур. Для меня это чересчур. Надо их остановить».

Она бросила случайный взгляд вниз и на собственном опыте поняла, что такое «оцепенеть».

Рядом с ее узконосой туфелькой на полу бледно, еле различимо светилась голубоватая полоса и старательно вычерченный месьором Ариеном знак, похожий на изображение летящей

птицы. Девушка зачарованно смотрела на мерцающий символ, по-детски приоткрыв рот и склонив голову набок. Из отсутствующего состояния ее вывел только отрывистый стук лезвия, разлучившего с жизнью вторую курицу. Монотонный голос Делле, зачитывавшего строку за строкой, умолк.

— Я не стану визжать, — еле слышно проговорила Меллис и вяло пошарила в воздухе руками, надеясь ухватиться за кого-нибудь из стоявших рядом друзей. Ей повезло — пальцы коснулись шерпавого сукна, и приглушенный голос Ларберы с легкой тревогой спросил: «Кто это?»

— Меллис, — девушка вдруг осознала, что несколько последних мгновений задерживала дыхание, словно опасаясь быть услышанной бродящими поблизости врагами... или чудовищами.

Кто-то — кажется, Эвье — нерешительным шепотом поинтересовался:

— Ариен, все идет правильно?

— Откуда мне знать? — раздраженно прошипел в ответ самозванный волшебник.

— По-моему, стало слишком темно, — заметил Ротан, не потерявший ни крохи всегдашней бодрости. — Не пора зажигать свечи? Или потерпим еще немного? Айлэ, ты жива? Скажи что-нибудь! Конни, отзовись!

Словно пробужденный звуками человеческих голосов, призрачный голубоватый блеск вспыхнул, до рези в глазах осветив каждую мельчайшую деталь и подробность, вплоть до трещин в облицовке окон, взъерошенных перьев на туш-

ках куриц и поблескивающей горки ножей на столе. Меллис в испуге отплатнулась назад, вскидывая руки и увлекая за собой державшего ее за талию Гиллема. На другой стороне круга она успела различить стоявших бок о бок Эвье и Ротана, а потом ее взгляд словно цепями приковали к середине комнаты.

Айлэ дия Монброн металась на сиденье, далеко запрокидывая голову и беззвучно крича. Ее лицо походило на лицевой маску, изображающую полуденного демона Смерти — обтянутый кожей скелет, оскаленные клыки и разломатившиеся черные пряди волос. Голубые отсветы тянулись к ней, отдергивались, кружились вокруг ножек кресла, точно водяные струи, сливались в плещущееся озеро, посреди которого одинокой неприступной скалой высилось старинное кресло. Когти рабирийки с яростью скребли по толстым подлокотникам, выдирая длинные щепки, ноги молотили по полу, одна туфля слетела и упала возле самой границы нарисованного Ариеном круга, опрокинув погасшую свечу. Полосы холста, удерживавшего руки Айлэ, медленно поддавались, ослабевая и грозя вот-вот соскользнуть. Она билась, как угодившая в сеть и вытащенная на мелководье рыба, в полнейшей тишине, и Меллис, не выдержав, завопила в полный голос:

— Прекратите, пожалуйста! Хватит! Перестаньте!

К мучительно-яркому свету добавился звук — тонкий, надрывный свист, продлившийся все-

го три или четыре удара сердца. Пронзительная голубизна померкла, и в темной тишине, кажущейся особенно непроглядной после недавней вспышки, раздался звук падающего тела, сменившийся вполне внятным проклятием и яростным требованием, принадлежавшим Конни:

— Мне нужна свеча! Айлэ! Зажгите же свет, кто-нибудь! Айлэ, скажи хоть слово! Айлэ!..

Ответа он не дождался, но неподалеку мелькнула живая оранжевая искорка, обернувшаяся привычной желтой каплей на кончике фитиля. Рабирийка висела, безжизненной куклой наклонившись через ручку кресла, и на полу под ней натекла маленькая лужица крови, казавшейся при свете одинокой свечи совсем черной.

Глава шестая

Приглашение

6 день Первой летней луны.

Ичитывая, что вместе с привилегиями регента Аквилонии на него обрушится множество неразрывно связанных с этим высоким титулом обязанностей, Конни не слишком задумывался, сколько их всего будет. Уже на второй день он вспомнил справедливое замечание отца: править государством — во все не такое веселое и легкое занятие, как кажется на первый взгляд.

К счастью, уезжая, Конан мудро избавил сына от необходимости собирать Королевский Совет или выслушивать объяснения канцлера по поводу грядущего осеннего сбора налогов. Зато прочие остальные церемонии, требующие непременно присутствия лица королевской крови, никто отменять не собирался.

Увидев длинный перечень грозящих ему торжественных встреч, парадных обедов, представлений юных отпрысков знатных семейств и приемов гвардейских построений, Конни внезапно ощутил сильнейшее желание повернуть время вспять и снова оказаться под замком. Отец и матушка сговорились, решив уподобить любимого старшего отпрыска навьюченному ослу! Что за время такое — сплошные неудачи! А теперь еще и наступающий День Прощений!

Поговаривали, будто в начале своего правления Конан Аквилонский по самоуверенности нрава едва не довел число Дней Прощений до четырех в седмицу, но вовремя осознал — дворцу грозит неминуемое превращение в Судебную Палату, а кляузам и доносам не видать конца. Теперь таковой День случался три или четыре раза за луну, и количество просителей по возможности ограничивалось, хотя в Своде Уложений королевства красовалось горделивое: «...любой подданный короны Аквилонии должен быть беспрепятственно допущен к трону, дабы открыто высказать свои обиды пред ликом власть держащих».

— А отложить День до возвращения отца никак не получится? — с плохо скрываемым отчаянием в голосе спросил Конни у Стиллиса дие Лорана, исчерпав запас подходящих ответов.

— На целое лето? — недоуменно уточнил пуантенец. — Такое пренебрежение нуждами подвластных вам людей просто недопустимо, Ваше

высочество, — и, перейдя с официального тона на обычный человеческий, присовокупил: — Мы нарочно подобрали довольно легкие и простые случаи, не нуждающиеся в углубленном знании законов. Коннахар, ты же понимаешь...

— Это требуется для поддержания блистающего ореола монархии в глазах верноподданных, — безрадостно довершил фразу наследник короны.

— Вот именно. Не труднее обычного дворцового приема. Если возникнет непредвиденный спор или, не попусти Митра, скандал — я его улажу. Тебе всего-навсего придется смиренно посидеть на троне, внимательно слушая и делая вид, будто ты чрезвычайно заинтересован. Справившись?

— Иду строить рожи зеркалам, прикидываясь умником, — молодой человек сгреб обильно начиненный бумагами твердый кожаный переплет. — Когда начинается мое мучение во славу Аквилонии?

— Ровно в полдень, — Стиллис кивком головы указал на размеренно помахивающую маятником клексидру. — Не забудь переодеться и самое главное — не опоздай. Церемония проходит в Бронзовом зале.

Весьма похоже изобразив жалобный вой собаки с прищемленным хвостом, Конни выскочил за дверь. Старший Советник проводил его взглядом, в котором, если присмотреться, мелькала тень легкого сочувствия. По мнению Стиллиса, принц отлично бы справлялся со своими обязан-

ностями, не занимай его мысли нечто иное. Несмотря на заверения Озимандии, Коннахар и Малый двор упрямо продолжали свои загадочные изыскания в библиотеке, а третьего дня умудрились каким-то образом безвозвратно испортить паркет в Зеленой гостиной.

Вняв скорбным причитаниям дворцового управителя, дие Лоран сходил лично взглянуть на это чудо — выжженный непонятной силой ровный круг пяти локтей в поперечнике, посредине коего отыскиались тщательно затертые, но все же угадываемые следы крови — и всерьез заподозрил, что интересы наследника трона уклоняются не в сторону поиска ответов на исторические загадки, а в сторону опасных шалостей с магией. Надо будет непременно переговорить с любимчиками Коннахара — младшими Юсдалями и Эвье Коррентом, настоятельно посоветовав им всегда помнить о том, что здесь не школа для начинающих колдунов. И с девицей Монброн, вообразившей себя некоронованной принцессой. Подумать только, эта выскочка так уверена в собственной безнаказанности, что недавно открыто переселилась в покои наследника!

* * *

Баронетта Монброн действительно перебралась в занимаемую Коннахаром балнию, но по причинам, весьма далеким от взаимной сердечной привязанности. Рабирийке требовалось место, где никто бы не стал ее беспокоить, и она

могла постепенно придти в себя после попытки снять с нее Проклятие.

Два дня Айлэ пребывала в состоянии, похожем на глубокий сон. Конни порывался вызвать к ней лекаря, но девушка не казалась больной либо умирающей. Просто спала. Да и какой лекарь взялся бы исцелять столь непохожее на человека создание?

Очнулась она только сегодняшним утром. Сразу непреложно выяснилось — старания Братства Охотничьей залы не достигли цели. Айлэ оставалась гулем. Мало того — она чувствовала себя очень голодным и ослабевшим гулем.

— Старший кухарь наверняка решил, что мы спятили и готовим себе обеды самостоятельно, на огне в камине, — доложил Ротан, отправленный за надлежащим провиантом. Словно нарочно, он опять притащил в корзинке черную и белую куриц.

Живая кровь подействовала. Когда перед началом церемонии подачи прошений Коннахар заглянул навестить подругу, Айлэ чинно лежала в постели, обсуждая что-то с сидевшей рядом Меллис.

— Мы пытаемся понять, какую ошибку допустили на сей раз, — заявила госпожа Юсдаль-младшая после того, как стихли положенные охи и ахи, вызванные зрелищем наследника престола, страдающего в полагающемся по этикету парадном наряде. — Видишь ли, Конни, твоя дама настаивает, будто по сути прочитанное месьюром Делле заклинание было истинным.

А я, — она повысила голос и нахмурилась, — я вам твердо говорю: еще одно подобное испытание, и Айлэ можно будет укладывать в гроб и везти на кладбище. Это выше человеческих сил!

— Объясните, — потребовал Конни, осторожно присаживаясь на край постели.

— Я боюсь только одного — вдруг у меня не достало выдержки потерпеть еще чуть-чуть? — мягко произнесла рабирийка. — Да, в какой-то миг мне стало очень больно... и страшно... но если за болью и страхом должно следовать исцеление?

Она подняла левую руку и неловко пошевелила двумя перевязанными пальцами.

— Я сломала когти — те, втяжные. Знаете, почему? У меня возникло твердое убеждение, будто они сами вот-вот отвалятся. Я хотела, чтобы это случилось побыстрее, и скребла подлокотники. Еще клыки... — она запнулась, жалобно посмотрев на Конни и Меллис. — У меня никогда в жизни зубы не болели, а тут заныли так, словно прогнили до самых корней. Мне показалось — хотя я могла это придумать — что я в самом деле меняюсь...

— Что же мы сделали неправильно? — повторил Коннахар, выслушав короткий сбивчивый рассказ. — Выбрали для церемонии неподходящее место? Или время? Говорили не те слова?

— К сожалению, у нас есть только заклятие, составленное Ариеном, — напонила Меллис. — Вы по-прежнему цепляетесь за намерение совершить этот рискованный шаг? Знаете, что в та-

ком случае посоветовал бы мой отец, знавший секреты многих волшебников?

— Прекратить заниматься глупостями? — уныло предположил Конни.

— И это тоже. Но в первую очередь он бы рассудил, что обряд нужно совершать в месте, где все началось. Само собой, нам нельзя навесить развалины Полуночной Цитадели, ибо они покоятся давно на дне морском. Зато мы в силах отправиться туда, где обитают сородичи Айлэ, также пребывающие под влиянием Проклятия. Если так можно выразиться о магических силах, там они наверняка гуще всего, — девушка смешила руками нечто невидимое и подвела итог: — Думаю, нужно съездить в Рабиры и попытаться осуществить ритуал там.

— Легко сказать, — хмыкнул принц Аквилонии. — Благородные девицы, вы, случаем, не позабыли, что кое-кто весьма могущественный строго запретил мне покидать Тарантийский замок? Или вы рассчитываете справиться самостоятельно? Думаете, вас встретят в Рабирах с распростертыми объятиями?

— Я просто предложила, — обиделась Меллис, вставая.

— Не сердись, — Конни поймал ее за длинный рукав платья и усадил обратно. — Мне кажется, ты очень хорошо все придумала. Если б не воля отца, мы завтра же скакали бы в Пуантен. Вряд ли нам выдастся иной подходящий случай — король в отъезде, мы сами себе хозяева.

— Где нельзя нарушить, там можно обойти, — как бы невзначай проронила Айлэ, лукаво блеснув зелеными глазами.

Незамысловатые слова упрямо звучали в голове Коннахара всю дорогу до Бронзового зала, пока их не оттеснила в сторону необходимость вникать в сущность обсуждаемых прошений. Церемония затянулась почти до пятого послеполуденного колокола, и внезапно Конни поймал себя на том, что поиски наилучшего решения доставляют ему удовольствие. Он даже рискнул пренебречь советом месьора Стиллиса, размашисто начертанном поперек очередного листа, рассудив затянувшуюся тяжбу о земельных владениях в Полуденном предместье столицы по-своему. Дие Лоран на миг вопросительно поднял бровь, но более ничем своего удивления или несогласия не выразил.

В глубине души Старший советник давно решил (однако не торопился делиться с кем-либо своими выводами), что, доведись ему выбирать между нынешним правителем Аквилонии и его отпрыском, он бы предпочел служить именно наследнику. Да, Конан Канах правит уже почти четверть века, справедливо считаясь не худшим из властителей Трона Льва... Но, с какой стороны не посмотри, варвар и авантюрист всегда останется таковым. Мальчик — иное дело. Коннахар рожден и воспитан в другой обстановке. Вряд ли он, подобно своему отцу, растратит жизнь на головокружительные, но совершенно бесполезные странствия и приключения.

8 день Первой летней луны.

— ...Также сто двадцать восемь фениксов пойдут на украшение Королевского Проезда, вкупе с расположенными вдоль одного гильдейскими зданиями и площадями... Мой принц, как полагаете, наш милейший градоуправитель не погорячился, приписав лишнего? Выпотрошить городскую казну почти на две с половиной тысячи полновесных золотых кесариев только на развешивание флагов, ленточек и прочей чепухи? — Эвье опустил свиток и вопросительно глянул на Конни.

— Читай дальше, — мрачно буркнул наследник престола. Перечень грядущих трат, представленный сегодня утром во дворец, внушал почтение и трепет, и требовал немедленного одобрения либо же неодобрения регента. — Они что, нарочно выжидали, покуда отец уедет? Ему бы такое подсунуть не решились. С него сталось бы порвать их творение и выбросить клочки за окно. А я, значит, кажусь деревенским дурачком, не понимающим истинной стоимости денег?

— Отсутствие короля, к сожалению, не дает нам права отменить торжества в столице, — напомнил Гиллем Ларбера, также внимательно изучавший длинный список. — Иначе мы рискуем оказаться по уши в возмущенной черни. Как же так, минуло ровнехонько девятнадцать лет со дня королевской свадьбы, а мы не получили ни дармовой выпивки, ни бесплатного угощения! Долой скрягу-наместника!

— Хорошо хоть благородное сословие удовольствовалося посулами роскошного праздника в следующем году, — беззлобно съязвил Коррент. — Иначе сейчас в замке ступить бы было некуда от желающих повергнуть к стопам блистательного регента свое почтение и ожидающих развлечений за его счет.

Конни обеими руками взъерошил густую темную челку и пристально уставился на ровные строчки, словно намереваясь силой взгляда постигнуть их скрытый смысл.

— Урежем вдвое, — наконец изрек он. — Хватит, наверное? В прошлом году на такой праздник потратили около пяти тысяч золотых, в этом отпустим три. Пусть выкручиваются сами.

В дверь вежливо стукнули. Не дожидаясь ответного разрешения, не вошел, но торжественно вплыл управитель замка, почтеннейший месьор Замио, неся перед собой серебряный поднос с лежащим на нем пакетом ярко-алого цвета.

— Для вашей милости из Пуантена, — размеренно отчеканил он. — Доставлено только что спешным гонцом.

— Что могло понадобиться от тебя Леопарду? — удивился Гиллем, заметив на сургучных печатях с детства привычный герб — трех марширующих друг над другом хищных кошек.

— Сейчас узнаем, — Конни с хрустом взрезал кинжалом толстый пергамент, извлек расписанный золотыми буквами светло-желтый лист и погрузился в чтение. Не в меру любознательный Эвье сунулся было заглянуть через плечо прин-

ца, но опомнился, сделав вид, будто всецело занят созерцанием ясного летнего дня за окном.

По мере того, как Коннахар пробирался к концу послания, выражение его лица менялось от вежливо-скучающего до растерянно-радостного.

— Вот и верь потом, что судьбы не существует, — внезапно заявил он, бросая лист на стол и кивком разрешая приятелям ознакомиться с содержанием письма.

— Герцог Пуантенский и его семейство нижеайше просят Ваше королевское высочество оказать милость и почтить своим присутствием торжества, посвященные годовщине брака ваших венценосных родителей, — Эвье, как всегда, безошибочно выискал среди куртуазной словесной шелухи жемчужину основной сути. — Празднества начнутся со следующей седмицы. Они будут проходить в Гайарде и прочих городах провинции.

— Гиллем, немедленно доставь ко мне дие Лорана. По дороге расскажешь ему о письме, — распорядился Конни. Молодой человек исчез за дверями. — Эвье, опасаясь загадывать... но нам улыбается удача.

— Благосклонностью которой нужно суметь воспользоваться, — подхватил Коррент-младший, уже наслышанный о замысле, осенившем беспокойную рыжую головку Меллис Юсдадь. — От столицы Пуантена рукой подать до Рабирийских гор... Имей в виду, Стиллис ляжет костями, выполняя наказ твоего отца: не отпускать наследника далее десяти лиг от Тарантии.

— Значит, грядет маленькое сражение, — легкомысленно хмыкнул Коннахар, и оказался совершенно прав.

Явившийся на зов Старший советник трижды перечитал не такое уж длинное послание, зачем-то скрутил его в трубку и рассеянно глянул на отиравшихся поблизости Эвье с Гиллемом. Дружная парочка немедленно возжелала откланяться и теперь наверняка маялась в коридоре, ожидая завершения разговора.

— Теперь скажи, что мне нельзя никуда ехать, — с откровенным вызовом в голосе потребовал наследник трона. — Смело ссылайся на королевское требование — ведь отец запретил мне покидать город! Завтра ты, наверное, сочтешь необходимым ради моей же пользы отменить прогулки в зимнем саду и посещение Большого Манежа. Почему бы в таком случае сразу не отправить меня в Железную Башню и не запереть там на десяток замков?

— Осмелюсь напомнить вашей милости, что Башня разобрана по приказу короля Конана пятнадцать лет тому, — спокойно возразил месьор Лоран. — И я всегда полагал злостью скверным советчиком. Конни, тебе придется остаться в Тарантии.

— Ладно, — с неожиданной покладистостью кивнул принц. — Услуга за услугу. Я не двинусь с места, а ты выполнишь одно несложное поручение. Составишь ответ Пуантенцу, где черным по белому будет написано — наследник вынужден отказаться от любезного приглашения дав-

него друга и вернейшего вассала королевской фамилии... ибо ему, словно малому ребенку, за-прещают выходить за порог Тарантийского замка.

Поскольку Стиллис ничего не ответил, Конни вполголоса добавил, обращаясь к самому себе:

— Вот отец обрадуется, узнав, по чьей милости его отпрыск поссорил Пуантен и Тарантию...

— Меня больше волнует, насколько разгневется король, прознав, что назначенный им регент самовольно покидал столицу, — отпарировал дие Лоран, но уже не столь уверенно.

— Если он не узнает, то не огорчится, — стоял на своем Конни. — Стиллис, мы уедем всего на поллуны! Никто не заметит!

В последнем господин Советник изрядно сомневался, но требовалось принять какое-то решение. Пуантенский Леопард наверняка оскорбится, получив из Тарантии вежливый отказ, а упоминание имени грозного отца на Конни не действует. Может, не упорствовать понапрасну и позволить ему съездить? Аквилония вполне в силах выдержать краткое отсутствие не только короля, но и его наследника.

— Двадцать дней, — непререкаемым тоном заявил месьор Лоран. — Не явитесь к началу Второй летней луны — я буду вынужден известить твоего отца и принять надлежащие меры.

Коннахар, похоже, не сразу осознал, с какой легкостью одержал победу.

— Так мы можем ехать? — недоверчиво уточнил он.

— Ты, Малый двор, охрана числом не менее полусотни, — перечислил Старший советник. — Экипажи вам, скорее всего, не понадобятся. Два-три дня, чтобы добраться до Гайарда, две седмицы там, и сразу обратно. Будь добр, Конни, утром и вечером каждого из этих замечательных дней напоминай себе, что рискуешь не только добрым отношением отца к тебе, но также головой некоего Стиллиса из Дормье, весьма ценящего жизнь.

10 день Первой летней луны.

Проснувшись, Конни некоторое время рассеянно обдумывал, отчего видит над собой не привычный высокий белый потолок с ровными выступающими квадратами в желтоватой окантовке, а скошенные и гладко обструганные доски, потемневшие от времени. Из подслеповатого окна справа пробивался сквозь мутную пленку бычьего пузыря солнечный свет, и откуда-то тянуло слабым запахом подгорающего жира.

«Потому что это не Тарантийский дворец, — вспомнив, Конни на миг зажмурился от восторга. — Это постоялый двор под названием «Лесное яблоко» в четверти лиги от городка Рамзи. Мы в пути. Сегодня днем пересечем Хорот, а ужинать будем в Гайарде».

Сборы в дорогу и первый день путешествия маленького отряда прошли на удивление гладко. Окружение наследника Аквилонии, едва прослышав о возможности навестить в Полуденную

Провинцию, кинулось складывать вещи. Труднее всего получилось с благородными девицами, упрямо желавшими прихватить весь свой обширный гардероб и все-таки частично добившимися требуемого. Ради них пришлось обременить кортеж единственной повозкой, пока стойко выдерживавшей дорожные тяготы — она ни разу не свалилась в канаву и не застряла где-нибудь на переправе.

Уступив настойчивому и вполне разумному требованию месьора Стиллеса, отряд принца не воспользовался Дорогой Королей, связывавшей Тарантию и Гайард, а двигался окольными путями, избегая показываться в городах, дабы не возникало ненужных слухов. Оказалось, что так выходит даже быстрее — летом Дорогу до отказа заполняли идущие в Аквилонию, Немедию и далее на Восход караваны, а владельцы расположенных вдоль нее постоянных дворов вечно сетовали на переполненность своих заведений.

Коннахуру и его спутникам предстояла всего одна ночевка, ради которой они и обосновались в «Лесном яблоке». Командовавший охраной наследника полусотник Майдельт из кожи лез вон, намереваясь уберечь принца от малейшей тени возможной опасности, и потому рассудил просто — перед трактирщиком плюхнулся упитанного вида кожаный мешочек, сопровождаемый приказом закрыть «Яблоко» для любых посетителей до завтрашнего утра и посвятить все силы наилучшему обслуживанию десятка постояльцев. Возражения Конни против столь решительной меры

успеха не имели, и Малый двор, подстрекаемый Ротаном, хором потребовал устроить небольшую вечеринку, посвященную удачному началу дороги.

«Кажется, мы вчера малость засиделись, — Конни прислупался к доносившимся из-за двери голосам, безошибочно признал возмущающегося местной дурной кухней Эвье Коррента, и решил, что пора бы и вставать. — В чем Эвье прав — вино у них прескверное».

Вечер, если признаваться честно, тоже завершился не слишком радостно. Винить стоило многоученного месьора Ариена Делле, которому после третьей кружки позарез захотелось узреть воочию какое-нибудь проявление волшебства. Ему, видно, показалось недостаточно мрачных чудес, творившихся недавно в замке короны.

Единственным человеком в компании, имевшим некое представление о начатках магии, оказалась Айлэ — дочь и ученица волшебника. Ее упростили погадать, зная, что баронетте Монброн передался талант ее матушки, предсказательницы Меланталь. Девушка долго отнекивалась, затем неохотно согласилась, и напрасно.

Попытки Айлэ ответить на вопросы своих приятелей или хотя бы определить исход затеянного предприятия ни к чему не привели. Гадательные камешки складывались в столь двусмысленные толкования, что рабирийка в конце концов расстроилась и убежала наверх, в отведенную ей комнату. За ней, высказав свое нелепое мнение касательно чрезмерного любопыт-

ства некоторых ученых мужей, зал покинула Меллис. Постепенно разошлись и остальные.

— А сегодня — новый день, — вслух произнес Коннахар, тицетно стараясь рассмотреть в почти непроницаемое окно, что любопытного творится во дворе трактира.

Увидеть ему ничего не удалось, зато он отчетливо расслышал смутно узнаваемый звук — чуть дрожащий, резкий звон, спустя несколько ударов сердца слившийся в отрывистую мелодию. Кто-то играл на музыкальном инструменте, причем не на принятой во дворце и отлично знакомой виоле — у той куда более слащавый и вкрадчивый голосок. Так, если Конни не изменял слух, мог бы звучать анриз, маленькая тем-рийская арфа.

Откуда в сердце Аквилонии взяться человеку, умеющему обращаться с анризом?

К мелодии присоединился голос, сначала выведший пару куплетов на языке, из которого Конни понимал едва ли каждое пятое слово, а затем непринужденно перешедший на аквилонский:

Вот ветер с Полночи пришел,
В соленой пене зеленых вод.
Взметнулся платья холодный шелк,
А вегер прокричал: «Вперед!
Я знаю, ты придешь ко мне,
Я знаю, ты уже в пути.
Не прекословь судьбе своей,
Не бойся, Эмеред, лети!»

Наследный принц прогрохотал по лестнице и выскочил во двор как раз вовремя, чтобы успеть к завершению песни.

Она оттолкнулась от земли,
И замолчали все ветра,
А братья, руки отпустив,
Смотрели, как летит сестра.
Она летела ввысь и ввысь,
И высь ей стала дорога,
«Сестрица Эмеред, вернись!» —
Кричали братья с берега.
И там, где весною не бьет вода,
И там, где зимы не стелют лед,
Где не имеют счет года,
Она оборвала полет...

— Начались обещанные беды с горестями, — едко проговорил за спиной у Конни голос Эвье Коррента. — Мои искренние поздравления, ваше высочество. Для полноты свиты ты только что обзавелся придворным менестрелем.

— Лью, — с ошеломленным видом произнес Коннахар.

Удобно расположившийся на колодезном срубке человек спрыгнул вниз, преувеличенно старательно раскланявшись и взмахнув связанным на затылке хвостом длинных белых волос. Блеснула россыпью мелких аметистов тяжелая вычурная фибула, скреплявшая переброшенный через плечо длинный шарф в мелкую красно-зеленую клетку, звякнули струны. Конни угадал, это действительно был анриз — треугольная арфа из

светлого дерева с изображением лебединой головы на грифе.

— Доброго дня и успехов в делах, — чуть виновато поздоровался Лиессин.

— Ты откуда взялся?

— Это долгая история! — дружным хором произнесли любящие братец и сестрица, Ротан и Меллис Юсдали. Они рядом сидели на коновязи, толкая друг друга локтями и хихикая в предвкушении неизбежного рассказа.

— Как раз очень короткая, — грустно качнул головой Майлдаф-младший, выглядевший изрядно обескураженным. — Я проиграл песенное состязание на Белтайн, а заодно по собственной глупости рассорился с сородичами и отцом... В общем, в Темре мне какое-то время лучше не показываться. В Ларвике я прослышал, будто король Конан отправился навестить друзей в Пограничье, и страной управляет его сын. Я надеялся, что могу рассчитывать на твое покровительство, но, когда добрался до Тарантии, там уже никого не оказалось.

— Как это — проиграл состязание? — не поверил своим ушам Ротан Юсдаль. — Ты — и проиграл? Шутишь, что ли?

Конни перебил его торопливым вопросом:

— Кто тебе сказал, куда мы уехали? Стиллис?

— Никто не говорил, — удивился Лиессин. — Меня и во дворец бы не пустили. Но в таком огромном городе легко найти тех, кто не умеет держать язык за зубами и охотно разбалтывает дворцовые секреты. «Наследник уехал в Пуан-

тен», — вот что я узнал, и решил попробовать нагнать вас. Скакал всю ночь, утром завернул передохнуть на этот постоялый двор. Как оказалось, не ошибся. Теперь решение за тобой, Коннахар. Уезжать мне или можно остаться?

— Сначала скажи, как ее зовут, — после некоторого размышления потребовал наследник Аквилонии. Лью бросил на него искренне недоумевающий взгляд:

— Кого — «ее»?

— Деву, из-за которой тебя выставили из дома, — безжалостно уточнил Конни. — Давай, давай, признавайся. Иной причины нет и быть не может.

— Да не было никакой девушки, — вяло запротестовал Лиессин, но град язвительных смсшков заставил его сдаться: — Беда не в девчонке, а в ее семействе. Она из Макдермоттов, и между нашими кланами уже лет двести как заклтая дружба...

— Чрезвычайно романтично, — Меллис с нарочитым восхищением захлопала в ладоши. — И тебе пришлось бежать под покровом мрака? Кстати, ты не забыл пообещать бедной обманутой девушке непременно вернуться за ней? Ах, бедная, она потратит годы на напрасное ожидание!

— Она благополучно выскочит замуж еще до конца нынешнего лета, — огрызнулся Майлдаф-младший. — На свадьбе ее сородичи будут с удовольствием вспоминать, как весело гоняли кое-кого ночью по окрестным холмам, но, к раз-

очарованию для них и к счастью для меня, не догнали.

Мысленно Лью извинился перед Коннахаром и его друзьями, ибо наскоро состряпанная им история была лжива от первого до последнего слова. Излагать же подлинную совершенно не хотелось. Она наводила на мрачные рассуждения о зияющей пропасти между отпрыском торговца и юной особой, проживающей за высокими стенами Фрогхамока Темрийского, и взывала к отмщению некоему управляющему, имевшему скверную привычку быстро и жестоко расправляться с нарушителями благочиния, застигнув таковых на месте преступления...

— Простые сельские нравы, — съязвил Эвье. — Скажи свое веское слово, Конни! Желаете присовокупить к нашему изысканному обществу это горское безобразие или обойдемся без него?

...Так и получилось, что, в то время как кортеж правителя Аквилонии неспешно продвигался на Полуночный Восход, а Конан Канах и его супруга Зенобия пребывали в полнейшей уверенности относительно местонахождения своего старшего сына, предприимчивый отпрыск вкупе с компанией преданных сдиномышленников неся в прямо противоположную сторону — на Полдень, к границам Пуантена.

Глава седьмая

Крепость

*Пуантенская провинция, Аквилония.
14 день Первой летней луны.*

Высокая плитами дорога упрямо карабкалась вверх по склону, словно бы взлетая над предгорьями и устремляясь к неведомой цели. Внизу оставались постепенно уменьшающиеся очертания белых домов и крепостной стены, охраняющей городишко Римальсу, виноградники, оливковые рощи, желтые полосы возделанных полей, серебряный блеск играющих под солнцем волн Алиманы и очертания плавно вырастающих за ней лесистых холмов.

Пестрая кавалькада, растянувшаяся почти на три перестрела, не торопилась, охотно задерживаясь, дабы вволю рассмотреть причудливого вида скалу, попить воды из придорожного источ-

ника, в который раз удивившись ее чуть сладковатому вкусу, и заодно выслушать новую историю, касающуюся этих мест. Спешить некуда, день выдался солнечным и по-настоящему летним, а потому столичные гости и радушные хозяева находили обоюдное удовольствие в кратком путешествии, по завершению которого приезжих ожидал сюрприз.

Какой — пока оставалось неясным.

Впервые речь о таинственном сюрпризе зашла два дня назад, дав приехавшей из Тарантии молодежи возможность вволю поломать голову, развлекаясь всевозможными догадками.

Впрочем, времени на долгие раздумья им почти не оставалось. Стоило принцу Аквилонии и его сопровождающим въехать в Белые ворота Гайарда, как их немедленно захлестнуло радужной круговертью — не то учиненной ради их приезда, не то являющейся здешним образом жизни. Второе, похоже, более отвечало истинному положению дел.

Среди веселой сумятицы Конни едва не позабыл, зачем он потратил столько усилий, добиваясь разрешения на поездку, отчего воспринял предложение наведаться до начала торжеств в полуденные области провинции как тихое, но отчетливое напоминание судьбы. Цель находилась совсем рядом, достаточно только пересечь реку. Конни уже придумал план, казавшийся ему вполне осуществимым. Завтра или послезавтра наследника трона ожидает очередное развлечение — большая загонная охота на кабанов,

рассчитанная на три-четыре дня. Маленькому отряду не составит труда затеряться среди лесистых холмов и переправиться через Алиману, оказавшись подле самой границы Рабиров. Они не станут забираться далеко вглубь загадочного края. Подходящее место — укромная поляна, овраг или долина ручья — наверняка отыщется и поблизости. Главное — провести ритуал и вернуться прежде, чем их отсутствие вызовет подозрения.

«Если опять ничего не выйдет, — нехотя пообещал своим друзьям Коннахар, — последуем совету почтенного Озимандии: отложим попытку. Возможно, на несколько лет. Перероем библиотеки Материка, добудем еще старинных книг, обратимся за помощью к магикам, наконец!»

Однако молодой человек гнал подобные мысли прочь. Третий раз — всегда решающий. В Тарантии они почти добились успеха. Здесь, на земле, издревле принадлежащей сородичам Ай-лэ, их старания наверняка получат надлежащее завершение.

И тогда все станет очень хорошо. Иначе и быть не может.

За своими размышлениями Конни не заметил, что обогнал процессию и вырвался вперед. Шагах в двадцати от него склон круто поднимался вверх, образуя своеобразный маленький перевал. Коннахар решил взять его штурмом и там, на вершине, дожидаться остальных. Любопытно все-таки, какой сюрприз имело в виду ок-

ружение Пуантенского Леопарда? И далеко ли до него ехать?

Чуть подстегнутый поводьями гнедой конь вскинул уши и бодро ринулся на приступ, фыркающая, топоча копытами по светло-желтому известняку и выбивая фонтанчики беловатой пыли. Сзади долетели приглушенные расстоянием ободряющие выкрики, и, одолев подъем, принц обернулся, намереваясь помахать замешкавшимся спутникам.

Намерение осталось неисполненным — открывшееся зрелище на краткое время лишил наследника Аквилонии всех чувств, помимо зрения. Да и то пришлось сначала зажмуриться, а потом разглядывать скрывавшийся за перевалом вид по кусочкам, мало-помалу поднимаясь взглядом снизу вверх, пока глаза не замирали на самой высокой точке — почти неразличимом на пронзительно-голубом фоне неба флюгере.

Замок расположился на другой стороне глубокой долины, заросшей лесом, похожим на курчавую овечью шкурку диковинного окраса — от нежно-зеленого до густо-малахитового, почти черного. Над зелеными волнами поднималась охристо-красная безлесная скала, вершину которой и оседлала небольшая крепость. Конни видел ее высокомерную главную башню с крохотными черточками бойниц, очертания надвратных укреплений и различил даже ровный ряд зубцов над стеной с мелькающими между ними фигурами стражников. Грозное творение человеческих рук отчего-то не казалось чужеродным, по-

сторонним вкраплением среди лесной зелени. Оно будто стояло тут всегда. Без него окрестный пейзаж либался целостности — словно в воротную арку забыли поместить замковый камень.

— Нравится? — понимающе спросили откуда-то слева. Конни яростно затряс головой, соглашаясь, но не находя сил оторвать взгляд от обманчиво легкого, парящего между небом и землей золотистого чуда. — Это Орволан, обещанный сюрприз.

К наследнику вернулась способность говорить:

— Его ведь разрушили до основания! Давно, еще при Нумедидесе. В наказание тогдашним владельцам за учинение очередного мятежа. Я своими глазами видел указ — он хранится в Тарантии, в Большом Архиве!

— Когда правителям Аквилонии хочется думать, будто они в силах распоряжаться в Пуантене, как у себя дома, мы не считаем нужным спорить, — безмятежно откликнулся человек, которого многие вполне справедливо именовали «соправителем трона Льва», а Конни в детской простоте лет до пяти убежденно полагал одним из членов своей семьи. Игра в «дядюшку» и «племянника» сохранилась до сих пор, и о ней непременно вспоминали, когда поблизости не оказывалось какого-нибудь рьяного блюстителя этикета.

— То есть злые короли разрушают и пожигают, а мудрые верноподданные потом рачительно восстанавливают, — поддел собеседника Конни.

— Пользуясь для этого денежками, беззастенчиво извлекаемыми из королевской же казны якобы для починки дорог и надлежащего содержания владений трона. Кстати, кому теперь принадлежит замок?

— Драгоценный племянник, с возрастом ты стал не в меру язвителен и проницателен, — заметил его светлость Просперо, более известный как Пуантенский Леопард. — Что касается Орволана, он является моим — с того дня, когда его внесли в реестр земель, переходящих ко мне после заключения брака с наследницей рода Эйкар. Вообще-то ты прав — лет двадцать назад он действительно напоминал грудку замшелых камней. Как и большинство доставшихся нам с Адалаис владений.

— Дядюшка, тебя не раз предупреждали — не стоило жениться по расчету, — умильным тоном проворковал Коннахар, и глянул вниз, убедившись, что кортеж благополучно одолел половину подъема. Во главе цепочки, важно покачиваясь, как корабль на волнах, двигался запряженный мулами паланкин с откинутыми занавесками, принадлежавший великой герцогине Пуантена. По слабости здоровья она редко покидала Гайард, и Конни отлично понимал, какую честь ему оказали, ежели госпожа Адалаис решила лично сопроводить гостя. Что касалось упоминания «брака по расчету», то любой в Аквилонии знал — Золотой Леопард женился бы на леди Эйкар даже в том случае, если единственным ее достоянием оставалась пара чиненых туфель.

— Благодарю за изрядно запоздавший совет, — хмыкнул Просперо, и, понизив голос, быстро проговорил: — Только между нами... Ходят слухи, будто у тебя с отцом не все благополучно. Король не слишком жалует твою прекрасную даму?

— Он и матушка считают — я мог сделать более удачный выбор, — признался молодой человек, не видя необходимости что-то скрывать. В Пуантене к обитателям Рабиров относились гораздо спокойнее, а привязанность наследника короны к девушке-гулю представляла собой обычную вещь. Коннахар мог бы поручиться, что во время пребывания в Гайарде заметил в числе свитских Леопарда двух или трех соотечественников баронетты Монброн. Пуантенцев можно понять: их земли отделены от пугающих Рабирийских холмов всего лишь руслом Алиманы. Должно быть, они привыкли к столь диковинному соседству.

Кавалькада наконец взобралась на перевал. Раздался общий восхищенный вздох, по завершению почтительного молчания сменившийся дружным хором расспросов гостей. Со стороны реки налетел порыв ветра, взметнувший легкие шарфы женщин и качнувший полотнища двух находившихся бок о бок знамен — синего с тройкой бегущих леопардов и алого с золотым коронованным львом. Стяг королей Аквилонии дополняла укрепленная под наверху длинная зеленая лента — знак, что флаг поднят не правительством страны, но доверенным регентом.

* * *

Орволан, замок на высокой скале, всегда считался местом, которому сами небеса предназначили служить вместилищем всякого рода тайн и секретов.

Если верить летописям, именно здесь пятьсот лет назад скрылись бежавшие на Полдень участники заговора против короля Энамидонта V, и здесь они успешно выдержали тяжелую, едва ли не в год длинной осаду. Поговаривали также, будто владельцы крепости некогда оказывали покровительство странному ордену жрецов Митры, и с тех времен в цоколе одной из башен сохранилась часовня, стены которой изобильно украшены загадочными символами.

Легенда оказалась чистейшей воды правдой. Большинство вырубленных в желтоватом камне знаков устояло перед беспощадным натиском времени. Их вид настолько заинтриговал месьора Ариена, что ученый муж немедленно потребовал доставить в подвал табурет, свечей и побольше листов пергамента, намереваясь как можно точнее срисовать надписи, дабы впоследствии поразить своим открытием Обитель Мудрости. Отговорить его от этого намерения не удалось, и дальнейшее знакомство с крепостью проходило уже без мэтра Делле.

Любопытные столичные гости уже успели облазать замок от погребов до балкончика, лепившегося под крышей донжона, и сошлись во мнении: головы у них кружатся не только от высо-

ты, куда они взобрались, но и от переизбытка впечатлений.

— Успеем наглядеться, — мудро заметил Ротан Юсдаль, свесившись через ограждение балкона в попытке разглядеть черепичные крыши оставшейся далеко внизу Риальсы, и украдкой заговорщицки подмигнул Конны. Наследник понимающе кивнул: в Орволане они пробудут дня два-три, чего с лихвой хватит на осуществление грандиозных замыслов. Можно хоть завтра отправиться на верховую прогулку, которая по совершеннейшей случайности приведет их на другой берег Алиманы.

«С утра ничего не получится, — разочарованно вспомнил Коннахар. — Вечером затсеваается ужин с музыкой и танцами, который наверняка окончится далеко полночь. Вряд ли кто будет наутро гореть желанием совершить поездку по окрестностям. Вдобавок нужно запастись припасами и не забыть извлечь из подвала увлекшегося историческими изысканиями месьора Делле. Да, и необходимо обиняками выяснить, не грозит ли нам встреча с пограничными разъездами — аквилонскими либо же зингарскими. Чрезвычайно неловко выйдет, коли наследного принца Аквилонии вкупе со спутниками и неизбежной охраной задержат, приняв за контрабандистов или лазутчиков».

Ужин накрывали во втором этаже донжона, в просторном зале с куполообразным потолком, поддерживаемым изящно выгнутыми вольтами, и узкими окнами-бойницами. Конны явился чуть

раньше срока, но так поступил не он один. Возле огромного, в полстены, очага, выложенного дикими камнем, где по горке поленьев лениво перебегал огонь, удобно расположилось приятное общество из приезжих молодых тарантийцев и свитских пуантенского герцога. Свечой, притянувшей стайку разноцветных мотыльков, послужила дама Адалаис — ее гордо посаженная головка с тяжелым узлом волос на затылке чуть склонилась вперед, прислушиваясь к чьему-то рассказу. Коннахар поискал взглядом Айлэ Монброн. Рабирийки поблизости не обнаружилось, зато у него за спиной вежливым полупшепотом осведомились:

— Его светлость почтительнейше спрашивает, не может ли Ваше высочество уделить ему немного внимания?

— Прямо сейчас? — уточнил Конни. — Могу. Что-нибудь случилось?

Вместо ответа слуга, носивший цвета дома Пуантенского Леонарда, провел слегка недоумевающего Конни вдоль стены зала, юркнул в нишу, охраняемую парой начищенных до мутноватого блеска доспехов времен давно отгремевшей битвы при Садронаре, приоткрыл низкую дверцу и указал на узкую винтовую лестницу, поднимавшуюся куда-то вверх. Идти по ней молодому человеку пришлось в одиночестве.

Ступенек через тридцать он перешагнул порог, оказавшись в примыкающей к залу маленькой тесноватой комнатке. Откуда-то падали косые желтоватые отблески многих свечей и доно-

силась невнятный говор беседующих людей. Приглядевшись, Коннахар различил маленькое полукруглое окно, и вспомнил, что несколько мгновений назад видел целый ряд точно таких же под потолком залы, приняв их за отдушины или бойницы.

Неяркое поблескивание возле оконного проема оказалось золотым шитьем на наряде Просперо, рассеянно прислушивавшегося к мерному, успокаивающему гудению голосов внизу.

— Так что стряслось? — повторил Конни, войдя. — Почему такая таинственность?

— Исключительно дань твоей любви к загадкам, — хмыкнули из полумрака, заставив наследника трона чуть встревожиться. Неужели кто-то из его друзей сболтнул лишнего касательно грядущей вылазки? — Ты даже представить не можешь, сколь умирительно выглядят ваши физиономии прожженных заговорщиков... Ладно, не стану выпрашивать, что вы такое затеваете — надеюсь, не свержение правящего государя?

— Ничего подобного, — буркнул молодой человек и как можно убедительнее проговорил: — Отец советовал мне не покидать Тарантию, а я уехал, пусть и ненадолго. Мои друзья теперь тревожатся — как бы этот поступок не стал причиной королевского беспокойства.

— Не станет, — отмахнулся Просперо, заставив Конни маяться над неразрешимым вопросом: поверил Пуантенец наскоро состряпанной выдумке пополам с правдой или нет. — Ежели Лев Аквилонии все-таки разгневался — сошлись

на меня. Собственно, что я хотел тебе сказать... Вернее, предложить — без свидетелей и дав время на размышление. Думаю, тебе и кое-кому из твоих спутников это покажется чрезвычайно увлекательным приключением. Выдалась okazия совершить краткую прогулку за реку.

Уверенный, что ослышался, приняв желаемое за действительное, Конни переспросил:

— Какую прогулку?

— В холмы за Алиманой, — охотно разъяснил Золотой Леопард. — В жуткие, кошмарные, ужасные Рабиры, откуда родом твоя прекрасная дама, девица Монброн. В Риальсу как раз прибыл отправляющийся туда караван. Завтра днем они доберутся до Орволана, и вы сможете к ним присоединиться.

— Так запросто? — с трудом ворочая языком, выговорил Конни, мысленно возблагодарив полусумрак, не позволявший разглядеть выражение его лица — а оно наверняка сделалось до смешного обескураженным. — Мне раньше не приходилось слышать, будто с Рабирами ведется какая-то торговля...

— Не присылать же в столицу подробнейший отчет о всяком обозе, пересекающем границу! Знаешь, сколько их тут проходит за год?

— Но не каждый из них направляется в Рабрийские холмы, — нашелся молодой человек. — Вдобавок, насколько я знаю, Рабиры вот уже лет двадцать объявлены неотъемлемой частью зингарского королевства, хотя их обитатели по-прежнему не желают иметь дела с людьми.

Ответом послужил короткий полупрезрительный свист.

— Так называемое «Вольное княжество Рабиры под рукой Зингары» — просто уступка честолюбивой Ее величества Чабелы, желающей думать, будто она первой из владетелей Кордавы сумела после долгого перерыва заключить подобие дружеского союза с гуями... Не спорю, она заполучила эту красивую и ничем не подкрепленную бумагу, которой с гордостью размахивает на всех углах, и личную верность нескольких рабрийцев. Понимаешь, кого я имею в виду?

— Ага, — согласился Кошпахар, потихоньку начинавший запутываться в рассуждениях пуантенского герцога.

— Упаси меня Митра ставить под сомнение мудрость госпожи Чабелы, но посуди сам — после этого договора она более не предпринимала никаких шагов, — судя по интонациям, предмет разговора давно стал для Просперо личной неразрешимой трудностью. — Ни обмена посланцами, ни попытки наладить торговлю, ничего! Она вполне довольна тем, что имеет. Неудивительно, что в Рабирах подождали-подождали, да и обратились к нам, благо мы — их ближайшие и давние соседи. Найдется не одно семейство, в самом прямом смысле этого слова кровно связанное с теми, кто живет на полуденном берегу Алиманы. Гули прекрасно осознают, что не смогут и дальше безвылазно сидеть в своих горах, а я — я понимаю, что налаживание добрых отношений с ними займет несколько людских поколений. Так

не лучше ли начать сеять сейчас, дабы потом собрать богатый урожай? В Холмах скрыто немало полезных вещей. Будет лучше, если они достанутся нам, аквилонцам, а не Зингаре. Скажем, вот это.

Высокая тень у окна жестом поманила Конни поближе и с деревянным стуком откинула крышку стоявшей на подоконнике плоской шкатулки. Подойдя, молодой человек разглядел лежащую внутри горку маслянисто поблескивающих, переливающихся быстрыми радужными искорками предметов. Взяв в руки первый попавшийся, он стал обладателем браслета, искусно сплетенного из тонких стеблей вьюнка.

— Мы проверяли, это золото не из кошес Офира или Шема, — негромко произнес Пуантенский Леопард, достав другую вещь — подвеску в виде ореховых листьев с полупрозрачным зеленым кристаллом, раскачивавшуюся на тонкой золотой цепочке. — Камни похожи на те, что добывают у нас в горах, но золото...

— Выходит, там есть рудники, — догадался наследник Аквилонии.

— Дорого бы я дал, чтобы узнать, какие еще секреты они от нас прячут, — вполголоса обронил Просперо, и протянул украшение Конни. — Бери, подаришь своей даме. Пора осчастливить гостей нашим присутствием, не то репат, что мы погрузились в обсуждение государственных тайн, а про них забыли.

Спускаясь вниз по витой лестнице, Коннахар пытался мысленно повторить короткую странно-

ватую беседу с Золотым Леопардом от начала до конца. Пуантенец, ничего не делающий просто так, вел какую-то свою игру, отведя в ней место и наследнику престола. Иначе к чему намеки на дворцовые заговоры, рассуждения о судьбах Раби-ров и заранее приготовленная шкатулка с необычными драгоценностями, вроде как изготовленными за рекой? Вдобавок — чрезвычайно своевременное предложение съездить в холмы за Алиманой. Неужели Просперо все знал с самого начала? В Тарантии полно преданных ему людей, и тайны жизни замка короны наверняка на следующий же день становятся известны в Гайарде.

«Что с того? — убеждал себя Конни. — Может, герцог сочувствует мне и Айлэ, потому и затеял эту поездку. Мало ли какие дела он ведет с Рабирами? Когда случалось такое, чтобы Леопард из Пуантена действовал в ущерб королевству? Конечно, выглядит немного... подозрительно, что ли?... но я пока не вижу никакой опасности. Месторождение золота в такой близости от аквилонской границы — это, как я понимаю, весьма лакомый кусочек. Надо будет переговорить с Эвье — в искусстве интриг он разбирается куда лучше меня — но долго раздумывать тут не над чем. Мы поедем с караваном, и сделаем, что должны».

* * *

Веселье, как и предполагалось, затянулось до полуночи, да и потом не собиралось прекра-

щаться. Кто-то уходил, кто-то приходил, из подвалов выкатывали новые бочки, разговоры и смех улетали вверх, к свежепобеленному, еще не успевшему покрыться копотью потолку, вздрагивали огоньки свечей и тонко звенели краешки сталкивающихся чаш. Лиессин вознамерился петть ночь напролет, благо ему удалось найти соперников из числа пуантенцев, а вокруг хватало девиц и дам, готовых как проявить благосклонность к победителю, так и утешить побежденного.

Вот и сейчас Льюу проникновенно выводил, по обыкновению чуть растягивая слова:

Много есть на свете баллад старинных,
Пели мне их в детстве под треск камина,
Черных королей побеждала лютня,
Белым королем становился скальд...
Замок мой стоит на семи холмах,
Бродит влага винная в погребах,
Плющ ковром зеленым обвил фасада,
А беда случилась пять лет назад.
Был осенний вечер, мела пороша,
В двери постучал менестрель продрогший,
Он сказал, что бродит давно по свету,
И просил за песни ночлег и кров.
Сталь его зрачков высекала искры,
Лютню он сжимал, словно ствол баллисты,
Я его пустил, обещав за вису
Дать ему и кров, и ночлег, и стол...

Под эту мелодию державшаяся за руки парочка незаметно выскользнула из дверей зала, оказавшись в нижнем дворе крепости. Конни

был уверен, что снаружи их встретит непроглядная бархатная ночь, но оказалось, что в здешних краях темнеет поздно. Над замком нависал купол призрачно-зеленоватого цвета, расчерченный в стороне заката оранжевыми и малиновыми полосами, а на восходе наливающийся подступающим темно-синим сумраком. Тихо смеявшаяся Айлэ тянула его за собой, по каменным и деревянным лестницам, тянувшимся вдоль стен и уводившим куда-то вверх.

Наследник Аквилонии и его спутница проскочили галереей для стражи, разминувшись с дозорными, многозначительно пожелавшими им вслед доброй ночи, и через узкий арочный проем выбрались на открытую площадку, нависавшую над сходящимся под углом стенами бастионов и огражденную рядом зубцов высотой в половину человеческого роста. Под этим каменным выступом, как разглядел Коннахар, тянулся отвесный обрыв, чье дно тонуло в сгущающихся тенях. С трех сторон площадку окружало вечернее небо и медленно остывавший воздух, с четвертой — стена башни, отчего возникало впечатление, будто балкон парит над окрестными горами.

— Мы летим, — шепотом сказала рабирийка. — Я заметила это место сегодня днем, когда нам показывали крепость, и сразу подумала — вот бы придти сюда на закате.

Она забралась в проем между зубцами и встала там, предоставив ночному ветру трепать ее черные волосы и широкие рукава платья. В чуть

захмелевшую голову Конни вдруг пришла шальная мысль: сейчас девушка шагнет со стены, обернется птицей и умчится за реку, к темным лесистым холмам. Вон они, Рабиры — звериными холмами горбятся на другом берегу Алиманы, молчаливые и замкнутые в своих тайнах.

На вершине одного из холмов замерцало, разгораясь, одинокое красноватое пятно. Кто-то жег костер, и тот напоминал приоткрывшийся глаз дремлющего хищника.

— Слезай, — Коннахар настойчиво подергал замечтавшуюся подругу за край подола. — Пройдет всего день, и мы взглянем на Орволан с полуденного берега. Я тебе сказал, как нам повезло? Ради расширения кругозора моей милости Просперо берется устроить поездку в Рабиры. С каким-то обозом, который вскоре прибудет сюда. Готов поспорить, отец даже не подозревает, что пуантенцы вовсю приторговывают с твоими сородичами.

— Воистину, мир меняется, — Айлэ оперлась руками на плечи стоявшего внизу молодого человека, намереваясь спрыгнуть. Конни подхватил ее за талию и бережно поставил перед собой, не выпуская из объятий. — Еще лет двадцать назад сама мысль о том, чтобы отпрыск человеческой расы вознамерился разделить судьбу с рабирийской девицей, не испытывая опасений за свою жизнь...

— Я опасюсь, — пробурчал Коннахар, зарывшийся лицом в густые локоны девушки и в который раз пытаюсь угадать — о чем напоминает

исходящий от ее волос пряный горьковатый запах? — Постоянно опасаясь потерять голову, наделать глупостей или надоесть тебе. Но почему-то именно это со мной и происходит, — обескураженно закончил он. — Знаешь, я не хочу возвращаться к гостям, а ты?

Рабирийка рассеяннo покачала головой влево-вправо, но, дабы ответ стал более определенным, петромко произнесла:

— Зачем нам куда-то идти? Почему бы не остаться здесь... где нет никого, только небо... и ночь... и мы с тобой...

Каждое ее слово отделялось от предыдущего все более длительной паузой, ибо крайне затруднительно одновременно говорить и целоваться, да и смысла в гривуазных беседах более не имелось.

Оба прекрасно знали, ради чего посреди ночи явились на сторожевую башню. Конни запоздало пожалел, что не догадался захватить с собой плащ или какое-нибудь покрывало — все-таки камни не в силах заменить удобной постели или брошенной на пол шкуры.

Впрочем, имелись кое-какие соображения, искупающие любые неудобства. Чувство полного одиночества, словно в мире уцелели только двое совершенно потерявших от любви голову молодых людей, и близость загадочных Рабирийских холмов, с которых порыв ветра иногда приносил волну насыщенных сладковатых ароматов неведомых ночных цветов.

Две тени на вершине башни замка слились

воедино, и вскоре исчезли за зубцами, надежно скрытые наступающими сумерками.

* * *

Примерно в то же время, когда наследник Аквилонского престола и Айлэ Монброн обратили ровные и нагретые за день плиты дозорной площадки одного из рavelинов крепости Орволан в подобие ложа, смотревшая из узкого окна на догорающий закат женщина спокойно и убежденно заявила:

— Ты злоупотребляешь его неопытностью и доверием к тебе. Мне это не нравится.

— Я просто хочу оказать сыну моего давнего друга незначительную услугу, — откликнулся пуантенский герцог, расположившийся за столом и составлявший на расстеленном перед ним листе пергамента какое-то недлинное послание. Возле дверей конюшни нижнего двора фыркал оседланный конь и дожидался гонец, коему надлежало доставить письмо, как только оно будет подписано и запечатано. — И я не втягиваю Конни в какую-нибудь опасную авантюру!

— Да, — согласилась Адалаис Эйкар, по-прежнему созерцая постепенно исчезающие в темноте очертания далеких гор. — Не втягиваешь. Но и не препятствуешь. Наоборот, способствуешь его начинаниям, используя принца в своих целях.

— Разве плохо, если наследник трона будет слегка мне обязан? — поднял бровь Просперо. — Это упрочит наше положение при дворе...

— Поправь меня, если я ошибаюсь, — в мелодичном голосе Адалаис зазвучала откровенная пасмешка. — В королевстве не сыщется второго человека, чье слово имело бы такой вес в Тарантийском замке и во всей Аквилонии. Уж меня-то не пытайся обмануть.

— Коннахар носится со своим безумным замыслом, и ради исполнения задуманного ему необходимо попасть в Рабиры, — Леопард вывел последнюю строку, перечитал текст и согласно кивнул. — Я обеспечил ему ровную дорогу. Ежели при том он поспособствует родной стране и лично мне — очень хорошо. Не получится — тоже не беда. Согласись, Адди, попытаться-то стоит?

— Тогда почему бы тебе не отправиться туда самому? — разумно возразила герцогиня.

— Потому что я считаю нужным и полезным, чтобы там взглянули на мальчика, задумались и сделали выводы, — внушительно произнес Пуантенец, запечатывая письмо и протягивая руку к стоявшему на краю стола бронзовому колокольчику. — И ты напрасно беспокоишься за Конни. Ему не угрожает ничего... кроме собственных возвышенных чувств, коим он по юношеской горячности уделяет слишком много хлопот.

Адалаис Эйкар молча опустила веки, показывая, что по-прежнему не одобряет затеи супруга, но не испытывает желания с ним спорить.

Часть 2. Благие намерения

Глава первая Граница

*Рабирийские горы.
16 день Первой летней луны 1313 года
по основанию Аквилонии.*

Рони гулко протопали по трем пролетам нависшего над Алиманой моста — добротного, сложенного из красноватого гранита и четко отражающегося в спокойной воде. Судя по виду, его построили не так давно — года три или четыре назад, выбрав довольно уединенное место в полулиге от Орволана, дабы не привлекать излишнего внимания к пересекающим реку торговым обозам и отдельным путникам.

Имелась у переправы и охрана, числом около десятка человек, жившая в приземистом домишке, смахивавшем на крохотный форт.

За мостом (вообще-то не отмеченным на чертежах земель королевства) начинались Рабиры, и здесь, на широкой вытоптанной площадке, группа ехавших с караваном молодых людей благородного сословия отделилась, сбившись плотной кучкой и переговариваясь между собой. В утреннем воздухе голоса звучали с обманчивой беспечностью, ибо беседовавшие тиетно пытались скрыть испытываемое волнение. Они рассеянно смотрели на тяжело груженные повозки, скрипевшие огромными колесами, на бегущую мимо реку и возвышавшийся в отдалении золотистые силуэты башен Орволанского замка. Порой кто-нибудь украдкой бросал настороженный взгляд на хорошо наезженную проселочную дорогу, исчезающую в распадке между поросшими колючими лиственницами холмами, и поспешно отворачивался.

Фургоны один за другим съехали с моста и остановились, выстроившись в цепочку. За ними, звякая бубенчиками и утробно фыркая, с достоинством прошествовало коровье стадо в две дюжины голов. Животные также являлись предметом торга — их перегоняли к новым владельцам.

Последним оказался верховой, задержавшийся для краткого разговора со старшиной караульных. Завершив беседу решительным взмахом руки, этот человек, носивший темно-синие с золотом цвета дома великого герцога Пуантена, рысью пронесся по мосту, миновал повозки и уже шагом подъехал к державшейся особняком

молодежи, находившейся под ненавязчивым при-
смотром отряда гвардейцев короны.

— Если вашей милости угодно, можно от-
правляться дальше, — сообщил он, адресуя поч-
тительные слова жожаку маленького отряда —
высокому темноволосому подростку, казавшему-
ся чуть старше своих законных пятнадцати лет,
с неожиданно цепким взглядом широко постав-
ленных светло-серых глаз. Молодой человек по-
медлил, словно раздумывая, и, приняв решение,
коротко кивнул:

— Поехали, Базенте. Кстати, сколько займет
дорога?

— Давай, трогай! — выкрик месьора Базенте
предназначался возницам фургонов и погонщи-
кам скота, принц же Аквилонии получил раз-
вернутый и точный ответ: — Сначала лигу с чет-
вертью до поворота, где мы расстанемся с кара-
ваном. Они идут в Токлау — поселок, что вы-
строен неподалеку специально для торговли ме-
жду людьми и местными жителями. Мы свернем
к Полудню и будем подниматься вверх по хол-
мам. Лиги через три-четыре доберемся до боль-
шого луга. Там нас обещали встретить.

Конни рассеянно кивнул. Собственно, он еще
в Орволане выяснил, какой путь им предстоит,
но задал вопрос в надежде слегка потянуть вре-
мя. Отвлеченные рассуждения о поездке в Раби-
рийские холмы и действительное нахождение
там представляли собой две большие разницы.
Даже здесь, вблизи от людских поселений, некая
сила вынуждала пришлецов с другого берега ре-

ки внимательно озираться по сторонам, а лоша-
дей — опасливо прижимать уши и боязливо при-
нюхиваться к окружающим запахам.

Проселочный тракт, впрочем, ничем не отли-
чался от тысяч иных больших и малых путей,
рассекающих просторы Восходных или Закатных
стран. На обочине точно также росли кустики
лилового дрока и раскачивались под ветром бе-
лые соцветия тысячелистника, а в кустах пере-
свистывались птицы. От этой обыденности тре-
вога постепенно исчезала, сменяясь осторожным
любопытством, ибо молодость не в состоянии
подолгу испытывать страх перед неизведанным.

Полуобернувшись, наследник короны спросил
у ехавшей чуть позади и слева Айлаэ:

— Ты сама-то здесь бывала?

— Всего дважды, — откликнулась девушка. —
Когда я была совсем маленькой, матушка при-
везла меня показать сородичам, чтобы те дали
мне надлежащее имя. Потом навещала Рабиры
вместе с отцом — это случилось лет шесть назад.
Ему требовался совет в разрешении какой-то ма-
гической загадки. Как мы попадали сюда в пер-
вый раз — не помню. Во второй — ехали через
Мессантию, потом долго поднимались в холмы,
пока не уткнулись в... — она защелкала пальца-
ми, выбирая нужное слово. — У волшебников
это называют «незримой преградой». Вроде той
стены, что ограждает земли Ямурлака в Верхней
Боссонии. Пришлось ждать дня два, пока нам не
разрешили пересечь Границу. Только не рассчи-
тывай, что я красочно поведаю тебе о рабирий-

ских чудесах, — с грустной полуулыбкой добавила она. — Мы поселились на самом обычном хуторе, отец с поллуны отсутствовал, а я дожидалась его возвращения. Он приехал, привез с собой десяток книг, и мы вернулись в Мессантию. Коротко и незамысловато.

— Разве госпожа Фриерра не навещает родственников? — полюбопытствовал Коннахар.

— Она вышла замуж за человека и предпочитает жить среди людей, — коротко проговорила Айлз, давая понять, что обсуждение жизни ее семейства ей не слишком приятно.

— А про эту призрачную стену ты что-нибудь знаешь? — не отставал Конни. — Как думаешь, тут мы тоже на нее наткнемся?

— Наверняка, — согласилась рабирийка. — Завеса окружает Холмы и хранит их от посторонних вторжений. Отец упоминал, будто внутри ее пределов само время замедляет свой бег, но я не поняла — говорил он всерьез или просто вспоминал какое-нибудь предание.

— Между прочим, именно незримые стены так бесславно сгубили далеко идущие замыслы короля Файдита, — во всеуслышание заявила Меллис Юсдаль.

— Почему? То есть каким образом?

— Очень просто, — Меллис высокомерно тряхнула золотисто-рыжей косой. — Итак, 645 год по основанию Аквилонии. Файдит IV из Сьертийской династии собирает довольно крупное войско из баронских дружин и наемных во-
як. Они бодрым маршем устремляются к преде-

лам Рабирийских холмов, ведомые намерением забрать сии обширные земли под руку Кордавы. Минует луна, две, три. О короле — ни слуху, ни духу. Дворянство и народ беспокоятся, власть захватывает правитель Бургота, и вспыхивает война, известная как Тяжба за Зингарское наследство. Когда страсти улеглись, королевские дознаватели попытались выяснить, в какую бездонную яму канули Файдит и его армия. Они, если всречь хроникам, не нашли ничего — ни останков погибших, ни живых свидетелей.

— Так что же с ними случилось? — встрял Эвье Коррент.

— Думаю, они не сумели найти то, что искали. Добрались до Холмов и наткнулись на колдовскую преграду, на чем их поход благополучно завершился. Они бродили по округе, возвращаясь на одно и то же место, пока наемной гвардии не надоело и она не разбежалась в поисках лучшей доли. Судьбу Файдита и его соотечественников придумывайте сами. Я полагаю, бароны тишком отделались от короля, но возвращаться с такими известиями в Кордаву им показалось зазорным. Они последовали примеру наемников. Вот почему из похода Файдита якобы не вернулся ни один человек.

Неспешно двигавшиеся впереди повозки с товарами свернули направо, повинаясь изгибу дороги, а месьор Базенте, напротив, отогнал коня левее, ожидая, пока с ним поравняется кавалькада, сопровождавшая принца Аквилонии.

— Вот это место, — невозмутимо сообщил он.

— А вон стоит знак, что отсюда начинается земля гулей и людям здесь бродить небезопасно.

Указанный знак возвышался на каменистом склоне холма и с первого взгляда смахивал на очень старое дерево с диковинно переплетенными ветвями. Вглядевшись пристальнее, вы начинали замечать, что сплетения веток вроде бы образуют некий рисунок, но уловить его смысл никак не могли, в лучшем случае натываясь на отдельные несвязанные части. Ротан Юсдаль, скажем, клялся, что различает вроде бы языки пламени, его сестре казалось, будто она разглядела силуэт скачущей лошади, Эвье твердил, что перед созерцателями не более чем удивительная игра природы. Обратились за подсказкой к местной уроженке Айлэ, та сокрушенно развела руками и помочь ничем не смогла. Базенте же никогда не приходило в голову пристально разглядывать знак, он просто имел в виду, что у поворота стоит приметное дерево.

— Это олень, прыгающий через кольцо из огненных языков, — произнес голос, заметно растягивающий слова. — Его голова повернута влево, неужели не видите?

Плетшийся в хвосте кортсжа и мечтательно глазевший по сторонам Лиессин Майлдаф опять где-то замешкался, но загадку странного дерева разрешил с первого взгляда. Странное дело, стоило ему только показать на приметные части древесной скульптуры, те сразу стали выпуклыми и осязаемыми, поразив спорщиков — как они могли не разглядеть этого раньше? Из бесфор-

менного переплетения выступили четкие очертания корпуса животного, вскинутые в прыжке тонкие передние ноги и корона тяжелых рогов.

— Как такое сделано? — восхитилась Меллис, подъехав ближе и привстав на стременах, чтобы потрогать сохранившуюся шершавую кору ствола. — Это не вырублено, это именно выращено из живого дерева!

— Однажды я видел в Нордхейме схожую штуку, — рассеянно припомнил Лью. — Тамашние жители рассказывают, будто такие деревья создавали альбы. Изгибали ветви в нужную сторону и оставляли расти в таком положении. Спешить альбам было некуда, вот за столетия у них и получалась статуя. Нордхеймская изображала всадника, только сохранилась намного хуже — ее здорово потрепало временем.

От подножия холма с удивительным деревом начиналась некогда довольно широкая, но в последнее время заброшенная тропа. Она вела на Полдень, карабкаясь вверх по пологим склонам холмов, мимо зарослей необычно густого орешника и рощиц высоких красных сосен. Лес по обе стороны тропы выглядел старательно ухоженным, вроде охотничьих угодий короны в Руазеле или вблизи Ларвика, но каким-то настоженным, опустевшим и притаившимся. Пару раз путешественники вспугивали прыжками уносившихся в чащу ланей, и Конни никак не мог отделаться от впечатления, будто за маленьким отрядом неустанно наблюдают. Слово кто-то шел за ними вдоль тропы, пристально следя за

каждым движением и прислушиваясь к разговорам.

«Интересно, кто нас встретит? — в очередной раз спросил себя молодой человек. — Пуантенец наверняка предупредил местных, что к ним вскоре наведаются гости из Аквилонии. Вряд ли нас удостоит вниманием местный правитель, но какой-нибудь здешний наместник обязательно захочет взглянуть, кто разъезжает по его землям. Вот ему и придется дальше справляться с поручением Золотого Леопарда».

«Поручение» герцога Пуантена — два или три пергаментных пакета, для надежности пропну-рованных толстыми нитями — спокойно лежало в подседельной сумке, ожидая, когда его извлекут на свет.

Письма Конни вручили сегодняшним утром, сопроводив их дружеской просьбой отдать тому, кто будет встречать кортеж наследника трона. На вопрос, каково содержание дещей, Просперо небрежно отмахнулся — обычной перепи-ска, касающаяся торговых дел, но желательно по-скорее доставить ее в Рабиры.

* * *

Становившаяся все незаметней тропа вска-рабкалась на вершину очередного холма и окон-чательно пропала, растворившись в густой луго-вой траве. Внизу начиналась широкая вытяну-тая долина, наискось прорезанная извилистым руслом ручья. Месьор Базенте, выполнявший

должность проводника, остановил лошадь, и, указав в сторону долины, проговорил:

— Обычно переговоры устраиваются здесь.

Справа от Конни словно бы из-под земли вы-рос нахмурившийся полусотник Майдельт, за-правлявший охраной принца, и вполголоса дело-вито сообщил:

— На той стороне долины — всадники. Около десяти человек, оружные, под знаменем.

В подтверждение его слов над деревьями взлетело протяжное и мелодичное гудение охот-ничьего рожка. Ему незамедлительно отклик-нулся второй, третий... Скрывавшийся доселе за деревьями отряд медленным шагом выезжал на луг, вытягиваясь цепочкой. Головной всадник в самом деле вез штандарт на длинном древке, упирающемся в стремя. Ослепительными звез-дочками мелькало серебряное шитье, но разгля-деть изображенные символы не позволяла даль-ность расстояния.

Конни оглянулся на своих попутчиков, запо-здало понимая: возможность управлять события-ми давно потеряна, их несет прихотливое тече-ние судьбы. Остается положиться на собственное везение, держать голову высоко поднятой и по возможности тщательно обдумывать каждое сло-во. Он стремился попасть в Рабиры и добился своего.

Убраться бы теперь отсюда живыми и невре-димыми...

Легкомысленная болтовня утихла — сопро-вождавшая наследника короны Аквилонии моло-

дежь помнила о своем долге и о том, как надлежит действовать в случае, если события примут скверный оборот. Обе девушки и бесполезный в возможной схватке месьор Делле оказались в кольце охраны, а Ротан и Эвье заняли места чуть позади Конни.

— Слышите ли вы скрежет поворачивающихся жерновов истории и яростный скрип перьев хронистов? — с язвительным смешком спросил Коррент-младший. — Впервые за нескитанные столетия отпрыск правящего дома Аквилонии посещает Рабирийское княжество... Ротан, кто в случае необходимости будет герольдом короны — ты или я?

— Лучше ты, — буркнул Ротан, вглядываясь в трепетавшее на ветру знамя. — Конни, может, в нас играет азартная кровь наших отцов, которым вечно не сиделось на месте? Тогда им придется признать — в своей тяге к авантюрам отпрыски зашли дальше. Сюда им наведаться все-таки не довелось... Ага, полотнище двучастное, слева лазурное, справа серебряное. На серебряном поле черная то ли башня, то ли крепость, а слева какой-то зверь...

— Единорог, — первым углядел Коннахар. — Золотой единорог. Интересно, мы зрим личный символ встречающего или герб страны?

Он шлепнул игриво фыркнувшего коня по щеке поводьями и поехал вниз по склону, через луг, навстречу ожидающим его таинственным созданиям. Копыта лошадей с хрустом ломали молодую, сочную траву. Страх Конни не испы-

тывал, лишь разгорающееся любопытство и опасение по недомыслию порвать тончайшие нити, только начавшие связывать загадочный край с остальным миром. Еще он пытался вспомнить, кто, согласно этикету, владеет правом первого слова — гость или хозяева?

Сложный вопрос разрешился сам собою. Когда принц Аквилонии добрался до узкого ручья, один из рабирийцев заговорил, обращаясь исключительно к Конни:

— Приветствуем наших гостей. Люди не часто навещают нас, но мы постараемся, чтобы наш край не показался вам негостеприимным... Можете пересечь Границу.

С последним словом по неглубокой воде и береговым зарослям пробежала быстрая, еле заметная рябь. Воздух на мгновение колыхнулся, наполнившись сле различимыми человеческим глазом радужными искрами. Гнедой жеребец под Конни захрапел, попятился, но, набравшись духу, с чрезвычайно целеустремленным видом миновал ручей, подняв маленькое облако брызг. Других странных ощущений молодой человек не уловил, разве что мимолетное влажное прикосновение холодного ветра. Значит, так и выглядит пресловутая Незримая Стена? На первый взгляд, преодолеть ее довольно просто, но кто знает, верно ли это на самом деле? Файдит Зингарец в свое время не сумел усилить преграду, которой даже коснуться-то нельзя!

— Зовите меня Лайвел, — ровным, обманчиво-невозмутимым тоном продолжал встречаю-

ний, сопроводив речь коротким, полным сдержанного достоинства кивком. Говорил он на здешнем наречии, родившимся из смеси пуантенского с аквилонским, и в его словах звучал отчетливый гортанный акцент уроженца Полуденного Побережья. — По людским представлениям, я считаюсь управляющим здешнего края. Мне поручено сопроводить вас и ваших спутников туда, где для вас приготовлено жилье... и по мере моих скромных сил отвечать на ваши вопросы.

Последнее было добавлено после легкой заминки. Конни счел, что гулю не по душе нахальные чужаки с полуночного берега Алиманы, однако личная неприязнь не мешает Лайвелу выполнить возложенную на него обязанность.

К слову, о поручениях...

— Благодарю, — вполне искренне отозвался Коннахар, гадая, далеко ли еще придется ехать и означает ли встреча с управляющим маленькой частью Рабиров, что в недалеком будущем сюда должен пожаловать некто, кому подвластен месьор Лайвел? — У меня, кстати, есть письмо, предназначенное вам.

Послание Золотого Леопарда перешло из рук в руки. Лайвел, даже не потрудившись взглянуть на пакет или вскрыть его, сухо прищелкнул пальцами, вырвав одного из цепочки своих сопровождающих. Последовал совершенно невразумительный для гостя обмен короткими фразами, и обремененный нетяжелой ношей посланец умчался в сторону леса.

«Гм, — озадаченно произнес про себя Конни, запоздало пожимая, что стоило бы поподробнее расспросить Просперо о содержании пакетов. С другой стороны, разве есть у него основания не доверять Пуантенцу?.. — Ладно, пусть все идет своим чередом. Непоправимых ошибок мы пока не совершили, а дотошные расспросы обождут».

Сопровождающие аквилонского принца тем временем благополучно одолели ручей (пара зартачившихся лошадей и едва не свалившийся с седла мэтр Делле добавили переїправе необходимую живописность) и Майдель яростной жестикуляцией разместил подчиненных и подопечных в надлежащем соотношении. Снова пропели низкие голоса рожков, и кавалькада двинулась в путь — напрямую, через холмы, по сухой песчаной почве, затянутой сетью густого зелено-серебристого мха.

Первую четверть лиги приезжие откровенно глазели по сторонам и украдкой косились на сопровождающий эскорт, наверняка выискивая не раз описанные в страшных летописях признаки рода кровопийц и заранес догадываясь, что ничего подобного не увидят. О каких легендах может идти речь, если прямо сейчас грубейшим образом попиралась главная из них, утверждавшая, будто гули не переносят солнечного света? Отряд то и дело пересекал обширные поляны, исчерченные полосами света и тени, но для обитателей Рабиров, похоже, это не имело ни малейшего значения.

Мысленно Конни сравнил нынешних попут-

чиков с теми рабирийцами, которых он знал — Айлэ, ее матушкой Меланталь, Рейениром да Кадена из Кордавы и его знакомыми, изредка бывавшим по делам в Тарантийском дворце. Единые черты прослеживались вполне отчетливо: невысокий рост, впечатление хрупкого сложения, быстрые, порой нарочито резкие движения. Кажущиеся для непривычного человеческого взгляда поначалу чрезмерно красивыми лица со слегка вытянутыми к вискам глазами, узкими губами и бледной до матовости кожей. В Тарантии даже завистники признавали: Айлэ Монброн пусть своеобразно, но удивительно хороша собой. Что, коли здесь она считается обычной простушкой? Тогда мужской части кортежа наследника Аквилонии угрожает нешуточная опасность...

К облегчению Конни, настороженно-вежливое молчание, туманным облаком висевшее между приезжими и хозяевами, начинало рассеиваться. Благодарить за услугу следовало Лиессина Майлдафа, без усталости трепавшего языком и постепенно умудрившегося втянуть в разговор как людей, так и рабирийцев. Даже казавшийся бесстрастным и сосредоточенным только на выполнении доверенного ему дела месьор Лайвел в пол-уха прислушивался к долетавшей сзади довольно оживленной беседе. Самому Коннахару разговаривать не хотелось, но стремление выглядеть в глазах местных обитателей вежливым одержало верх и молодой человек поинтересовался значением символов, украшавших лазурное с серебром знамя Рабириров.

Вопрос угодил в точку, ибо месьор Лайвел, как вскоре выяснилось, принадлежал к распространенному во всех землях Восхода и Заката племени дотошных ревнителей геральдических уложений и традиций. Конни терпеливо внимал, порой опущая в голове легкий звон, и в такие моменты встречаясь взглядом с ехавшей слева Айлэ, ловя ее безмолвное сочувствие. На редкость вовремя оказавшиеся поблизости брат и сестра Юсдали в положенных местах восхищались, удивлялись и задавали нужные вопросы. Речь зашла о предположительном единстве изображенной на стяге башни с образом легендарной Полуночной Цитадели, оживившаяся Меллис явно готовилась блеснуть познаниями в древней истории...

Распадок между двумя холмами, по которому следовал кортеж, раздвинулся в стороны и завершился длинным песчаным откосом. Впереди лежало маленькое озерцо, напоминавшее очертаниями заостренный наконечник стрелы. Поблескивающую сизоватую воду испещряли желтые цветы и зеленые листья множества кувшинок. Справа, на плавно изогнувшемся склоне, пристроилась крепкая хижина из сосновых бревен, напоминавшая уединенный охотничий домик и, скорее всего, таковым и являвшаяся. На почтительном удалении скопился пяток добротного вида строений — надо полагать, конюшни, птичники и иное вспомогательное хозяйство. Ближе к берегу выстроились разноцветные походные шатры. Между домиком, шатрами и службами

поспешно бегали людские фигурки, заканчивая приготовления к грядущему приезду гостей.

Над маленьким поселением часто и весело зазвенел колокол. Суэта вспыхнула с удвоенной силой, как это всегда бывает, когда в последний миг вспоминают о чем-то крайне важном и до сих пор не сделанном.

— Озеро Рунель, — пояснил месьор Лайвел, и, как показалось Конни, украдкой с облегчением перевел дух. — Надеюсь, Ваше высочество понимает всю затруднительность нашего положения... и не сочтет зазорным для себя провести несколько дней под крышей этого жилища?

— Разве у вас нет больших поселений? — с невинным видом спросил Коннахар, отлично понимая — еще не настал день, когда рабирийцы станут без опаски рассказывать о своих городах или мостить тракт к воротам своей столицы. — Что ж, мой отец часто рассуждал о несомненной пользе жизни на лоне природы...

Кто-то из свитских принца сдавленно фыркнул — кажется, неугомонный Ротан.

* * *

Когда кортеж, пытаясь соблюсти необходимую торжественность, въехал в поселок над озером, царившая там суматоха улеглась. Прислуга исчезла, затаившись и не смея показываться чужакам из Аквилонии на глаза. Единственное замешкавшееся существо обреталось подле охотничьего домика и при виде приближающейся

кавалькады опромостью скрылось за дверью, так что никто не успел его толком разглядеть. Должно быть, готовилась некая церемония встречи редких в Рабирах гостей из людского мира, но пока Конни толком не понял, в чем она состояла. Можно приехавшим спешиться или требуется обождать? Может, состоится гуляние с песнями и танцами в народном духе?

«Или сейчас отовсюду выскочат очень разъяренные гули, и мы успеем только пискнуть на прощание...»

Низкая дверь охотничьего домика распахнулась. По трем ступенькам крыльца чинно спустилась молодая женщина в узком синем платье, скроенном на аргосский манер. Девушка несла деревянное блюдо, уставленное доброй дюжиной маленьких серебряных чаш в виде различных лесных растений, и от напряжения даже прикусила губу. Выглядела незнакомка самым настоящим человеком, уроженкой какой-нибудь страны на Полуденном Побережье.

Зато выпорхнувшее следом за ней создание уж точно появилось на свет здесь, в Рабирийских холмах. Невысокая, поразительно изящная женщина слетела вниз, взмахнув многочисленными складками одеяния в ярко-алых и бежевых тонах, шепнула что-то на ухо девушке в голубом, отчего та прыснула, и бесстрашно направилась к всадникам.

Поравнявшись с Коннахаром, женщина какое-то время разглядывала его светло-кариими, медового цвета глазами, лишенными малейших

признаков возраста. Конни мимолетно удивился, зачем рабирийка носит на голове пронзительно-яркий оранжевый платок, целиком скрывающий ее волосы.

Незнакомка протянула руку, взяв со спешно подставленного блюда одну из чаш, и на совершенно правильном аквилонском произнесла:

— Выпьешь — останешься в нашем доме на ночь и будешь долгожданным гостем. Откажешься — Лайвел со всем почетом проводит тебя обратно к Границе... и ты не узнаешь ни одного ответа на свои загадки. Ради знаний всегда стоит рискнуть, как я полагаю.

В кубке, похожем на тронутый сверкающим налетом росы бутон колокольчика, плескалась полупрозрачная зеленоватая жидкость, отдававшая слабым горьковатым запахом. Молодой человек украдкой покосился по сторонам — девушка-человек обходила его сопровождающих, вручая каждому по схожей чаше. Рабирийка в алом удерживала жеребца принца под уздцы и терпеливо ждала, иронически поблескивая зрачками цвета старого янтаря. Похоже, ей было не впервой встречаться с людьми. Она ничуть не боялась, наоборот, происходившее ее чрезвычайно забавляло.

«Не отравят же нас, в самом-то деле! Наверняка это какое-нибудь местное вино или настойка на травах. Хватит тянуть, пей!»

Спустя миг Коннахар понял две вещи. Первое — коварные гули поднесли ему самого настоящего жидкого огня. Второе — он не протя-

нет достаточно долго, чтобы суметь осознать свою ошибку и дать клятву никогда более не принимать из рук незнакомых (пусть и прекрасных!..) дам подозрительных угощений. Во рту жгло так, что на глазах выступили слезы, горло перехватило долгим приступом судорожного кашля. Забеспокоившийся конь затоптался на месте, вынудив Конни жестом утешающего впитаться в высокую луку седла, мелкими глотками хватая воздух в надежде не опозорить честь короны Аквилонии и не извергнуть подношение наружу.

На фоне сдавленных хрипов и неразборчивых проклятий отчетливо прозвучал восхищенный голос, принадлежавший месьёру Делле:

— Клянусь всеми демонами Нижних Сфер! Удивительный, невероятный вкус! Бальзам небожителей!

Заявление озадачило даже насмешливую желтоглазую рабирийку — во всяком случае, Коннахар сквозь вскипевшие слезы углядел изумленное выражение ее лица. Ариен тем временем в полном восторге продолжал, обнюхивая опустевший кубок, словно породистая гончая, взявшая теплый след, и жмурясь от удовольствия:

— Определенно можжевельная тинктура на крепком вине, разумеется, мед и смородиновые почки... добавим несомненный оттенок толченых орехов лепнины золотистой и аромат молотых листьев пандры крапчатой... Но это божественное освежающее послевкусие! Неужто серебряная полынь? Весьма, весьма оригинально! Возгонка двойная? На умягченной родниковой воде,

разумеется? Почтенная госпожа! — мешковато свесившись вниз, ученый муж изловил за плечо девушку в синем, деловито собиравшую чаши: — Не будет ли сочтена чрезмерной дерзостью с моей стороны попытка разузнать подробнее об инградиенциях сего дивного напитка?

Брови незнакомки взлетели к линии гладко зачесанных назад темно-каштановых волос, и остались пребывать в этом положении. А тут еще прокашлявшийся и осознавший свое присутствие в мире Лиессин Майлдаф бодро потребовал:

— Милая девица, можно еще кружечку?.. Мэтр Делле, ежели добудете описание, имейте в виду — я его покупаю. За любую цену!

Конни неуклюже вывалился из седла и только чудом удержался на ногах, пытаясь одновременно выругать не в меру склонных к горячительным напиткам приятелей, поклониться откровенно смеявшейся рабирийке и велеть Майдельту поворачивать обратно, в Пуантен. Стоявший неподалеку Лайвел вкупе со своими соотечественниками взирал на творившееся безобразие с легким презрением.

— Добро пожаловать в Рабиры, Ваше высочество, — женщина ловко подхватила Коннахара под руку, как хозяйка замка — прибывшего дорогого гостя, и через его плечо распорядилась: — Джелья, созывай остальных. Мой дорогой Лайвел... ты знаешь, что надлежит делать. Кстати, — она повернулась к плохо соображавшему принцу Аквилонии, — я зовусь Солльхин. И не стоит понапрасну тревожиться — действие на-

питка скоро закончится, не оставив по себе никаких последствий. От него просто лучше думается и усталость проходит куда быстрее.

Следующая четверть колокола напрочь улетучилась из разума Конни. Осознал он себя восседающим на ступеньках охотничьего домика и задумчиво глазеющим на волны мелкой ряби, пробегающие по глади озера. Шатровый городок теперь напоминал оживленный походный лагерь: какие-то люди с деловитым видом перетаскивали сундуки, разводили по конюшням лошадей новоприбывших, катили бочонки и накрывали стол под большим круглым тентом.

Из-за угла дома вышла женщина. После некоторого размышления Коннахар признал девушку, помогавшую даме Солльхин встречать гостей из Пуантена. Незнакомка присела в глубоком поклоне, доказывающем что она не понаслышке знакома с правилами хорошего тона, и представилась:

— Джелья Дезирата, к вашим услугам. Меня прислала госпожа Солльхин — узнать, как вы себя чувствуете.

— Неплохо для человека, которого пытались извести редкостным ядом, — не слишком любезно буркнул принц. — А где?..

— Часть вашей свиты разбирает багаж, часть отправилась знакомиться с окрестностями, — угадала невысказанный до конца вопрос Джелья. — Хотите кого-нибудь видеть? Я позову.

— Пока нет, — Конни зажмурился и помотал головой, окончательно приходя в себя. — Скажи

лучше... Расспрашивая тебя, я не нарушаю никаких местных законов?

— Ни единого, — Джелья Дезирата еле заметно улыбнулась. — Вы и ваши спутники можете вести со здешними жителями, то есть нами, беседы на любые интересующие вас темы. Однако не стоит беспокоиться — те двое, ученый месьор и молодой человек с клетчатым шарфом, вряд ли узнают состав поразившего их воображение настоя. Его изготавливает лично Солльхин, а она своими тайнами ни с кем не делится.

— И на том спасибо, — Коннахар с ужасом представил, как предприимчивые земляки Льюо разливают по кувшинам и бутылкам зеленоватую жидкость, дабы затем начать повсеместную распродажу в городах Заката и Восхода. — Эту парочку зовут Ариен Делле и Лиессин Майлдаф. Первый родом из Тарантии, второй — из Темры. Есть в Полуночной Аквилонии такая маленькая захудалая провинция... Могу я узнать, какими судьбами очаровательная человеческая девица оказалась в землях гулей?

— Я из Бальтеи, что на побережье Аргоса. Приехала сюда учиться, — невозмутимо растолковала Джелья и двумя пальцами приподняла за цепочку висевший у нее на шее маленький блестящий медальон. Вглядевшись, молодой человек увидел отчеканенное на серебре изображение раскрытой книги, под которой вытянулся сломанный на две половинки длинный меч. — Я здесь не одна такая. В этом лагере истинных рабирийцев почти нет, только люди — ученики

магической школы, которые на лето не возвращаются домой. Когда пришла весточка, что требуется помощь, дабы встретить высоких гостей, мы немедленно перебрались сюда, на Рунель.

— Магическая школа, — озадаченно повторил Конни, пробуя слова на вкус. — То есть ты — будущая волшебница? И много вас таких?

— У меня не обнаружилось больших способностей к волшебству. Я готовлюсь стать целительницей, — девушка одернула складки узкого платья. — Что же до числа учеников, то я затрудняюсь его назвать. Кто-то приходит, кто-то уезжает, кто-то постоянно живет в холмах... В нынешнем году набралось около полусотни человек — с Полуденного Побережья, из Немедии, из стран Восхода.

— А кто вас обучает? Мне бы хотелось побеседовать с этим мудрецом.

— Сейчас его нет в Рабирах, — с явным сожалением сказала Джелья Дезирата и, прищурившись, взглянула на узкую полосу берега, где неторопливо вышагивали два человека. — Он уехал навестить друзей в Кордаве... Что ж, насколько я могу судить, вашему здоровью и рассудку ничего не угрожает. Вдобавок сюда идут ваши верные подданные.

Девушка оглянулась и неожиданно быстрым шепотом добавила:

— Месьор Коннахар, не считите за мои слова за попытку лишний раз напугать вас. Разговаривая с госпожой Солльхин, пожалуйста... будь осторожнее.

— В каком смысле? — тоже вполголоса уточнил Конни.

Джелья не то в отчаянье, не то в раздражении всплеснула руками:

— Главное, не проси ее рассказать о минувших временах. Если она начнет интересоваться делами Аквилонии или других стран Заката, говори поменьше. Постарайтесь ее ничем не огорчать. Госпожа Солльхин так легко расстраивается, а ей ни в коем случае нельзя этого делать! Иначе она... она может совершить что-нибудь, о чем впоследствии будет глубоко сожалеть.

— Хорошо, — пообещал молодой человек. Желтоглазая рабирийка, должно быть, многое повидала на своем веку, и не все ее воспоминания заслуживали названия радостных.

Госпожа Дезирата из Бальтеи удалилась, наворачивая всей спиной ощущая крайне заинтересованные взгляды, принадлежавшие Ротану Юсдаю и Лиессину.

— Очень мила, — высказался Ротан. — Не пойму, что подобная красotka делает во владениях ужасных рабирийских кровопийц? Может, они держат ее в плену? Тогда, как положено доблестным рыцарям, мы могли бы ее спасти... со всеми вытекающими последствиями.

— Она здесь учится колдовству, — жёлко сообщил Конни. — Имей в виду, коли ей не понравятся твои манеры, она без труда превратит тебя в бессловесную вещь, полезную в хозяйстве. Рад, что вы наконец вспомнили обо мне.

— Ни на миг не забывали! — возмутился Юс-

дадь-младший. — Просто хотели сперва познакомиться со здешними обитателями и разузнать, что нас ожидает. То есть уточнить, под каким соусом нас будут подавать на торжественном обеде. Делами в поселке заправляет женщина-гуль по имени Солльхин...

— А окрестные леса вполне обычные и в лагере полно самых обыкновенных людей, — добавил Лью. — Заносчивый тип, что встречал нас на лугу, куда-то ускакал, прихватив свою свиту... Похоже, нас опять бросили на произвол судьбы.

— Где Айлэ? — Коннахар с величайшей неохотой поднялся с уютного крыльца, нагретого солнечными лучами.

— Баронетта сидит на берегу озера и мечтательно бросает камешки в воду, — с готовностью доложил Ротан. — Наверное, ей взгрустнулось без твоего общества.

Молодые люди зашагали по склону, направляясь к пестрым шатрам и длинному дощатому столу под расшитой холщовой скатертью. Им и в голову не пришло оглядываться, иначе они смогли бы краем глаза заметить быстрый силуэт, метнувшийся к густым зарослям, тянувшимся вдоль озерного берега. Впрочем, это вполне могло быть обманом зрения, вызванным движениями теней от раскачивавшихся деревьев.

Глава вторая

Знак

*17 день Первой летней луны.
Раннее утро.*

Дохотничий домик, предоставленный гостям из Аквилонии, ничем не отличался от множества подобных строений. Две большие полутемные комнаты — одну заняли гвардейцы Майдельта, другая походила на обеденный зал в замке небогатого захолустного барона, с неизменными рогами оленей и косуль по стенам и угрожающе массивными стропилами. В доме имелось множество укромных клетушек и пустовавших кладовок, а также узкая лестница, уводившая наверх, к чердачному помещению.

Там, как выяснилось, скрывалось самое интересное.

Под самой крышей таилась маленькая, чрезвычайно уютная комнатка, обшитая резными

панелями из светлого бука. Главное место в этом убежище занимала широкая приземистая кровать, в живописном беспорядке накрытая одеялами из пестрых лоскутков. Возле нее утвердился сундук с латунной фигуркой аквилонского льва на крышке, после чего жилище сочли вполне подходящим для краткого проживания наследника короны. Вот только крутая лестница отчаянно скрипела, предупреждая о любом желании заглянуть в гости.

Над поселком занимался день, в доме царило полнейшее спокойствие, и Конни сквозь полудрему вспоминал минувший вечер, знакомства, бесконечные расспросы и даму Солльхин, сказавшую на прощание... Что же она говорила? Точно, желтоглазая рабирийка предупредила — к середине дня к озеру Рунель явится здешний правитель. Глянуть на незваных визитеров из мира людей, надо полагать.

Однако у некоего Коннахара Канаха по молодости лет и неразумности в одно ухо влетело, в другое вылетело. Как зовут местного короля? Или он титулуется на какой-нибудь иной манер?

— Айлэ, — не открывая глаз, Конни пошарил вокруг рукой, пока не наткнулся на нечто теплое и шелковистое. — Напомни, кто правит Рабирами?

— Самое подходящее время для политических изысканий, — сонно откликнулась девушка. — Меня уверяли, будто к королевским фавориткам проявляют больше уважения. Их не будят в

несусветную рань, чтобы спросить какую-нибудь глупость...

— Я пока еще не король, — здраво напомнил молодой человек. — Вовсе это не глупость, а крайне важная вещь. Мне через три или четыре колокола с встречаться со здешним государем, но я забыл его имя!

— Драго, Князь Забытых Лесов — так называет его моя магушка, — судя по шелесту отброшенных одеял, рабирийка уселась на постели... и внезапно с силой затрясла Конни за плечо. — Ой! Проснись! Только посмотри на это!

— А? — рассеянно переспросил наследник трона Льва, поднимая голову и натыкаясь взглядом на отвратительного вида красное пятно, неведомо откуда появившееся прямо над изголовьем кровати, выполненным в виде распахнутых лебединых крыльев.

Очертаниями тускловатого поблескивающего пятно напоминало человеческую ладонь с растопыренными пальцами, щедро вымазанную густой темно-багровой краской и со всего размаху прижатую к светлому дереву.

Под отпечатком красовалась бахрома из ниточек липких потеков, напоминавшая не то паутину, не то сложный рунический знак. Мелкие алые капельки виднелись и на резном изголовье, с десятков упало на подушки. Айлэ брезгливо дотронулась кончиком мизинца до края пятна, сразу же отдернув руку и оставив на оттиске легкий размазанный след.

— Экая дрянь, — пробормотал Конни, как бы

невзначай отодвигаясь подальше. — По-моему, вчера его не было... или было? Что за гадость?

— Кровь, — твердо заявила девушка. — Кому-нибудь вздумалось пошутить? Раз мы в стране вампиров, отчего бы не изобразить на стене кровавую руку? Коли это шутка, то мрачная и неумная. К тому же я бы наверняка услышала, если б кто-то вздумал подняться по нашей певучей лесенке. У меня очень чуткий слух, это наследственное, от мамы. Разве только...

— Дайте мне этого шутника, я ему устрою... — угрожающе посулил Коннахар, поспешно одеваясь и разыскивая завалившийся неведомо куда правый сапог. — Зря мы рискнули по второму разу попробовать местную отраву на сорока травах. После нее спишь, как убитый. А все Делле — божественный вкус, несравненный аромат! Как бы сей остроумный замысел и не родился в его голове...

Айлэ Монброн еще раз взглянула на начавший подсыхать знак, с откровенным вызовом распластавшийся по гладкой, медового цвета панели. Судя по выражению лица, рабирийка лихорадочно перерывала свою память, точно шкаф с книгами, однако нужный ответ под руку не попадался.

Мирная утренняя типина оказалась сущим обманом. Спустившись вниз, Конни застал таинственную картину — полусотник Майдельт с непривычным для него обескураженным видом пылился на крыльцо домика в три ступеньки, по доскам коего деловито елозила мокрой тряпкой

незнакомая девица-человек, крепкого сложения, простоволосая и в несвежем белом фартуке. Поодаль на бревнах расположилась неразлучная парочка, Эвье Коррент и Ротан Юсдаль. Молодые люди вполголоса препирались между собой и заодно с коротко огрызавшимся Майдельтом. Завидев принца, Эвье и Ротан поднялись на ноги, но спорить не перестали. Девушка выжала тряпку, поклонилась и быстро удалилась, захватив с собой жестяное ведро, полное мутной воды.

Крыльцо после ее трудов выглядело довольно чистым, если не считать россыпи едва заметных красноватых пятен, въевшихся в дерево.

— Что стряслось? — спросил Коннахар, махнув рукой в знак того, что можно обойтись без положенного церемонного расшаркивания и прочих изъявлений верноподданности. — Я имею в виду, стряслось помимо того, что кто-то испоганил нашу... мою комнату? Здесь и сейчас подобные шутки крайне неуместны. Итак, кто?..

Ротан, Коррент-младший и Майдельт вопросительно переглянулись.

— Там на стене красуется отпечаток окровавленной ладони, — пояснил Конни. Вкрадчиво метнувшийся вдоль спины подозрительный холодок уведомил его, что друзья и свитские, похоже, не имеют к странному розыгрышу никакого отношения.

Гвардеец, не произнеся ни слова, с наивозможнейшей вежливостью оттеснил Коннахара с Айлэ в сторону и загромыхал вверх по лестнице.

— Никто к тебе не входил, — удивленно по-

жал плечами Эвье. — Я лично проводил госпожу Солльхин, когда вы закончили беседы касательно грядущей встречи с местным правителем. Ты и баронетта Монброн поднялись наверх. Это было... — он задумался, — около второго послеполуденного колокола. Я устроился на сундуке в той конуре, что смахивает на комнату для приемов. Возле лестницы торчали двое стражников. Они бы никого не пропустили, не уведомив сперва тебя.

— Мы как раз собирались это сделать, — подхватил Ротан. — Видишь ли, ночью произошли еще кое-какие странности. Во-первых, лужа на крыльце...

— Какая лужа? — быстро спросила Айлэ.

— Мне кажется, кровавая, — после некоторой заминки выговорил Юсдаль-младший. — Еле-еле успели отскрести. Во-вторых, из конюшни исчезли наши лошади. Нет, не все поголовно. Жеребец Майдельта, заводная кобыла Лью и два коня, принадлежавших гвардейцам.

— Так, — по возможности решительно провозгласил Конни, хотя никакой решительности не ощущал. Скорее, недоумение и растерянность. Вчера хозяева вели себя по отношению к гостям просто безукоризненно, а подозревать ту же госпожу Солльхин в тайных кознях против аквилонцев... Нелепо и бессмысленно. Однако нельзя не признать: кто-то побывал в комнате на чердаке. Некто, без труда миновавший бдеших ночь напролет охранников и не оставивший по себе никакого следа.

Преданиях о существах, способных обратиться полоской тумана или летучей мышью, возникли ведь не на пустом месте...

Вернулся Майдельт, на чьем лице недоумение мешалось с бессильной яростью. Старого служаку несложно было понять: от всей отборной охранной полусотни толку оказалось меньше, чем от воробьиного хвоста.

— Хотурр! — рявкнул он в глубину дома всю немалую мощь своих командирских легких. — Поганцев, которые несли стражу в ночное время, ко мне немедленно! Прочим подъем, боевая тревога!

— Мне уже все известно, Майдельт, — начал Конни. Синеватый от злости полусотник хмуро посмотрел на него. — О том, что пропали лошади...

— Простите, ваше высочество, — решительно перебил гвардеец, пренебрегая этикетом. — На лошадей мне свысока плевать, еще раз прощения прошу на грубом слове. Хоть мой Огонек и обошелся мне в пятьдесят солидов, его потерю я как-нибудь переживу. А вот то, что какой-то мерзавец безнаказанно проник в опочивальню к наследнику престола, и мои люди бездарно проворонили... Позор, неслыханный позор на мою седую голову! Хотурр!

Из недр домика один за другим выскакивали гвардейцы в полном боевом снаряжении. Стоявшей на крыльце компании пришлось посторожиться. Засуетились и обитатели поселка. Двор заполняли зрители из числа обслуги, среди них

Конни заприметил давешнюю девицу в фартуке, тащившую очередное ведро. Кто-то уже бежал в стоящий несколько на отшибе шатер, где обитала желтоглазая рабирийка, намереваясь оповестить госпожу Солльхин о случившихся бедствиях. Появились Меллис Юсдаль с неизменным Ларберой и кое-как одетый мэтр Делле с заспанной физиономией. Хотурр, старший десятник и заместитель Майдельта, подскочил к командиру, за ним следовали двое рослых воинов, чей безукоризненно подтянутый внешний вид никак не позволял заподозрить их в пренебрежении своими обязанностями.

— Ваше высочество, — низко поклонился Коннахару десятник. Конни показал глазами на Майдельта. Подошла девка с ведром и попыталась было проскользнуть в дом — как видно, прибраться — но начальник гвардии ухватил ее за рукав.

— Наверху пока ничего не трогай, пусть хозяйка здешняя полюбуется, может, подскажет, что за дрянь... Хотурр, возьми два десятка оружейных и пару проводников из местных. Прочешите лес вокруг лагеря на пол-лиги. Рассыпаться цепью, искать следы подков либо крови, либо конские туши, — распорядился Майдельт, покосился на Конни сотоварищи и пробурчал скорее для них, чем для десятника:

— Кто бы ни были эти собачьи конокрады, подозреваю, что ведро крови они не с собой принесли... Бедняга Огонек, быть сожранным поганым вампиром... Выполняй! — и повернулся к

двоим гвардейцам, оставшимся на месте. Голос полусотника зазвучал вполне мирно и даже ласково, но, насколько мог судить Конни, капитан его охраны стремительно близился к тому пределу, за которым лежит настоящее бешенство:

— Вы, ишаки, охраняли покои принца после второго ночного колокола. Еще два таких же бездельника стерегли конюшню. Что произошло? — два последних слова хлестнули, как кнут.

Стражники смутились так, что Ротан не удержался от ехидного смешка при виде двух могучих бойцов, виновато прячущих глаза. Один из гвардейцев что-то невнятно пробурчал.

— Не слышу! — рявкнул полусотник.

— Третий послеполуночный колокол шел, господин полусотник, или около того, — забормотал стражник чуть громче, но по-прежнему не поднимая глаз. — Никуда мы даже на чуть-чуть не отлучались, я у лестницы стоял, а Йохан снаружи, у двери...

— Ну? — поторопил Майдельт. Подчиненный смутился еще пуще, хотя, казалось бы, это невозможно.

— Йохан ко мне заглянул, ну, внутрь, значит... Не могу, говорит, снаружи... Давай, говорит, вместе выйдем, неладно что-то... А сам белый весь и меч теребит...

Полусотник недоуменно поднял бровь.

— Отчего ж тревогу не подняли? — полюбопытствовал он почти спокойно.

— Так я-то не чувствовал ничего... Еще посмеялся над ним. Старый ты, говорю, стал, не-

жить болотная по ночам мерещится. Его вроде отпустило, так, Йохан?

— Так, — подтвердил второй страж, нервно оглаживая усы.

— Он обратно пошел, а я остался. Он только створку приоткрыл, и... и...

— И что?! — не выдержал охочий до страшных историй Эвье.

— Не помню я, — с мукой в голосе выговорил гвардеец. — Хоть режьте меня, хоть повесьте на воротах! Заснули мы оба! Проснулись, когда смена настала. Хотурр меня сапогом пнул и отругал последними словами. Потом господин десятник на двор выглянул, охнул, побежал вас будить, а Йохана послал за прислугой, крыльцо замыкать.

Майдельт вроде собрался заехать рассказчику в ухо, но передумал и только задумчиво поскреб у себя в затылке.

— Нетопырь там был, — заявил вдруг молчавший доселе Йохан.

Взгляды всех без исключения присутствующих обратились к нему.

— Или не нетопырь, — продолжил гвардеец, багровый от смущения. — Крылья черные... бархатные... Я дверь открыл, а оно в дом впорхнуло. Чем-то мягким мне мазнуло по лицу...

Тут месьор Делле, с рассеянным видом следивший за допросом, громко и весьма скептически хмыкнул и заговорил нараспев ясным голосом, от которого у Конни мороз пошел по коже:

— Ночь — время их, грязь могильная — при-

бежище им, и в смерти обретают они бессмертие... Облик человеческий сохранив, сущность обретают сумеречную, и в свете луны скользят в ночи на нетопыриных крыльях... Живая кровь сынов человеческих — услада им, как для людей — вино, и владеют они в совершенстве чарами сонными, любовными и обманными... Не страшна им холодная сталь, будучи рассечены ею, возрождаются к своему подобию жизни, погибают же единственно от острого дерева и дневного света, и освященного серебра...

Меллис тихонько ойкнула и покрепче схватилась за рукав Ларберы, Эвье выругался себе под нос. Майдельт сурово осведомился: «Что за бред?» — за что удостоился укоризненного взгляда мэтра и ответа Айлэ:

— Выдержки из труда Корлагона Пустотника «Призраки Серых Равнин». Месьор Делле шутит.

— Шуточки ему, — облегченно буркнул полусотник, но тут же снова вскипел: — Шуточки! Вы, два обалдуя, просто-напросто заснули на посту, имейте, демон вас раздери, смелость в этом признаться! Болтовню о всякой нежити и черных нетопырях я не желаю даже...

— Госпожа Солльхин, — тихо и без выражения сказала Айлэ. Полусотник, как ни удивительно, немедля смолк.

* * *

Через двор к ним шла сама хозяйка имения. На сей раз госпожа Солльхин была в темно-фио-

летовом просторном платье, скупо отделанном серебром по вороту, подолу и рукавам, и подпоясанном широким вышитым поясом. Платье достигало ей до щиколоток, поэтому издали казалось, будто изящная рабирийка не идет, а плывет над землей — вроде бы не спеша, но все равно очень быстро. За ней с трудом поспевала Джелья Дезирата, одной рукой поддерживая путавшиеся под ногами длинные юбки, а другой, по неизбывной привычке уроженцев Аргоса, пытаясь яростно жестикулировать. До Коннахара долетел обрывок фразы: «На все крыльцо лужу расплескали, и наверх пробрались...», из чего следовало — нового пересказа ночных событий не требуется.

— Примите мои извинения, Ваше высочество, — с заметным усилием произнесла Солльхин, склоняясь в откровенно вымученном поклоне. — Мы немедля возместим причиненный ущерб. Обещаю, ничего подобного более не повторится.

— Да? — недоверчиво переспросил наследник Аквилонии. — По-моему, госпожа Солльхин, одних извинений и твоих заверений — в надежности которых я, безусловно, не сомневаюсь — тут недостаточно. Я хотел бы в точности узнать, каких неприятностей нам еще следует опасаться... и не лучше ли будет, если мы сегодня же удалимся из ваших земель? Понимаю, этим поступком будет разрушено то немногое, что соединяет Рабиры с прочими странами, но, к сожалению, — Конни весьма схоже изобразил разочарованный взмах рукой, коим достопочтенный месьор Тор-

реанс, глава Коронного Суда, предварял оглашение смертных приговоров, — мои венценосные родители не одобрили бы подобного риска. Думаю, нам пора собираться в дорогу. Майдельт!

Бравый гвардеец умудрился щелкнуть каблучками по мягкой земле. Ему с самого начала не нравилась авантюра с внезапной поездкой в Пуантен, и он не скрывал своего мнения. Когда же из Гайарда его милости Коннахару взбрело в голову отправиться в Рабиры, полусотник невольно стал подумывать о маленьком бунте.

И вот теперь все его худшие предчувствия оправдывались.

Сначала кто-то забирается в дом и малюет на стене кровавую гадость, а завтра доблестные стражники обнаружат холодный труп доверенного их попечению отпрыска королевской фамилии? Благодарим покорно! Домой, домой, в Тарантию, под надежную защиту стен замка. Пусть кто-нибудь другой имеет дело с рабирийскими кровопийцами!

Конни отнюдь не собирался приводить свою угрозу в исполнение, однако в глубине души честно признавал — вид отпечатка на стене его изрядно напугал, и, как следствие, разозлил. Он не мог понять, что происходит вокруг. Ариен со своими мрачными цитатами, похищенные лошади, кровь на ступеньках и разъяренный Майдельт — все это мало напоминало обещанную веселую прогулку.

Потому молодой человек почти не удивился странному обстоятельству: голоса окружающих

его людей постепенно отдалялись, став невнятным шепотом. Он отлично видел стоявшую сбоку от него Айлэ, и то, как быстро шевелятся ее губы, но не мог расслышать ни слова.

— Не делай этого, Конни, — усталый, звучащий как-то надорванно голос принадлежал госпоже Солльхин. Она стояла прямо напротив Коннахара, и тот внезапно понял, насколько рабирийка стара. — Пожалуйста, не уезжай. Постарайся понять — в Холмах есть свои давние споры и свои давно сложившиеся взгляды на мир, которые невозможно изменить за один день. Если ты уедешь, я проиграю. Ради... ради кое-каких обещаний, данных в прошлом, помоги мне.

— Не знаю, о каких обещаниях ты говоришь, — осторожно произнес наследник трона, догадываясь, что этот разговор слышен только им двоим — ему и рабирийке, и что она имеет право так поступать. — Но мне хотелось бы знать правду...

— Правду? — Солльхин еле слышно хмыкнула: — Ее только что рассказали твои стражники — какой она предстает в их понимании. Их заставили поверить, будто они видят летучую мышь. Они заснули, потому что им приказали это сделать. Кто-то поднялся наверх и оставил Знак, тем самым выдав себя. Не могу сказать, кто именно это был, но я неплохо знаю эту компанию. Они зовут себя дуэргар, недолгобливают людское племя, и именно о них повествуют страшные предания, вроде того, что приводил в пример ваш многоученый мэтр Делле. К полуд-

ню кое-кто из их числа на вполне законных основаниях явится сюда, сопровождая Драго, и тогда я потолкую с ними... потолкую как следует. Ты удовлетворен?

— Да и нет, — честно ответил Конни. — Значит, обыскивать лес в поисках украденных лошадей бесполезно?

Рабирийка вздохнула и выразительно отчеркнула тонким пальцем короткую линию.

— И нам лучше сделать вид, будто ничего не случилось?

— Решение за тобой, — уклонилась от прямого ответа госпожа Солльхин. — У тебя есть полное право выказать недовольство и покинуть холмы. Поступай, как сочтешь нужным, только...

Она не договорила. Мир снова наполнился звуками, посвистом ветра, скрипом раскачивающихся деревьев, конским ржанием и встревоженными людскими голосами. Должно быть, беседа аквилонского принца с женщиной из Рабиров длилась очень и очень недолго, ибо вокруг почти ничего не изменилось, разве что около ворот конюшни появились гвардейцы под водительством десятичника Хотурра.

«Должно быть, это и называется — проявлять мудрость в сложных жизненных обстоятельствах, — с грустью подумал Коннахар. — Или, как выразился бы отец, нельзя же упускать шанс заключить выгодную сделку? Я останусь здесь и встречу с князем Рабиров. Взамен Солльхин позаботится о наказании местных шутников и похлопочет, чтобы меня приняли как можно

лучше. Все останутся довольны. Может быть, я даже получу помощь в своих собственных замыслах».

— Майдельт, — принц Аквилонии оглянулся, наткнувшись на откровенно растерянный взгляд полусотника. Майдельт отчаянно пытался вспомнить, что происходило в течение последних десятков ударов сердца. Вроде бы ничего особенного: явилась дама Солльхин и заговорила с Коннахаром. Только о чем они толковали? — Мы остаемся, но розыски отменяются. Караульных не наказывать — они ни в чем не провинились. Это была неумная шутка... и мне бы не хотелось, чтобы о ней пошли какие-либо сплетни.

— Будет исполнено, — откликнулся гвардеец, в голосе которого слышалось явственное разочарование. Что ж, принц решил опять поступить по-своему. Однако если такая, с позволения сказать, «шутка», повторится еще раз, Майдельт любыми средствами вынудит Его высочество вернуться в Пуантен. И наплевать ему на возможное королевское неудовольствие!

Глава третья

Альянс

*17 день Первой летней луны.
Ближе к полудню.*

Никто потом в точности не смог вспомнить, когда они появились. Конни мог побиться об заклад, что даже невозмутимая госпожа Солльхин на миг растерялась, и напомнил себе: по приезде домой выдать щедрое вознаграждение месьору Гренгену, бывшему наставником принца в умении вести себя при дворе. Вот наука и пригодилась.

Никогда прежде Коннахару Канаху не доводилось в гордом одиночестве представлять Аквилонскую монархию, да еще перед лицом столь диковинных созданий. И пусть голова у молодого человека слегка кружилась, а в ногах порой возникала предательская дрожь, но в своей приветственной речи они ни разу не запнулся. Про-

изнес ее именно так, как следовало — ровным, уверенным голосом, с необходимыми оттенками милостивой любезности и вежливой почтительности младшего по отношению к старшему. Отец, матушка, друзья и учителя могли бы гордиться. Во всяком случае, Конни очень на это надеялся.

Иное дело, что от волнения он почти ничего не видел перед собой, кроме мелькания ярких пятен, и слышал только отдельные слова. Надо полагать, его взаимно приветствовали, выражали несказанную радость и произносили множество обкатанных временем громко звучащих фраз.

Далее, твердо помнил Конни, хозяевам и гостям надлежало проследовать к просторному навесу, разбитому на открытой поляне с видом на озеро и окрестные леса. Госпожа Солльхин клятвенно обещала создать там непринужденную обстановку, подходящую для спокойных бесед.

— О чем ты собираешься говорить — думай сам, — предупредила рабирийка. — Здесь я тебе ничем помочь не могу. Разве дать обычный в таких случаях совет — будь самим собой. Кстати, имей в виду: Драго чрезвычайно заинтригован вашим приездом... и ты можешь воспользоваться этим обстоятельством.

— Непременно, — согласился молодой человек, и, похоже, подходящее время настало. Теперь бы еще собраться с духом и суметь произнести первое слово. Милосердные боги, на что он замахивается, намереваясь вежливо поболтать с существом, каковое, во-первых, не являет-

ся человеком, во-вторых, если верить слухам, старше него почти в тридцать раз?! Должно быть, Коннахар по юношеской рассеянности оставил умение разумно соображать в замке короны. Или на сторожевой башне Орволана.

Раз так, то терять нечего. Сейчас он самую малость выпьет для храбрости и повернется направо. Там стоит кресло с высокой спинкой в виде древесной кроны, а в нем удобно расположилось создание, владеющее землями, чьи размеры и протяженность не уступают аквилонским провинциям вроде Таурана или Пуантена. Это создание наверняка внимательно изучает его, приходя к каким-то своим выводам, и, возможно, украдкой посмеиваясь над людской самоуверенностью.

Словно научившись принимать самостоятельные решения, рука Конни протянулась вперед и очень аккуратно подхватила со стола маленький хрустальный бокал, наполненный зеленоватой жидкостью. Столь полюбившийся мэтру Делле и Майлдафу-младшему травник, как выяснилось, полагалось пить крохотными глотками, делая между ними изрядной величины промежутки. Тогда вы могли по достоинству оценить горьковатый привкус и уловить появление краткого мига необычайной ясности мыслей.

— Похоже, принц, вам пришлось по душе полынная настойка госпожи Солльхин, — послышался справа низкий, очень спокойный голос, до того серьезный, что это граничило с изысканной иронией. — Впрочем, не увлекайтесь чрезмерно.

Как ко всему хорошему, к ней быстро привыкаешь и вскоре начинаешь испытывать прямо-таки неодолимую потребность. Между тем нигде, кроме поместья Рунель, вы ее не отведаете. Секрет принадлежит нашей замечательной хозяйке, и более никому.

Действие напитка потихоньку начинало сказываться, ибо Конни не испытал ни малейшей паники, встретив испытующий взгляд пронзительно-золотистых глаз, похожих на все подмечающие зрачки старой хищной птицы.

— Воистину, сие сожаления достойно, — молодой человек словно со стороны услышал собственный ответ, произнесенный столь же спокойно-ироничным тоном. — Все хорошее, увы, заканчивается слишком быстро. Потому, как советовал Кирквенн Шамарский, поспешим насладиться им в полной мере.

С этими словами он отпил еще один глоток и с облегчением заметил, как на бледном, нечеловечески правильном лице собеседника отразилась — нет, не улыбка, скорее ее мимолетная тень.

«Начало положено, — подумал Конни. — Не перестараться бы с глубокомыслием. Впрочем, тут ко мне не придаться — «Паладинов Серебряного Блюда» Кирквенна я помню едва ли не наизусть. Старый обжора знал в жизни толк».

Они немного поговорили о пустяках, неизбежных при встрече двух почти незнакомых людей. Коннахар без особого удивления отметил поразительную осведомленность правителя Ра-

бирова в том, что касалось жизни за пределами его родного края. Как утверждала Айла Монброн, за четыреста минувших лет Князь Забытых Лесов ни разу не покидал своих владений. Однако старый гуль преспокойно рассуждал о неурядицах между Зингарой и Аргосом, вызванных очередным нарушением Морского Договора, о неизбежном уменьшении влияния Кофа на два его древних протектората, и даже небрежно осведомился, удачно ли прошло недавнее празднование Белтайна в Тарантии и благополучно ли здоровье государя Аквилонии и его супруги.

Прикинув число возможных осведомителей, снабжающих Драго и его приближенных всевозможными сведениями, Конни едва не поперхнулся. И тут же сдавленно икнул во второй раз, услышав разочарованно-язвительное сетование на извилистые пути судьбы, доселе не представившей рабирийцам возможности воочию узреть живую легенду нынешних времен, сиречь владельца Трона Льва.

«Отец добровольно сюда ни за что бы не сунулся, — с внезапной гордостью за себя подумал Коннахар. — Зато я рискнул и приехал. Может, Эвье прав, и когда-нибудь о моем поступке напишут в летописях. Именно о моем, совершенном без всякой помощи родителей, но только с поддержкой друзей и единомышленников!»

Он окинул взглядом длинный дощатый стол, по которому лениво скользили прозрачные зеленые пятна от пронзавших тонкий полог солнечных лучей. Хозяева и гости, время от време-

ни прикладываясь кто к пузатым кубкам, а кто к изящным фужерам из драгоценного хрусталя, мало-помалу заводили схожие беседы, так что вскоре под навесом на берегу возник негромкий гул множества голосов, схожий с гудением пчелиного улья.

Единственное, что слегка омрачило настроение Коннахара — поведение благородных девиц, Меллис Юсдаля и Айлы дия Монброн. Коварные изменницы, напрочь позабыв верных поклонников, увлеченно ворковали с одним из спутников Князя Лесов. При взгляде на сей незаурядный образец гульского рода Конни незамедлительно припомнил все страшные легенды о рабирийских кровопийцах и еле-еле убедил себя в том, что девушкам ничто не угрожает. В конце концов, есть же у обитателей холмов над Хоротом уважение, хотя бы к собственному правителю, если они весьма странно понимают законы гостеприимства!

Неудивительно, что светский разговор сам собой свернул на щекотливую тему взаимоотношений Рабириков с внешним миром, и в какой-то миг в непроницаемом лице Драго что-то неуловимо изменилось. Еще пара незначащих фраз, и властитель Рабириков легко поднялся из-за стола.

Конни последовал его примеру — но не слишком торопливо, дабы не выглядеть готовым на все просителем. Порхавшая над столом болтовня незамедлительно стихла.

— Позвольте предложить вам небольшую прогулку, Ваше высочество, — произнес Драго, взма-

хом руки очертив живописный берег озера Рунель. Поскольку головы многих гостей повернулись к нему, рабириец чуть громче добавил: — Мы с принцем покинем вас ненадолго, почтенные господа и прекрасные дамы.

* * *

Рабирийский князь оказался узок в кости и невысок, немногим выше Конни.

На первый взгляд он представал хрупким, как и большинство здешних уроженцев, но то была мнимая хрупкость смертоносного шпажно-го жала, а отточенная грация движений и скупые жесты говорили о прекрасном владении телом. Длинные густые волосы темного, без единого проблеска седины, цвета спадали на плечи, схваченные на затылке плетеным ремешком, а на лбу — широким ажурным обручем из золота и серебра. В сплетении растительного орнамента осколком горного льда светился крупный сапфир.

Какое-то время Драго и Коннахар мирно обсуждали судьбу Файдита, неудачливого короля-завоевателя.

Как доподлинно выяснилось, Файдит Сьертийский и его малая дружина поголовно легли в ночной стычке с кем-то, кого они сочли лазутчиками из Рабиров. Утро восстановило истину: с королем покончили его же собственные подданные, искренне полагавшие, будто сражаются с коварно напавшими на них гулями. В ду-

ше Конни искренне посочувствовал бедолаге, на своей шкуре узнавшему могущество чар рабирийских обитателей.

От слабо колыхавшегося на ветерке навеса их отделяло уже с сотню шагов. Драго замолчал — словно бы в задумчивости. Конни шел рядом, вертя в пальцах кубок, предусмотрительно захваченный с собой. Под сапогами поскрипывал мелкий белый песок, где-то на другом берегу озера заполошно хлопали крыльями взлетающие утки.

— Я ознакомился с привезенными вами бумагами, принц, — заговорил наконец властитель Рабиров. — Должен признаться, вам удалось меня удивить. Некоторые предложения, высказанные в них, кажутся мне по известным причинам спорными. Иные — весьма преждевременными. Впрочем, это отнюдь не подразумевает отказа. Просто кое-что нуждается в более подробном обсуждении. Сейчас, как мне кажется, самое подходящее время и место.

Конни почувствовал, как его бросает в холод, и поспешно отхлебнул из кубка. Близился момент, которого он более всего опасался. «Митра Милосердный, — панически подумал он, — Драго полагает, будто мне известно содержание свитков, и он прав: кто бы рискнул играть втемную с наследником Трона Льва, хотя этому наследнику не исполнилось и шестнадцати? Значит, он думает, что я целиком и полностью согласен с предложениями Просперо — какими бы те, демон их возьми, ни были — и уполномочен

вести переговоры. Но о чем, во имя шестнадцати хвостов Сета?! Хотя бы намекни!»

Вслух молодой человек осторожно произнес:

— Хотелось бы уточнить, какие именно положения вызывают сомнения... э-э... вашей светлости?

«Теперь ему волей-неволей нужно перечислить свои требования!»

Драго опять погрузился в отсутствующее молчание, куда не допускались посторонние. Лишь когда пауза стала напряженной и звенящей, как излишне натянутая лучная тетива, Коннахар услышал:

— То, что упомянуто во второй и шестой статьях перечня. Безусловно, вы осведомлены о наших непростых отношениях с Кордавой, и понимаете — сложностей не избежать. Пускай нас связывают не вассальные клятвы, а только Договор о признании давних традиций...

О существовании договора между Зингарой и Рабирами Конни знал — спасибо вовремя поделившемуся секретами Просперо Пуантенцу. О «давних традициях», благодарить за возникновение которых требовалось уроженца Рабиров, блистательного Рейенира Морадо да Кадену, уже лет пятнадцать уверенно полагающего себя некоронованным королем Золотой Башни — тоже. Оставалось разрешить загадку второй и шестой статей, а заодно выяснить — сколько их там всего? Дюжина? Два десятка? Полсотни?

Проклятие на чрезмерно хитроумную голову Леопарда, затеявшего очередную интригу во бла-

го Аквилонии и собственного герцогства, и на свою — почему не сообразила вовремя? Отец или матушка наверняка вскрыли бы эти злосчастные письма, едва только башни Орволана скрылись за поворотом дороги. Внимательно бы с ними ознакомились, после чего уверенно повели свою игру.

— Помимо того, есть трудности исключительно внутреннего свойства, — размеренно, словно рассуждая сам с собой, продолжил Князь Рабиров. — По мере сил мы стараемся избегать огласки некоторых темных сторон нашей жизни и наших особенностей, однако далеко не всем обитателям Холмов придется по душе намерение сблизиться с миром людей.

Ага, подумал Коннахар и решил рискнуть:

— Имеются в виду те из народа гулей, что называют себя дуэргар?

В ястребиных глазах Драго мелькнуло и пропало снисходительное презрение.

— Ах, эти... — протянул он. — Не в обиду вам, принц, но дуэргар — не более, чем шkodливые подростки. Скусающая молодежь. Их можно понять: на протяжении столетий в лесах ничего не меняется, только героическое прошлое с каждым минувшим днем становится все дальше и дальше. Неудивительно, что новое поколение забывает о нашем великом и скорбном наследии, живя исключительно сегодняшним днем. Дуэргар — это Блейри и те, кто охотно внимает его пустозвонству. Когда же люди прижмут их к стене, они немедля бегут прятаться в Рабирах.

— Кто такой Блейри? — вполне искренне поинтересовался наследник Аквилонии.

— Вы имели сомнительное удовольствие лицезреть его четверть колокола назад за общим столом, — ядовито сообщил Князь Забытых Лесов. — Блейри да Греттайро, наша непреходящая головная боль. Красавчик в черном и золотом, благодаря стараниям которого в Мессантии опять начались гонения на наш народ, а заодно на пи в чем не повинных людей. Он прекрасно знает, что виноват, и потому мне не составит труда приструнить его вкупе со сподвижниками. Опасность не в дуэргар. Она кроется в человеческих умах, с величайшим трудом принимающих мысль о мирном сосуществовании с иными расами.

— Однако люди неплохо ужились с оборотнями Пограничья, — Коннахар украдкой с сожалением убедился, что кубок пуст. — Да, Племя Карающей Длани внешне ничем не отличается от людей, но в душе они все-таки волки! А еще есть дверги Граскааля и Эйглофиата, паки Темры и... и... и другие народы.

— Не забудем также устоявшееся за века мнение, рожденное детскими страхами и поддерживаемое чтимыми людьми священнослужителями — гули есть порождение тьмы ночной, стремящееся только и исключительно к поглощению чужой крови и жестокому смертоубийству, — присовокупил Драго, рассеянно пиная подвернувшуюся под ноги шишку. Та с плеском улетела в озеро. — Таким образом, мы лишний раз убеждаемся в невыполнимости второй ста-

ти предлагаемого договора. Мир людей и мир лесов пока не готовы к подобному шагу.

«Интересно, к какому?.. Он ведь до сих пор ни словом не обмолвился, чего именно касалась эта треклятая вторая статья! Что, так и выглядят пресловутые дипломатические уловки? Тогда месьор Драго владеет ими в совершенстве, в отличие от меня!» — с грустью решил Конни и брякнул наобум:

— Согласен. Подобные решительные меры — дело грядущего. Однако могу я узнать, чем вашей светлости не приглянулась шестая статья предполагаемого договора? Мы ведь не замахиваемся на невозможное.

— Учитывая события недавних лет в Аргосе... и то обстоятельство, что двор Мессантии слишком многим обязан двору Тарантийскому... я, пожалуй, рискнул бы частично принять это предложение, — задумчиво протянул Князь Забытых Лесов. — Оно выглядит чрезвычайно заманчивым, хотя требует от нас определенных жертв... О, да, формально земли на закатном берегу Хорота считаются владением Аргоса, однако уже не меньше тысячи мы лет удерживаем их за собой, с чем аргосцам остается только смириться.

«Закатное побережье, — лихорадочно соображал Конни. — Сиречь Рабирийские холмы, на которые все облизываются, но никто не решается протянуть к ним руку, опасаясь сдачи. Аргос лет сто двадцать тому выстроил маленькую крепость у слияния Алиманы с Хоротом, и проло-

жил тракт к зингарской границе, но им почти не пользуются — побаиваются нападений гулей. Что же такое мог задумать Просперо, если это щелкнет по носу Мессантию?»

— Мы предлагаем достойную оплату ваших уступок, — сделал свой ход наследник Аквилоний. — Разве не так? Вы получите возможность вести дела наравне с людьми, что послужит к взаимному уважению и процветанию.

— Чтобы в один прекрасный день обнаружить наши леса вырубленными ради постройки людских кораблей, а холмы — изрезанными дорогами, по которым денно и ночью громяхают обозы? — едко осведомился Драго.

«Лес? Корабли? Тракты? — соединив три этих слова, Коннахар без труда получил ответ и беззвучно присвистнул: — Гавань, ну конечно же! Замысел с размахом: создание гавани на землях Рабиоров — причала для пуантенских и аквилонских торговых судов, идущих вверх и вниз по Хороту. Чем мы распоряжаемся на реке? Плоэрмелем, давно не справляющимся с количеством проходящих через него кораблей, да еще парой-тройкой маленьких городков вроде Дормье, чья пристань в силах вместить не больше пяти нефов! Наверняка предложение звучало так: отыскать подходящее место где-нибудь на Алимане, проложить туда дорогу от уже имеющегося торгового поселка и начать строительство. Что же мы посулили рабирийцам взамен? Долю в общих доходах? Нечто такое, перед чем они не смогут устоять? Драго говорил о па-

мяти и наследии... Им нужны какие-то древние летописи?»

— Не думаю, чтобы дела обернулись столь плачевным образом, — возразил молодой человек. — Во-первых, мы будем действовать только с вашего согласия и одобрения. Во-вторых, какие-либо перемены в Рабирах начнутся не с завтрашнего дня. Сперва я должен обсудить услышанное с моим отцом, узнать его мнение и тогда...

Князь Забытых Лесов остановился, словно сообразив, как далеко завела его и аквилонского гостя неспешная прогулка вдоль озерного берега. Поляна с навесом исчезла за склоном холма, справа тянулся невысокий обрыв, поросший мелко трепетавшим и перешептывающимся на ветру ольшаником. Конни подумал, сопровождает ли их кто-нибудь или повелитель гулей ничуть не опасается за свою жизнь. Кого, впрочем, ему бояться? Пятнадцатилетнего мальчишки из рода людей?

— Нам бы хотелось получить зримое подтверждение ваших намерений, — внезапно заявил рабириец, чуть наклонив голову. Драгоценный камень в его обруче сверкнул холодной бирюзовой искрой. — Для начала, как предлагается в вашем письме — частичное возвращение некогда таинственно исчезнувших из Кордавы архивов Морской Башни и дозволение проводить изыскания в собрании тарантийской Обители Мудрости. Дабы не перепугать до смерти ваших ученых мужей, нашими посредниками выступят люди.

— А разве... — начал Коннахар и прикусил язык, опасаясь выдать свою полнейшую неосведомленность. Леопард из Пуантена не стал бы предлагать того, чем не владеет. Значит, ему точно известно о местонахождении свитков, представляющих жгучий интерес для обитателей Рабириков. Замечательный выйдет обмен: книги — на пристань! — Согласен, но для успешного разрешения этого вопроса я бы хотел взглянуть на перечень с наименованиями...

— Завтра его доставят, — яростный золотой блеск зрачков хозяина Рабириков немного смягчился, словно он наконец услышал долгожданную радостную новость, — и тогда я искренне надеюсь продолжить нашу познавательную беседу. Однако не будем также забывать о кратких мгновениях радости, иначе поездка запомнится вам исключительно чередой многоумных разговоров.

«Это точно! — мысленно закивал Конни, у которого появилось странное ощущение — будто он превратился в отжатую досуха тряпку, болтающуюся на веревке. — Еще немного — и я бы полностью запутался в этих словесных ловушках. Кто бы знал, как мне хочется выпить... чего угодно, кроме местной травяной отравы!»

*17 день Первой летней луны.
Поздний вечер.*

— Ничего он не знал. Ровным счетом ничего. Излюбленная манера Пуантенца — столкнуть

человека в глубокую воду и посмотреть, выплывет или нет. Более того, мальчик настолько честен, что ему в голову не пришло заранее ознакомиться с содержанием писем!

Госпожа Солльхин по-кошачьи фыркнула. Она взобралась на плоскую спину черного валуна, приткнувшегося в одной из многочисленных укромных заводей озера Рунель, и удобно расположилась там, накрыв камень слоями шелестящей темно-лиловой ткани. Края платья рабирийки свешивались вниз и тяжеломерно колыхались на невысоких волнах.

— «Честен» означает — излишне простоват или непредусмотрителен по молодости лет, — сухо заметил Лайвел, безостановочно вращавший в пальцах тонкий, похожий на иглу стилет. Гули одновременно взглянули на дальний берег озера, где в густеющих сумерках виднелась россыпь желтоватых огоньков. Порой оттуда долетали неясные отзвуки голосов, мешавшиеся с вскриками ночных птиц и таинственным поскрипыванием деревьев. Над горбатым лесистым холмом показался краешек лунного диска, которому оставалось день или два до срока, когда он станет идеально ровной окружностью.

— В юности мы все совершали ошибки, — Солльхин поправила длинный широкий шарф, закрывавший ее волосы. — Ты же не будешь спорить, что он неплохо справился?

— Мальчик умен, этого я не отрицаю, — низкий, переливающийся голос исходил от неподвижного силуэта, таившегося в развилке между

изогнутых сосновых корней. Если бы Драго не пошевелился и не заговорил, вряд ли бы кто заподозрил его присутствие. — Сейчас он вынужден оглядываться на старших, в том числе на своего грозного отца, но в будущем...

— Причем не в таком уж далеком будущем, — заметила Солльхин. — Года через три, самое большее — через пять Конан сам уступит ему трон и корону, помяните мое слово.

— И тогда, как ты утверждаешь, придет наше время, — протянул Лайвел.

— Почему бы и нет? — немедленно оживилась рабирийка. — Надежды, возлагаемые нами на союз с Зингарой, не оправдались. Королева Чабела стареет. Недалек день, когда подростки отпрыски вежливо предложат любимой матушке переехать в тихую Сальмонию, дабы насладиться заслуженным покоем. Вместе с ней из Кордавы вышвырнут и Рейе да Кадену вкупе с приятелями, чтобы не мозолили глаза. Пусть скажут спасибо, ежели им удастся вернуться домой целыми и невредимыми!

— Зато у твоего любимчика Коннахара впереди лет двадцать или больше безоблачного правления, — поддел увлекшуюся собеседницу Лайвел. — И вдобавок рядом с ним постоянно находится очаровательная Айлэ Монброн... Солльхин, неужели ты всерьез рассчитываешь сделать ее законной правительницей Аквилонии? Пожалей бедных влюбленных — их просто-напросто растерзают.

— Да, королевой ей не быть, — с сожалением

признала женщина. — Зато у принца хватит сил и возможностей оставить ее при дворе, где она со временем станет нашим голосом.

— Мечты, мечты, — нарочито громко вздохнул Лайвел. — Причем несбыточные.

— Отчего же несбыточные? — вновь обозначил свое присутствие Князь Забытых Лесов. — Девушка Айлэ — блистающая нить, накрепко привязавшая наследника трона Льва к нашему краю. Чуть позже мы создадим другую — из золота, которое так нравится людям, и укрепим ее взаимными обязательствами. Потом добавим еще одну и еще...

— Сковав в итоге надежный и прочный ошейник, — лезвие стилета прочертило воздух, глубоко воткнувшись в ствол дерева, а в голосе Лайвела зазвучало неподдельное раздражение. — Сколь радующая людские души картина — единорог на привязи!

— Ты предпочитаешь быть насильно заточенным в клетку и выставленным в зверинце? — с обманчивым добродушием поинтересовался Драго. — Или же оказаться беспомощной добычей? Доселе единорог всегда держался своих путей, это верно. Настали иные времена. Если мы не хотим сгинуть, окончательно превратившись в легенду, нам придется выбирать, чье покровительство более выгодно. Золотой Башни Побережья? Льва Аквилонии? Аргосского наруса? Рабиры теперь со всех сторон окружены человеческими королевствами. Рано или поздно людям надоест такое положение вещей. Нам есть что

предложить миру за пределами лесов... но и цена, которую мы запросим, будет высока.

— Так высока, что люди не согласятся платить, и возмут понравившееся им силой, — из переплетения черных и серебристых теней выскользнул гибкий силуэт, и остановился шагах в трех от собеседников. — Глупо же отрицать очевидное!

— Нынче вершиной разумности полагается раздражать мирных обывателей Мессантии, пока те не схватятся за топоры, — вполголоса проворчал Лайвел. — А также учинять пакости гостям, прибывшим к нам с лучшими намерениями.

— Я тут ни при чем, — с достоинством возразила тень, носившая имя Блейри да Греттайро.

— Разумеется. Пачкать руки самому — ниже твоего достоинства, — Солльхин оскалилась и негромко зашипела. — Всегда отыщется парочка легковых юнцов, готовых на все ради твоих дурацких идей!

— Если б не мои, с позволения сказать, дурацкие идеи, — Блейри, как знали все его сородичи, с необычайной легкостью впадал в ярость, — от этого тихого уголка давно бы не осталось камня на камне! Мы заставляем людей бояться и тем удерживаем от намерения сравнять Рабиры с землей! Страх — единственное, что у нас осталось, ибо Границы, на которую вы все уповаете, более не существует! Она пропала еще до нашего рождения! Там ничего нет! Или вы ждете, что в один прекрасный день людям вздумается самим проверить — а защищает Рабиры

хоть что-нибудь, кроме грозной былой славы? Вот они удивятся!..

— Блейри, — очень ровно произнес Князь Лесов. — Растолкуй мне одну вещь — откуда в тебе берется столько злости? Вроде в детстве розгами не вразумляли, баловали до неприличия, да и потом жизнь к тебе темной стороной не оборачивалась...

Над заводью повисло тяжелое, напряженное молчание. Солльхин ежилась на своем валуне, словно в теплый вечер ей стало холодно.

— Они — люди, — спокойнее, но с прежней холодной убежденностью проговорил Блейри. — Даже лучшие из них, вроде этого мальчика-принца — всего лишь наша законная добыча. У нас нет и не может быть ничего общего. Если мы позволим людям хоть одной ногой ступить в наши края, они превратят нас в кучку пожирателей крыс.

— Пророчества мрачнее я еще не слышал, — едко высказал свое мнение Лайвел. — Что из этого следует?

— Вашим ненаглядным гостям не стоит прогуливаться ночью в одиночестве по окрестностям, — охотно пояснил Блейри. — Мало ли что может случиться...

— Даже не думай! — женщина попыталась вскочить, поскользнулась и едва не свалилась в заводь. — Только посмей затеять что-нибудь подобное!

— Как ты недавно сама заметила, всегда найдутся те, кому очень не по душе нахальные чу-

жаки, — развел руками гуль. — Присматривай за своими ягнятами, Солльхин. Присматривай внимательно, иначе твои давние знакомые в Аквилонии весьма огорчатся, узнав о несчастье, постигшем их предприимчивых отпрысков.

Он исчез, как появился — просто шагнув в сторону и растворившись среди теней и шорохов. Рабирийка с досадой ругнулась ему вслед, а Лайвел деловито осведомился:

— Может, выставить Блейри и его дружков из поселка, пока люди не уедут?

— Зачем? — отмахнулся повелитель Рабиров. — Они не способны на большее, чем угрожающая болтовня... — он помолчал и неожиданно спросил, думая о чем-то своем: — Кто-нибудь точно знает, сколько лет принцу Коннахару?

— Пятнадцать, — Солльхин быстро загибала пальцы, подсчитывая, и уверенно кивнула: — Его родители вступили в брак летом 1294 года, после Битвы Драконов. Конни появился на свет спустя четыре года. В удивительный день, как уже не раз замечалось.

— В какой? — дотошно уточнил Драго.

— На Самхайнн, колдовскую ночь последнего дня Второй осенней луны, — с легким смешком отозвалась желтоглазая рабирийка. — По поверьям жителей Полуночных земель, этой ночью открываются двери между Сферами, в мир навешиваются тени давно забытых богов, рождаются великие маги, герои... или просто люди со диковинными судьбами.

— На твоём месте я бы не рисковал смеяться

над подобными вещами, — на удивление серьезно заметил Лайвел. — Суеверия порой могут оказаться истиной.

— О нет, — скривилась Солльхин. — Кажется, я догадываюсь, какие мысли посетили нашего высокоумного предводителя... «Скрижаль изгнанников»? — Князь Лесов с отсутствующим видом кивнул. — «Слово о пришествии Вестника»? Драго, я всегда была о тебе лучшего мнения! Неужели ты всерьез веришь этой замшелой чуши, до краев наполненной двусмысленностями? Дитя Первых Снегов, что явится, принесет свет, боль и избавление! Не смешите меня! — она спрыгнула с камня, подняв маленькую волну. — Лучше пойду и всласть подерусь с Блейри, пока вы будете сидеть, мечтательно глаза на луну!

— В чем-то она права, — протянул Лайвел, когда Солльхин удалилась. — Предсказания «Скрижали» чересчур туманны. Их смысл ускользает от нас за давностью лет. Мы забыли, как толковать использованные там символы. Мы вообще многое позабыли, сидя здесь и перебирая древние сокровища.... Но, даже если ты прав — что мы можем сделать?

— Ничего, — отчетливо произнес Драго. — Надеяться, что я старею и становлюсь излишне мнительным. Верить, что судьба окажется к нам благосклоннее, чем к нашим далеким предкам. Быть на всякий случай готовыми к приходу новой эпохи чудес, которую не дано пережить всем.

Глава четвертая

Полнолуние

19 день Первой летней луны.

Важнейшие захватывающие приключения и долгие путешествия когда-нибудь заканчиваются. Странники возвращаются домой, герои обретают искомые сокровища, спасенные принцессы выходят замуж — правда, не всегда за своих спасителей — а хитроумные политические интриги завершаются созданием исторически важного альянса.

На сей раз обошлось без торжественной церемонии подписания чего-либо, но увозили с собой гости немало. Два вместительных кожаных мешка с письмами и бумагами, представляемыми на высочайшее рассмотрение короля Аквилонии и его сановников, списки требований и предложений со стороны рабирийцев, длинный перечень назначенных к возвращению фолиантов. В

качестве приятного доверка выступал возок с дарами для правящей фамилии и лично для господ посланников. Конни успел бросить взгляд в недра сундуков, заметив перехваченные золотыми кольцами ножны, книги в украшенных цветными камнями переплетах и скромно приткнувшиеся в углу шкатулки. Он очень надеялся, что хозяева по душевной щедрости не присовокупили к числу подарков пару-тройку бутылей с полынной настойкой, каковую, по твердому убеждению принца, вывозить за пределы Рабириров вообще не следовало — дабы не создавать у людей скверных привычек.

«Доберемся до Орволана — взглянем, чем именно благодетельствовали рабирийцы аквилонское посольство, незваное и, тем не менее, вполне удавшееся», — рассудил молодой человек.

Драго уехал. Отбыл после долгого прощания вчерашним вечером, вкупе с пятеркой сопровождающих. Должно быть, повелитель Рабирийских холмов увидел и услышал все, что ему требовалось. Часть спутников Князя Забытых Лесов осталась в поселке — к примеру, Лайвел. Ему надлежало не только встретить гостей, но и сопроводить их обратно к Границе. Само собой, никуда не делась госпожа Солльхин, ибо имение над озером Рунель принадлежало ей.

Не последовал за своим повелителем и таинственный красавчик Блейри, державшийся, впрочем, на почтительном расстоянии от людей. Исключение составляла Меллис Юсдаль — к вели-

чайшей досаде ее приятеля Гиллема. Меллис утверждала, будто гуль ведет себя, как обычный воспитанный человек, расспрашивает ее о жизни городов, о Тарантии и тамошнем короле, а также о ней самой. Ничего угрожающего в его поведении или разговорах она пока не заметила.

Выходок с рисованием кровавых отпечатков на стенах более не повторялось. Возможно, из-за того, что по распоряжению Солльхин к охране из числа прибывших вместе с Коннахаром гвардейцев обязательно присоединялся кто-нибудь из местных уроженцев. На гулей иллюзии, создаваемые их собственными сородичами, не действовали.

— Остались сущие мелочи, — подытожил достигнутые успехи Эвье. — Разыскать подходящее место и провести ритуал, ради которого мы, собственно, так сюда рвались. Еще на пару дней придется задержаться в Гайарде, дабы Ваше высочество изволило побывать на торжествах и поделиться с Леопардом впечатлениями от поездки.

— Но к концу Первой луны мы просто обязаны быть в Тарантии, — подхватил Ротан Юсдаль. — Иначе достопочтенный Стиллис не преминет кое-кому наябедничать.

— Успеем, — беспечно отмахнулся Конни. — Выедем завтра с утра, к середине дня будем в Орволане. Куда нам спешить?

Молодые люди сидели на склоне полого спускающегося к озеру холма. Внизу, у самой кромки воды, дымил разложенный костерок,azole

которого устроился с десяток человек: приезжие, ученики магической школы и даже кто-то из свитских Драго. Булькал на огне закопченный медный котел, над ним плыл сладкий аромат вина со специями. Медленно сгущался дремотный летний вечер — последний вечер аквилонских гостей в Рабирах.

У костра возникло движение — там снимали с треножника закипевший котел и разливали напиток по кружкам. Негромко перекликнулись струны настраиваемой виолы, отдельные аккорды соединились в легкую, прозрачную мелодию, вокруг которой закружился мечтательный девичий голос:

Если полночь приходит, а ты все без сна,
Сон уже не придет, как его не мани.
Колыбельная песенка обречена
В эту ночь говорить о любви.
Над травой высокое небо во мгле
И ни звезд, ни луны, чтобы тьму разогнать.
На земле он родился, и рос на земле,
На земле он учился летать.
Колыбельные песни для сна и не сна,
Колыбельные песни для тех, кто в пути.
На огромной земле ты осталась одна,
И другие к тебе не посмеют войти...

— Никто не заметил, куда подевался Лиесин? — осведомился Ротан, дождавшись завершения песни. — В последний раз я видел его вчера, когда мы провожали местного правителя. С тех пор он как в воду канул.

— Госпожа Джелья Дезирата с минувшего дня тоже куда-то запропала, — многозначительно протянул Эвье.

— Думаешь, они улизнули вместе? — Ротан восхищенно присвистнул. — Быстро же у него дела делаются...

Виола перешла в другие руки. Манера игры стала более отрывистой и резкой, а новый голос, хотя тоже принадлежал молодой жещине, звучал приглушенно, почти шепотом. Конни узнал бы эту манящую и кружащую голову интонацию где угодно. Наверняка Айлэ заметила устроившуюся на склоне компанию и решила спеть для своего верного поклонника, зная, какой силой обладает для Конни ее голос.

Распахну крылья, позову ветер,
Станет сон былью, чтобы был светел
День, который будет первым днем счастья,
Чтоб свершилось чудо, что в моей власти.

Я могу звать дождь своим братом,
Я могу дать имена травам,
Я могу слить с пламенем воду,
Я могу плыть там, где нет броду.
Я могу дать небеса птицам,
Я могу дать колесо спицам,
Я могу дать кораблю волны,
Дать могу волкам свет луны полной...

Коннахар вздрогнул от неожиданности, краем глаза заметив возникшую рядом женскую тень — невысокую, на удивление стройную. Женщи-

на, не отрываясь, смотрела вниз, откуда долетал серебристый голос баронетты Монброн.

— Госпожа Солльхин? — осторожно произнес Эвье. — Что-нибудь случилось?

— Ступайте к костру, — некое предчувствие твердило Конни, что рабирийка пришла исключительно ради разговора с ним. — Я приду позже.

Ротан и Коррент-младший с явной неохотой зашагали вниз по склону, время от времени оглядываясь. Солльхин не двигалась, только переводила слегка рассеянный взгляд с оранжево-черных языков разгорающегося на берегу костра на молодого человека.

— Вы все так похожи, — негромко сказала она, словно найдя окончательное подтверждение давно тревожившей ее мысли. — Схожие и разные одновременно.

— Кто? — рискнул уточнить наследник короны Аквилонии.

— Твой отец, ты, Айлэ, наследники Халька...

— Госпожа знакома с моим отцом? — не поверил своим ушам Конни. — И с бароном Юсда-лем-старшим?

В ответ последовал короткий, еле заметный кивок.

— Но тогда... — рассыпанные кусочки мозаики с еле слышными щелчками заняли свои места, и Коннахар решительно начал: — Раньше тебя звали не Солльхин, верно? На самом деле...

Тонкая прохладная ладонь преградила дорогу готовым вырваться наружу словам. Конни ото-

ронело замолчал, глядя снизу вверх на грустно улыбавшуюся рабирийку.

— Той женщины, о которой ты вспомнил, давно нет на свете. Солльхин — ее печальная тень, ожившая на несколько дней. Ты уедешь — тень развеется. Обещай помнить обо мне, Конни, ладно?

— Обещаю, — неповоротливым, внезапно заледеневшим языком выговорил молодой человек. — Но почему...

Женщина исчезла. Не развеялась в воздухе, подобно призраку, не стала белесыми обрывками тумана, не обернулась летучей мышью. Просто миг назад стояла в полушаге от Коннахара, чуть касаясь его краем темно-багрового платья, а теперь пропала, не оставив по себе никакого следа. Даже трава, кажется, осталась непримятой. И выводимая Айла кансона еще не закончилась:

Я могу тлеть для тебя свечкой,
Отогнуть смерть, сделать жизнь вечной,
Подарить весну городам тесным,
А еще могу спеть тебе песню...

— Конни!

Оклик прозвучал со стороны темной полосы леса. Кто-то быстро шел, почти бежал в направлении озера. К счастью, человек был вполне узнаваем и не пытался изобразить неупокоенную душу.

— Где тебя носило? — осведомился Конна-

хар, когда Лиессин Майлдаф присел — точнее, почти плелся — на кочку напротив него. Судя по азартному выражению лица Аьюу, тот вызнал нечто чрезвычайно интересное и теперь желал поделиться новостью с давним приятелем.

— Есть подходящее место, — без всяких предисловий заявил Лиессин, — Идти недалеко, сегодня как раз полнолуние, значит, должно получиться!

— Ты о чем? — не сразу понял наследник Аквилонии. — Давай-ка еще раз, и не так быстро.

Майлдаф-младший перевел дух, постарался взять себя в руки и очень медленно, внятно повторил:

— Я разыскал отличную полянку для обряда, который ты собирался провести. В четверти лиги отсюда к Полуночи. Если ты быстро соберешь нужных людей, я отведу вас туда.

Почему-то Коннахару не захотелось признавать, как Аьюу оказался в четверти лиги от поселка, нарушив тем строжайшее запрещение Майдельта и самого принца покидать окрестности озера. Вместо этого он спросил:

— Где госпожа Дезирата?

— Ждет нас на месте, — брякнул Лиессин, слишком поздно поняв, что угодил в расставленную ловушку. Сообразив, обезоруживающе хмыкнул: — Как ты догадался?

— Я же тебя знаю, — Конни поднялся на ноги. — Идем. Ты уверен, что Джелие там ничего не угрожает?

* * *

Обещанная четверть лиги растянулась едва ли не вдвое — в темноте да еще в незнакомой местности все расстояния кажутся больше. Сначала шли по мокрой от вечерней росы луговине, потом свернули в лес, под сухие и колючие еловые лапы, и начался бесконечный подъем вверх по крутому склону. Месьор Ариен Делле, коего оторвали от познавательной беседы с воспитанниками магической школы, постоянно сбивался с дороги и вполголоса честил окружающую растительность на староаквилонском. В холщовом мешке, доверенном Ротану, заполошно трепыхалась невинная жертва — позаимствованный из сарая упитанный кролик пегой масти.

Со стороны зрелище, должно быть, выглядело крайне забавным: цепочка молодых людей, спотыкаясь едва не каждым шагом, карабкается по узкой тропе. Прихваченный с собой фонарь почти ничем не помогал — свет рассеивался, выхватывая из темноты качающиеся ветви.

Трепет перед грядущим великим событием никак не приходил, наоборот, в голову Конни закрадывалось мрачное ощущение — какими же глупцами они себя выставляют. Хорошо хоть посторонних свидетелей нет. Компании удалось скрыться за пределами лагеря, избежав внимания со стороны охраны наследника трона. Майдельт, само собой, вскоре обнаружит отсутствие подопечного и его приятелей, и по возвращению скандала не избежать. Главное, что-

бы полусотник не бросил своих людей на поиски. Не хватало еще, чтобы по лесу носились встревоженные гвардейцы, обшаривая ежевичные заросли на предмет нахождения под ними беглого принца.

Айлэ шла молча, умудряясь не запинаться и не цепляться юбками за кусты. Шагала по еле различимой тропке, даже не глядя под ноги, и размышляя о чем-то своем. Пару раз она останавливалась и прислушивалась, склонив голову набок, отчего становилась похожей на грациозную породистую кошку, уловившую поблизости мышинный топоток. Конни только собрался узнать, что ее встревожило, как деревья расступились в стороны. Впереди мелькнула робкая желтая искра рукотворного огонька.

Доморощенные волшебники, отдуваясь и вымученно посмеиваясь, одолели последние шаги, поочередно выходя на открытое место и озираясь.

Тропа привела их на поляну — почти круглую, если верить увиденному в полутьме — не меньше десятка локтей в поперечнике, окаймленную с трех сторон высокими, ровными соснами. С четвертой, восходной, тянулся отвесный склон. Днем оттуда наверняка открывался замечательный вид на окрестные, более низкие холмы. Далеко внизу приглушенно булькал и лопотал на перекатах ручей. Над головами незваных гостей изогнулось небо — ясное, с бледно-сиревыми и алыми полосами на закате, и почти черное в остальной своей части. Вершину обду-

вал непонятно откуда взявшийся ровный холодный ветерок.

Джелья Дезирата стояла неподалеку от края обрыва. В ее руках покачивалась на цепочке тусклая медная лампа, а сама девушка настороженно разглядывала большой, по пояс человеку высотой, гранитный валун то ли темно-красного, то ли буроватого цвета. Предмет ее изысканий глубоко врос в землю, по виду и размеру напоминающий устремленный вверх нос затонувшей лодки. Заметив взбирающихся на вершину холма полуночных визитеров, Джелья, с явным облегчением переведя дух, устремилась им навстречу.

— Что-то в подобном духе нам и требуется! — обрадованно провозгласил мэтр Делле, подвергнув местность краткому, но придирчивому осмотру. — Таится в здешних краях нечто эдакое... колдовское. Госпожа Дезирата! Наше пребывание здесь не задевает ничьих воззрений или убеждений?

— Нет, — после краткого раздумья покачала головой Джелья. — Эту возвышенность называют Холмом Одиночества, но почему — мне неизвестно. Запретов на ее посещение вроде бы не существует.

Луна, яркая как новенькая серебряная монета, вскарабкалась на небосклон, отразившись в россыпи маленьких озер и набросив на Рабиры покрывало, расшитое переплетениями черных и голубоватых узоров. Десяток человек хлопотали на уединенной безлесной вершине, превращая по мере сил и разума обычную поляну в ме-

сто, куда будет угодно явиться потусторонним силам.

Вокруг старого камня, поросшего темно-зеленым мхом, возник не слишком-то ровный белый круг, перечеркнутый линиями, складывающимися в изображение пентакля. Вообразивший себя знатоком по части колдовства мэтр Ариен использовал для создания магического кольца вычитанный в старинном гримуаре способ с использованием обычной пшеничной муки — как уверял автор книги, хлопотный, но надежный. Делле уже успел вымазать в муке подола собственного одеяния и просыпать горсть на сапоги крайне неохотно помогавшего ему дие Коррента.

На остриях лучей звездообразной фигуры, центром которой стал древний валун, требовалось разместить символы четырех стихий. Определяя местонахождение сторон света, Эвье и Ариен разошлись во мнениях и яростно заспорили. Пока Меллис и Ротан уговаривали их прийти к общему решению, оставшийся без присмотра кролик выбрался из мешка и резво запрыгал прочь от людей с их безумными выходками.

Бегство зверька не прошло незамеченным. Мэтр Делле, мигом забыв о вычислении лунных склонений, ринулся следом и с приглушенным воплем исчез среди елового подростка.

— Уличный балаган, — вполголоса пробормотал Конни, когда общими усилиями раздраженного месьора колдуна извлекли из цепких ветвей. В суматохе кролику удалось скрыться, и те-

перь единомышленники взаимно обвиняли друг друга в бестолковости и неумелости. — Хватит галдеть! — повысил он голос, заставив общество испуганно притихнуть. — Или мы делаем то, зачем пришли, или возвращаемся обратно.

— Но жертва... — нерешительно заикнулся потрепанный Ариен.

— Обойдемся, — припечатал наследник Аквилонии. — От бедной твари все равно никакого проку.

Месьор Делле мудро решил не возражать и осведомился:

— Как поступим с госпожой Монброн? Во избежание недоразумений, стоило бы... э-э... скажем, привязать ее к дереву.

«К четырем колышкам», — мысленно посоветовал Эвье, но произнести свою идею вслух не решился. Под горячую руку Конни вполне мог заменить удравшего кролика кем-нибудь из не в меру язвительных друзей.

— Никого и куда привязывать не будут, — внушительно проговорил Коннахар. — Ясно? Пора начинать, время уходит. Встаем по кругу, как в прошлый раз.

Молодой человек шагнул вперед, взяв так и не произнесшую ни слова Айлэ Монброн за плечи и крепко прижав к себе. Рабирийка повернула голову, через плечо бросив на Конни благодарный взгляд холодно мерцающих и отчего-то печальных зеленых глаз.

Братство Охотничьей залы разместилось по окружности засеянного мукой кольца. Джелль

Дезирата, на лице которой отражался вежливый интерес пополам с недоумением, предпочла остаться в стороне. Девушка стояла, зябко обхватив себя за локти, и наверняка корила себя за то, что привела на Холм Одиночества целую толпу нахальных чужеземцев. Донельзя увлекшийся происходящим Лиессин решил принять участие в обряде — чтобы потом хвастаться перед знакомыми или сложить новую балладу.

Ветер стих. Установленные у подножия валуна и вдоль круга свечи горели ровным, прямым огнем. Луна неспешно добралась до самой высшей точки своего пути и застыла там в окружении россыпи созвездий. Где-то в лесу гулко ухнула сова.

Месьор Ариен Делле перелистал страницы книги Тувима, оказавшегося столь ценным для нужда компании труда давно умершего собирателя загадочных легенд, отыскал вложенный в фолиант листок с десятью строками заклинания. Со значением откашлялся. Безуспешно попытался внушить себе, что в данный краткий миг он вовсе не скромный преподаватель исторических наук в Тарантийской Обители Мудрости, но величайший маг всех прошедших и грядущих времен. Могущественнее старого Озимандии или легендарного Менхотепа Стигийца...

«Не смети людей, — злорадно хихикнул внутренний голос. — Тоже, выискался укротитель стихий и гроза пучеглазых демонов. Повторить заклинание без ошибок — вот единственный доступный тебе подвиг!»

Месьор Делле вздохнул и начал читать.

Черный ветер к Полуночи мчит облака,
Древний морок с собой унесет.
Будет так, даже если минули века,
Будет так, ибо сила моя велика,
Черный ветер мне силу дает.

Превратится в песок нерушимый гранит,
Сталь истлеет с течением дней.
И откуда звезда на Закате горит,
В мире сущем пред Словом моим устоит
Только Слово того, кто сильней...

Среди поскрипывающего, вздыхающего, шумящего леса, под безмолвным ночным небом голос Ариена — в обычное время самый заурядный и немного гнусоватый — порой звучал голос истинного волшебника, такого, как описывается в чудесных сказках.

Отец и матушка не раз твердили Айлэ, что сказки имеют очень мало общего с настоящей жизнью. По молодости и мечтательности девушка не очень-то прислушивалась к поучениям родителей. Втайне она думала об обещанном чуде и посмеивалась над собой, повторяя — ничего не произойдет. Айлэ дия Монброн, рабирийке по происхождению, не суждено стать человеком. Напрасно принц поверил, будто скверно переведенные с полузабытого языка строчки могут изменить внутреннюю сущность живого существа.

«По крайней мере, мы попытались, — беззвучно проговорила девушка, чувствуя, как на-

пряженное дыхание стоящего сзади Конни ерошит ей волосы на затылке. — И эта попытка должна стать последней. Нам нужно поскорее уехать из Рабиров. Высокоумные политические игрища можно вести и на расстоянии».

Помимо возможной неудачи Айлэ беспокоило иное соображение. Кто-то вышел из поселка вслед за компанией, в этом она могла поклясться.

Неизвестный держался в отдалении, но рабирийка слышала эхо его шагов. Кто это мог быть? Не в меру любопытный обитатель имения на озере? Или некто иной? Каковы тогда его намерения?

Над поляной висела напряженная, сосредоточенная тишина. После первого опыта колдовства все усвоили — магия не проявляет себя сразу же. Вдобавок речь шла о разрушении заклęcia, существующего более восьми тысяч лет. Вряд ли Проклятие Безумца так легко сдаться и исчезнет!

Айлэ старательно прислушивалась к себе — пока ничего не происходило — и боязливо косилась по сторонам. На миг ей померещилось, будто внутри гранитного валуна зажглось бледно-серебристое пламя, очертив контур восьмилучевой звезды, но, скорее всего, девушку подвело разошедшееся воображение.

Однако следовало ли отнести к игре воображения смутную тень, возникшую за спиной ничего не подозревающей Джельи? Или другую, палым листом скользящую по краю поляны?

Или еще одну, крадущуюся к зевнувшему укладкой в кулак Ротану? Почему ветер приносит сладковатый запах крови — старой, запекшейся и почерневшей крови, расплескавшейся по теплым камням в глухом переулке?

— Кто-то бродит рядом, — вдруг отчетливо и ясно произнес Коннахар. — Но я не могу его увидеть.

Рука, лежавшая на плече Айле и внушавшая ей обманчивое чувство защищенности, разжалась.

В следующий миг девушку с такой силой рванули в сторону, что она еле удержалась на ногах. Лес и небо подернулись мутной туманной пеленой и начали удаляться, оставив на память горький, пронзительный выкрик: «Опоздала, опоздала! Дуэргар выслеживали нас, а ты никого не предупредила!..»

* * *

Что-то легкое, черное, стремительное пронеслось в неверном лунном свете мимо принца к рабирийской целительнице, едва успевшей вскрикнуть и сразу испуганно смолкшей. Конни схватился за кинжал, но резкий удар в грудь опрокинул его на траву, оружие грубо вывернули из пальцев. Ариена Делле словно снесло порывом ветра — только что доморощенный маг возвышался в картинной позе и вот лежит ничком, опасливо косясь на янтарно-желтые когти, стиснувшие горло. Слева, где стояли скептик Ларбе-

ра и Ротан Юсдаль, послышалась короткая возня и шум падающего тела. Лиессин, которому бесцеремонно заломили руки, из чистого упрямства пытается вырваться, но без толку — противник, с ног до головы затянутый в черное и оттого трудно различимый впотьмах, выше на голову и вдвое шире в плечах...

«Доигрались, — с необычайной ясностью подумал Коннахар. Колено, прижимавшее его к мягкой земле, надавило сильнее, а узкие холодные ладони сковали запястья не хуже стальных оков. — Дуэргар, кто же еще? Сразу сожрут или произведаются напоследок?»

Слабый порыв ветра, прилетевший со стороны озера, донес из лагеря протяжный, полный боли вопль, от которого у Конни мороз пошел по коже.

— Блейри! — отчаянно крикнула Меллис. — Блейри, зачем? Ведь ты обещал!..

— Обещал? Я? — одна из гибких темных фигур неуловимо переместилась к обрывистому краю полянки, трепыхнулся за плечами черно-золотой плащ, словно крылья — красавчик Блейри, явно рисуясь, прошелся над обрывом. Луна осветила его узкое бледное лицо. В глазах гуля плясали отчетливо различимые красные огоньки. — Полно, о чем ты? Когда крестьянин гонит бычка на бойню, он может наобещать ему что угодно... лишь бы скотина не брыкалась по дороге. О чем вы думали, когда сунулись сюда? В Рабирах нет места людям, нет, понятно? Эй, наследник чего-то там, ты слышишь? Слышишь,

как вырезают твою гвардию? С любым из вас будет так!

— Ты хочешь сказать, что приказал своим прихвостням напасть на Рунель? — простила Дезирата, и Конни, пожалуй, не смог бы сказать, чего больше слышалось в ее голосе — презрения, злости или искреннего изумления. — Ты спятил? Хочешь, чтобы весь мир людей обрушился на Лесной Край? Драго уничтожит тебя. Да уже к завтрашнему рассвету ты отправишься под конвоем в Мессантию, а твои недоумки...

— Помни, с кем ты говоришь! Впрочем... — Блейри демонически улыбнулся и сделал неуловимый жест раскрытой ладонью. Бессловесный гуль, мертвой хваткой сжавший горло целительницы, полоснул выпущенными когтями.

Делле придушенно охнул. Конни бешено рванулся, понимая — бесполезно. Джелля Дезирата без звука осела на траву. Быстрая алая струйка, кажущаяся черной, побежала из-под безжизненного тела, впитываясь в землю, пробиваясь к границе отсыпанного мукой магического круга, размывая ее... Пламя свечей, воткнутое на четыре стороны света, вспыхнуло ярче. Метнулась Айла — ее никто не держал. Блейри позволил девушке замахнуть, перехватив нацеленный ему в шею удар в самый последний момент небрежным, нарочито ленивым жестом.

— Вы все умрете, — жмурясь от удовольствия, сообщил гуль. — И людишки, и их лизоблюды из числа Высших. Хватит вам топтать нашу землю, выведывать наши секреты, зариться

на наши сокровища — вы их не получите. А войны мы не боимся, и Драго мне не указ — в Забытых Лесах скрыто немало неприятных сюрпризов для любого захватчика, есть древняя магия... Никто не пройдет. Что же до зажившегося на этом свете Драго... Как думаешь, принц, что решат в Рабирах, да и в Тарантии, если вдруг выяснится, что твоя гвардейская полусотня под покровом ночи, после дружеского ужина вероломно напала на ничего не подозревающего, доверчивого Князя Забытых Лесов со свитой в его доме и успела истребить всю правящую верхушку, пока верные хранители традиций не опомнились от подобного коварства и не расправились с нападающими? Признаюсь, я не рассчитывал на столь удачное стечение обстоятельств, но вы сами как нельзя лучше все устроили. Ваши прямые мечи наносят очень характерные раны... Мы и свидетелей отыщем, если потребуется. Как полагаешь, кто станет после этого новым владыкой Рабиров? Что скажешь?

— Скажу, — содрогаясь от бессильной ненависти, процедил Коннахар, — что ты трусливый, отвратительный, завистливый ублюдок.

— Чтоб ты сдох! — выкрикнул Лиессин, извиваясь в руках своего охранника.

Блейри только брезгливо скривил губы.

— Кончайте с ними, — бросил он, отворачиваясь... и тут что-то случилось.

Меж кромкой кустарника и освещенным кругом просквозила размытая тень, бесшумная и куда более быстрая, чем подручные мерзавца

Блейри. Казалось, она вовсе не похожа на человеческую фигуру, напоминая очертаниями скорее огромную кошку, или птицу, или гигантскую летучую мышь. Из своего весьма неудобного положения Конни приметил только мгновенный серый росчерк на границе света и тьмы, и тут же гуль, выкручивавший руки Майлдафу-младшему, захрипел и рухнул навзничь, прижимая ладони к распоротому горлу. Освобожденный Лиессин немедленно выхватил меч. Ночные гости, что держали Ротана и Гиллема, дернулись на звук и умерли — один сразу, с вырванным кадыком, другой покружился несколько ударов сердца, увертываясь от чего-то невидимого и полосуюя когтями воздух, но получил удар в висок и свалился мешком.

— Она одна, во имя Темного Творения! — взревел опомнившийся Блейри, пинком отшвыривая Айла. — Убейте ее!

В ответ ночную тьму, наполненную страхом, запахом крови и ароматом лесных трав, прорезал издевательский хохот. Серый вихрь остановился на краю поляны, обернувшись госпожой Солльхин. Только теперь на ней была темная мужская одежда, в нескольких местах продранная и перепачканная, а согнутые, выставленные перед собой пальцы оцетинились десятком острейших когтей. И руки, и лицо рабирийки были густо измазаны кровью. Тем ужаснее выглядела застывшая на окровавленном лице улыбка — ослепительная и совершенно, абсолютно безумная. Вокруг ее головы плескался серебристый ореол,

и Коннахар вдруг понял, отчего Солльхин так старательно прятала от чужих взглядов свои волосы. Она же совсем седая — как белоснежный пепел на руинах сгоревшего дома. У нее нет ни возраста, ни имени, ни прошлого, ни будущего... и от рассудка тоже мало что уцелело.

— Там, внизу, я немного опоздала, ты, сволочь, — промурлыкала она, глядя прямо на Блейри. — Зато сюда успела вовремя.

Да Греттайро издал горлом странный урчащий звук, и по его жесту уцелевшие дуэргар скольльзящим, обманчиво неспешным шагом двинулись на Солльхин. Их еще оставалось шестеро. Двое или трое стражей, бросив пленных людей, потихоньку попятились к зарослям.

— Потанцуй со мной, — нежнейшим голосом пропела рабирийка, без труда уклоняясь от первого, пробного выпада. — В бледных отсветах луны, там, где только я да ты... Догони и поймай, если сможешь!

Дождаться, пока ее схватят, Солльхин не намеревалась — качнулась назад, резко взмахнула руками над головой и завертелась смертоносным колесом, устремившимся на противников.

Разобрать в точности, что происходит, человеческий глаз отказывался — угловатая путаница ног, рук, оскаленных ртов, больше похожих на звериные пасти, шипение, высокий, истошный вой. Конни еще успел заметить выпавшее из метавшегося по прогалине смерча тело, оставшееся лежать изломанным силуэтом, прежде чем мертвая хватка гуля, вдавливавшего человека в зем-

лю, ослабла. Наследник трона Аквилонии вскочил на ноги, обернулся — и услышал хруст ломающегося подростка. Сцепившиеся в бешеной схватке человек и рабириец покатались вниз по обрыву, кто-то из них завопил — не от испуга, от ярости.

— Это Ротан! — Лью пришлось кричать во весь голос, чтобы перекрыть царивший над тихой некогда лесной прогалиной шум, отчасти напоминавший пронзительные и режущие ухо звуки, что сопровождают кошачье побоище. — Ротан упал вниз!

— Где остальные? — Коннахар наконец-то дотянулся до ножен. Те вопиюще пустовали, короткий парадный кинжал затерялся в траве, в самой гуще призрачной схватки. — Ты видишь хоть кого-нибудь?

— Вон валяется Ариен, — махнул куда-то вправо Майлдаф. Ничего более он добавить не успел, потому что молодым людям пришлось сгнать в разные стороны, уходя с пути непредсказуемого клубка дерущихся гулей.

Месьору Делле несказанно повезло — его страж оказался трусоватым либо наиболее разумным среди дуэргар. Едва на поляне возникла госпожа Солльхин, гуль свистяще зашипел сквозь зубы, с досадой хватил ученого мужа из Аквилонии выпущенными когтями по плечу, разодрав одежду и оставив четыре глубокие продольные царапины, и бесшумно канул в темноту. С пяток ударов сердца Ариен лежал, уставясь в землю и не веря своему счастью, потом осторожно

приподнялся... чтобы вновь быть сбитым с ног несущимся куда-то Коннахаром.

Некое пугающее соображение заставило мэтра намертво ухватиться за первое, что подвернулось под руку — за край без того разорванного плаща принца.

— Круг! — просипел Делле. Остановленный на бегу Конни рванулся, не слушая, о чем ему толкуют. Ариен изо всех сил попытался говорить громче и яснее: — Они разрушили волшебный круг! Там повсюду кровь!

— Какая теперь разница? — Конни заполошно озираясь, ища кого-то и не находя. — Беги отсюда, пока тебя не сцапали!

Из леса донесся истошный, непонятно кому принадлежащий визг, и, словно повинувшись сигналу, мешанина сражающихся тел распалась. Двое, хромя и подвывая, бросились прочь, не разбирая дороги, трое остались лежать неподвижными черными горками.

Изрядно потрепанный Блейри, пытаясь зажать ладонью рваную рану на предплечье, медленно пятился от наступавшей на него Солльхин.

Гуль скалился, как загнанная в угол крыса. Вся его самоуверенность и холодное совершенство пропали, безжалостно разодранные на клочки и разметанные по поляне. Рабирийка, пританцовывая, шла следом, игриво перебирая в воздухе согнутыми пальцами, но не атакуя. Ветер развеивал пепельно-серебряные пряди ее волос, и женщина по-прежнему безмятежно улыбалась, слов-

но не она только что чудом избежала верной гибели.

— Солльхин, Солльхин, — еле слышно шипел Блейри, продолжая отступать и явно выгадывая подходящий миг для бегства. — Неужели ты так быстро все забыла? Кто отнял жизнь у твоих детей, Солльхин? Напомнить? Тебе этого мало? Ты убиваешь собственных сородичей и готова отдать наш край на растерзание людям! Что сказали бы на это твои дети, Солльхин? Где они? Кто виновен в их смерти?

— Ты лжешь, — рабирийка замотала головой, словно пытаясь отогнать наваждение. Они топтались на самой границе бывшего магического круга, изрытого, растоптанного и превратившегося в белесое пятно.

— Не-ет, это ты не хочешь признать правды, — скрипуче засмеялся Блейри. — Правды, которая известна всем. Твоих ненаглядных детишек прикончили люди. Мальчика и девочку, если не ошибаюсь? И твой муж-человек бросил тебя, опасаясь за собственную жизнь...

— Замолчи! — с воплем, звеневшим, как осколки разбитого хрусталя, Солльхин бросилась вперед. Блейри чудом увернулся, наотмашь полоснув когтями мелькнувшую рядом тень, и не попал — размытый силуэт в резком прыжке взлетел над ним.

Их сражение походило на головокружительные попытки леопарда сгрести порхающую в воздухе летучую мышь.

Время застыло тягучей каплей черной смолы,

в которой желтой искрой отразилась полная луна, а потом дрогнуло и сорвалось вниз, оставив расходящиеся на воде круги.

Очередной выпад Солльхин не достиг цели — рабирийка замерла в нелепой позе, запрокинув голову и словно переломившись в поясе. Руки беспомощно заколотили по воздуху, не находя опоры, и она с мягким шлепком упала на спину, ткнувшись головой в основание темно-красного валуна. Блейри, чуть наклонившись вперед, стоял над ней, словно не веря в свою победу и выжидая, когда соперница упруго вскочит, снова бросившись в бой.

Женщина не двигалась.

Присев рядом, гуль боязливо потрогал ее за плечо раскрытой ладонью. От толчка голова Солльхин грузно перекаtilась набок и осталась лежать на подстилке из рассыпавшихся седых волос и зеленого бархатистого мха. Блейри сглотнул — сухой щелкающий звук отчетливо пролетел над поляной.

За спиной гуля, шагах в пяти, сдвинулся с места застывший доселе силуэт. Неторопливо, не привлекая излишнего внимания, поднялось вверх лоблескивающее лезвие — длинное, с простой крестовиной. Меч находился в руках Лиессина, и Конни отлично представлял, что сейчас будет: при определенном везении Майлдаф с одного взмаха прикончит предводителя дуэргар, рассчитавшись за все.

Мир качнулся, до краев переполнившись нарастающим шелестящим звоном осыпающихся

звезд и мертвенно-голубоватым светом. Деревья застыли, превратившись в ряды лишенных жизни мраморных стволов. Темными, влажными пятнами чуть дымилась еще теплая пролитая кровь — человеческая и вытекшая из уроженцев Рабирийских холмов. Рассыпанные крупинки муки заблестели, как крохотные драгоценные камни. Стоявший на коленях Блейри поднял голову к бесстрастному небу и беззвучно закричал.

И вот тогда на Холм Одиночества пролился дождь.

Дождь, какого еще никогда не бывало — идущий снизу вверх. Сверкающие прозрачные капли срывались с каждой травинки, с вздрагивающих листьев, с тел погибших в скоротечной ночной схватке; зарождались на поверхности озер и рек, вырывались из затушенных костров и разведенных очагов. Они взлетали, объединяясь в тонкие струйки и устремляясь вверх, все выше и выше.

Колдовской ливень не приносил очищения и свежести, наоборот, внутри каждой капли скрывалось что-то жизненно важное, некая малая частичка Рабиров. В застывшей ночной тишине они соединялись воедино, образуя повисшее над левобережьем Хорота длинное, kloкочущее облако...

* * *

В летописях Аргоса и Зингары позже появятся отрывистые и невнятные свидетельства оче-

видцев, утверждавших, будто в одну летнюю ночь полнолуния над Рабирами встала стена призрачного фиолетового огня высотой до самых небес. Когда пламя опало, разразилась небывалая по силе и ярости гроза, бушевавшая всю ночь и еще полдня после.

Глава пятая

Бедствие

20 день Первой летней луны.

В середине дня обрушившаяся на Рабирийские холмы гроза переместилась вверх по течению Хорота, задев своим разрушающим крылом Пуантен. Крупный град побил виноградники и оливковые рощи, усеяв землю под деревьями зелеными и черными шариками упавших плодов. Ураганной силы ветер смахивал черепицу с крыш, ломал деревья и взбаламутил реку. По вышедшей из берегов Алимане, застревая под опорами мостов, кружились вырванные с корнем древесные стволы, туши невезучих овец и сорванные с привязей лодки.

Замок Орволан избежал пристального внимания буйной стихии. Надрывно завывавший всю ночь ветер, сыпавшаяся из каминов зола, пара разбитых окон и ударившая в макушку одной из

сторожевых башен молния в счет не шли. Владелец крепости больше тревожился за судьбу своих гостей, отправившихся в Рабиры. Пора бы им вернуться обратно или хотя бы дать знать, как обстоят дела. Добились они желаемого или потерпели неудачу? Может, им требуется помощь? И означает ли что-нибудь эта свирепая мимолетная буря, так не вовремя разразившаяся над холмами?

Ближе к закату, когда над замком поплыло туманное марево испаряющейся влаги, караульные надвратной башни заметили на дороге, ведущей к Рабирийскому мосту, приближающихся всадников. Числом их было пятеро, и гнали они так, будто удирали по меньшей мере от разъяренного огнедышащего дракона.

Раскатисто прогремев под аркой барбикена, незнакомцы влетели в нижний двор, где их стремительный бег завершился. Одна из загнанных лошадей поскользнулась на мокрых камнях и грузно шлепнулась, едва не переломав себе ноги.

Сбежавшиеся на шум и крики стражники немедля признали среди прибывших месьора Базенте из Риальсы, уже который год исполнявшего должность посредника между людьми и обитателями Рабиров. В ответ на невинный вопрос, от кого они спасаются, не от спятивших ли гудей, Базенте, слывший человеком редкостной невозмутимости, яростно рявкнул на опешивших гвардейцев и потребовал немедленной встречи с его герцогской милостью.

Ему даже не пришлось дожидаться — Пуантенский Леопард как раз спустился во двор, желая лично узнать, кто приехал. Рассеянно выслушав быстрый, несколько сбивчивый и изложенный полусшепотом рассказ своего доверенного лица, Просперо ограничился коротким кивком и ушел в жилую башню. С собой он прихватил второго гостя — востроухого черноволосого юнца, выглядевшего так, будто тот недавно подрался с десятком бешеных кошек одновременно. Молодого человека в замке тоже вспомнили — ведь он совсем недавно проезжал через Орволан, сопровождая наследника короны Аквилонии.

Троих оставшихся всадников — судя по потрепанной форме, гвардейцев аквилонской полусотни — и Базенте немедленно увели на кухню, строжайше запретив обитателям замка разговаривать с ними. Запрет немедленно дал повод для сплетен, сходявшихся в одном — похоже, минувшей ночью в Рабирах стряслось нечто пугающее.

* * *

Депеша, срочно доставленная Гиллемом Ларберой, состояла из нескольких строк, выведенных в несомненной спешке и заверенных смазанным оттиском кольца-печатки: двойная буква «К» под малой короной. Сам гонец сидел за столом, против хозяина замка, с жадностью допивая второй кубок разведенного вина.

«Я не могу вернуться — здесь большие неприятности, случившиеся по нашей (два последних слова

зачеркнуты) по моей вине. Необходима помощь, и как можно быстрее. Срочно отыщи с десяток толковых лекарей, а лучше — приезжай сам. Подробности расскажет Ларбера. Жду».

— Ничего не понимаю, — тревожно сказал Просперо, в десятый раз пробежав глазами неровные, бессвязные строчки. — Он что, писал это в седле? Или в темнице? При чем тут лекари? Там что, моровое поветрие? Отвечай же, демон тебя задери!

— Не кричите, — огрызнулся Ларбера. Дорогой камзол пуантенца, всегда столь тщательно следившего за своей внешностью, был продран в нескольких местах, его покрывала толстая корка дорожной пыли и грязи. Предплечье курьера украшала наспех сооруженная повязка, сквозь которую широким пятном проступала кровь. — Дайте отдышаться. В Рабирах дело дрянь, коротко говоря. Я сам не ожидал, да чего там, никто не думал...

— Послушай, юноша, — угрожающе произнес герцог, склоняясь к гонцу. — Давай-ка поточней и без драматических фраз, ладно? Я потратил немалые деньги и задействовал нешуточные связи, чтобы ты, ни в чем не испытывая нужды, был моими глазами и ушами в ближайшем окружении принца. Твои последние письма уверяли, что наследник престола развлекается безобидными фокусами и не имеет дела ни с чем опаснее серебряного столового ножа. Вам предстояло совершить увеселительную прогулку и вернуться спустя самое большее седмицу, посве-

жевшими и беззаботными. Вместо этого в Орво-лан влетают пятеро, выглядящие так, словно бежали из вольеры с голодными тиграми... Где ты получил рану?

— Гуль порвал, — мрачно буркнул Ларбера.

Просперо изумленно крикнул.

— Гули напали на вас?! Кто, почему? Проклятье, оторвись наконец от этого грешного кубка и доложи все по порядку!

— Дуэргар, — старательно, почти по буквам выговорил Гиллем. — Это название вам что-нибудь говорит? Так вот, их банда напала на нас в поместье Рунель, в ночь полнолуния, во время ритуала, будь он неладен. Похоже, они затевали маленький дворцовый переворот, а мы путались у них под ногами. Половина гвардейской полусотни перебита, Майдельт погиб. Оставшиеся еле ходят, если ходят вообще. В седле удержатся не более десятка...

— Принц жив? — с замиранием сердца перебил Леопард.

— Жив, но... как бы так сказать... — запнулся молодой человек. — Какое-то время мы всерьез опасались за его рассудок. Когда я собирался в дорогу, Юсдаль-младший и Лью договоривались потихоньку приглядывать за ним. Чтоб не натворил сгоряча еще каких-нибудь... дел.

— Обряд, обряд... — пробурчал Просперо. Не усидев, он вскочил и в волнении принялся расхаживать по комнате. — Бредовая затея снять заклятие с баронетты Монброн? Но ты же вроде уверял — это совершенно безвредно?

— Ничего подобного! — внезапно сорвался на крик Ларбера, белея от злости лицом. Звякнул опрокинутый кубок. — Я писал, что принц увлекся рабирийской девицей, роется в библиотеках, собирает какие-то замшелые фолианты! Что ничего у него не выходит... пока! И вы сочли его увлечение безвредным ребячеством, как, между прочим, и старый Озимандия! Не дорос еще, мол, наш мальчик до Проклятия Исенны, пусть себе балуется, мы приглядим... а мальчик-то весь в папеньку! Учинил такое...

— Тихо! — прикрикнул герцог. — Разошелся тут! Стены в Орволане толстые, но если так орать, в Кордаве услышат. Значит, у него получилось?

— Получилось, — откликнулся Ларбера, отывая и утирая со лба испарину, — еще как получилось... Я же говорю, Конни в отца пошел, отыскал приключение на свою голову... Словом, когда мы начали церемонию, из-под окрестных кустов повылазили дуэргар и едва нас не загрызли. На вопли примчалась эта рабирийка, Солльхин. Вы ее, конечно, не знаете...

— Знаю, и очень хорошо, — перебил Пуантенец. — Представляю, каково пришлось вашим обидчикам. Солльхин, полагаю, сейчас с принцем?

— Она погибла, — честно сказал молодой человек. У герцога вырвался глухой стон. — Ее убил Блейри — вожак дуэргар. Пока они сражались, разрушили магический круг. Кровь была везде, в круге, на камне... кровавая жертва...

Митра Милосердный, вот рассказываю и кажется — такую чушь несу! Но ведь сработало!..

— Давешняя гроза — ваших рук дело? — спросил герцог. Ларбера озадаченно пожал плечами: «Наверное...»

Золотой Леопард наклонился, поднял скатившийся со стола кубок.

— Так что же произошло? — допытывался он. — Айлэ обернулась человеком? А другие гули? Они тоже? Что с Драго? С Лайвелом, его управляющим? Где Тулеар? Иламна? Наконец, почему Конни не вернулся сам?

Гиллем устало помотал головой. Напряжение последних дней и выпитое, пусть и разбавленное, вино брали свое.

— Рабирийцы не превратились в людей. Скорее наоборот. Заклятие подействовало очень странно, видимо, в чем-то мы напутали. Кажется, они умирают. Драго совсем плох, Ариен полагает, что он не протянет до следующего рассвета. Лайвела мы больше не видели, а прочие имена, что вы назвали, я впервые слышу. — Не будь Гиллем Ларбера в столь плачевном состоянии, он, безусловно, удивился бы, откуда герцогу Пуантена так хорошо знакомо ближайшее окружение Князя Забытых Лесов. — Блейри получше, но Конни все время порывается его прикончить и, скорее всего, казнит, едва тот придет в чувство. Айлэ Монброн без сознания, как и уцелевшие дуэргар. Ставка Драго выгорела дотла. Смаживает на поджог, там повсюду трупы, — монотонно перечислял Ларбера, чувствуя, как глаза

начинают слипаться. — В Рунеле два десятка раненых, принц не может их бросить. Именно по этой причине мы понятия не имеем, что происходит в иных рабирийских поселениях. Дорог, ведущих к таковым, никто не знает, а учинять какие-либо разведки, сами понимаете, некому. Герцог, знаете что? В самом деле, съездите туда или лучше отправьте кого-то... лекарей непременно, Делле уже с ног валится, и егерей с легкой кавалерией, сотни три, и картографов... Завеса не действует, другой такой возможности как следует изучить Рабиры у вас не будет...

— Благодарю за указание, — буркнул владелец Пуантена, буравя посланника тяжелым взглядом. — Приму к сведению. Оставайся здесь и постарайся отдохнуть. С рассветом мы отправляемся в Холмы.

Он вышел, с отяжкой хлопнув дверью. Молодой человек, решив последовать полезному совету, доковылял до вытянувшейся под окном широкой скамьи и прилег. Уже проваливаясь в тяжелую, пугающую дремоту, он успел подумать: отчего бы Золотой Леопард так огорчился известию о кончине рабирийки Соляхин?

В его снах шел проливной дождь, вспыхивали змеистые молнии и бесконечно повторялось сражение в голубоватом свете полной луны.

* * *

«Дело, конечно, не терпит отлагательства, — размышлял герцог, размашистым шагом следуя

по узкой, выложенной светлым камнем галерейке в направлении жилой половины. Застывшие в нишах караульные гвардейцы лихо отдавали честь, про себя дивясь озабоченному лицу и нахмуренным бровям Пуантенца. — Не стоит оболящаться тем, что о случившемся мы провели первыми. Соглядатаев хватает всюду, даже в Забытых Лесах — лазутчики под видом дворовой услуги, конфиденты в Магической Школе... о чем-то таком мне даже докладывали... Как раз в эти мгновения кто-нибудь уже выгребает на плоскодонке к аргосцам или снаряжает почтового сокола в Кордаву... Если даже Гиллем, зауряднейший соглядатай, подумал о том же — когда еще, в самом деле, представится возможность пошарить по загадочным гульским закромам? — то в Морской Башне или Мессантии, стоит им пронюхать, мигом поставят на ноги всех наличных книжников, протрубят общий сбор... Через седмицу в Рабирах яблоку будет негде упасть от желающих приобщиться. Не грабить, упаси Митра — снять копии с магических книг, нанести на карту укрытые по лесам поселки, может быть, если повезет, добраться до легендарного Анум Недия, святая святых рабирийцев, хранилища лесной мудрости. Говорят, там собраны знания о Мире Сущем чуть ли не от начала времен... Демоны Серых Равнин, о чем я думаю! Наследник аквилонской короны остался за рекой едва ли не в одиночестве! Что, если заклятие, чем бы оно ни было, распространилось не далее лиги в ок-

ружности, и прямо сейчас в окрестностях Рунеля кишмя кишат разъяренные донельзя гули?!»

От одной мысли о подобной возможности Просперо бросило в жар. Он с трудом сдержался, чтобы не перейти на бег.

...От солнечного диска осталась малая, багрово-красная доля, едва видимая над чертой горизонта. Уже бесполезно поднимать по тревоге гарнизон, лучше сделать это утром, в запасе будет целый день, какая дорога ночью, да еще в Рабирь... Просперо распахнул дверь в жилую половину, не оглянувшись, миновал вытянувшихся в струнку часовых. Малый обеденный зал, коридор, лестница, личные покои. Кабинет и библиотека. Дальше только одна дверь — в опочивальню. Герцог замедлил шаг, остановился, в нерешительности обводя взглядом длинные ряды полок, просевших под тяжестью старинных фолиантов.

Что теперь?

Мысли разбегались, собрать их воедино удалось не сразу. Только сейчас владетель Пуантена начинал осознавать бездну, перед коей оказалась Аквилония спустя пятнадцать лет сравнительно спокойной, мирной жизни. Не в последнюю очередь именно всеобщее благодушие сыграло свою роковую роль, подумал Просперо, тяжело опускаясь в глубокое кожаное кресло — король преспокойно покидает страну, министр двора идет на поводу у своевольного наследника (в числе всего прочего верный Гиллем докладывал, разумеется, и о роли месьора Стиллиса), придворный

маг сквозь пальцы смотрит на возню наследника короны с древней магией... Ну, и конечно же, он сам, герцог Просперо, второе лицо в государстве, правая рука короля — какой демон попутал его затеять невинную на первый взгляд интригу в отсутствие Конана? Всего-то и собирался — наладить с Рабирами первую ниточку официальных отношений, заодно представив старому Драго того, кто рано или поздно придет на смену легендарному Киммерийцу... Как там говорилось в послании?

«...Свиток сей передаю с юношей, чей благородный нрав, острый ум и доброе сердце позволяют напророчить ему большое будущее. Юноша сей, хоть и не достиг еще совершеннолетия, надежды подает тем не менее самые радужные. Зовут его Коннахар, сын Конана из клана Канах. Да-да, наследник аквилонской короны. Когда-нибудь, Драго, — увы, все мы смертны, как ни горько это сознавать — он заменит своего отца, и ты будешь иметь дело именно с ним. Присмотришься к нему. Испытай его беседой. О содержании послания он не осведомлен, но уверен, всей душой поддерживал бы мои начинания. Надеюсь, вы найдете общий язык. Насчет же предоставления земли под строительство порта на ваших землях в устье Хорота — в обмен на известные тебе бумаги — крепко подумай...»

— Вот этот демон меня и попутал, — пробормотал Просперо в такт собственным мыслям. Как же, создание вольной гавани на землях Рабиров! Выход Аквилонии к морю! В будущем не исключен вассальный договор между Забытыми

Землями и Троном Льва! Мессантия и Кордава втихомолку кусают локти. Друзья шлют поздравления, завистники изнемогают, положение Пуантенского Леопарда при дворе, и без того прочное, становится совершенно незабываемым... Впоследствии оный Леопард без труда становится ближайшим соратником молодого короля Коннахара, получая фактически неограниченную власть в самой могущественной державе Заката... Только и забот — искусно свести дружбу со старым Драго, в последнее время благоволившим к миру людей, да заручиться расположением принца, коего по молодости лет легко направлять в нужную сторону. Куда проще!

От подобных мыслей герцог застонал едва не в голос и в непритворном отчаянии ударил себя ладонью в лоб.

Чуть слышно скрипнула дверь, ведущая в опочивальню, прошелестели легкие шаги. Просперо поднял голову.

— Ты не против, если я нарушу твое уединение? — спросила Адалаис Эйкар. В голосе супруги явственно слышался холодок. Помедлив, герцог кивнул. Однажды он уже имел глушость пренебречь советом Адалаис, и вот как оно обернулось...

Прекрасное лицо герцогини Эйкар хранило, как обычно, спокойное и приветливое выражение, однако по мельчайшим, недоступным постороннему наблюдателю признакам Просперо видел нешуточную обеспокоенность жены. «Сейчас скажет, что предупреждала меня, — с горь-

кой иронией подумал он. — И пускай! Любые упреки стерплю, не моргнув глазом. В конце-то концов, мне сейчас как никогда нужен добрый совет».

Адалаис Эйкар, устроившись в кресле напротив, молча смотрела супругу в глаза, и от этого укоризненного взгляда Просперо сделалось неуютно.

— Ты знаешь?.. — не выдержал он.

— Не все. Знаю, что на кортеж принца напали гули из непримиримых, ты как-то называл их... дуэргар, кажется?

— Это не самое худшее, — вздохнул Просперо и вкратце пересказал услышанное от Ларберы, добавив под конец:

— Лично я полагаю, что вышла неувязка с заклиниванием. Неправильное место, время... или еще что-нибудь, я ведь не магик, не могу даже предположить. Твердо знаю лишь одно: Конни нужно побыстрее увезти оттуда. Если узнает его отец...

— Узнает непременно, это только вопрос времени, — возразила Адалаис, и Просперо вынужден был признать ее правоту. — Что ж... Не могу сказать, что не предупреждала тебя. Этих слов ты ждешь?

— Силы небесные! — прямо-таки взвыл Пуантенец. — Да, ты была права, права стократ, а меня ослепила гордыня! Но ведь Лайвел заверял, что дуэргар больше не представляют опасности! Наши караваны возвращались в целостности и сохранности последние несколько месяцев. Мы да-

же рискнули уменьшить охрану. Да и Ларбера докладывал...

— Мне кажется или ты пытаешься оправдаться передо мной? — Адалаис Эйкар недоуменно изогнула тонкую бровь. — Напрасно. Я могла бы напомнить тебе, что ветер почти стихает перед самой грозой — это что касается дуэргар. Дело не в них. И даже не в том, что наследник Трона Льва сейчас находится без всякой защиты на враждебных землях. Но если то, что рассказал твой лазутчик — правда, как ты объяснишь королю Конану, что из-за твоего попустительства и по вине принца практически уничтожено население целого государства, находящегося под формальной протекцией Золотой Башни? Представляешь, что начнется, если в королевствах Заката пройдет слух — мол, сын аквилонского владыки балуется чернокнижием?

— Адалаис, прошу тебя...

— Ты хотел моего совета. Прежде скажи, что ты сам думаешь предпринять?

— К рассвету будут готовы выступить три сотни конных егерей, сотня легкой кавалерии и арбалетчики, — начал герцог. — С ними отправляются все, владеющие древними и тайными наречиями, книжники, ученики магических школ — таких, как ни странно, в Орволане сыскалось аж трое, — лекари и составители карт. Мы возьмем Рунель в кольцо охраны. Конни и тех, кто остался с ним, я немедленно отправлю сюда, на твое попечение. Думаю, пока не разберемся в свалившейся напасти до конца, в Тарантию им

возвращаться не стоит. Кавалерийские разъезды направятся по всем лесным тропам, где способен пройти конь, а там, где не способен, проберутся егеря. Наша задача — выяснить, насколько далеко распространилась та злосчастная магия. Если обнаружат что-то интересное — это уже задача для ученых мужей...

Герцогиня слушала его очень внимательно, чуть заметно барабанила тонкими пальцами по резному подлокотнику кресла — Просперо знал, что так у нее проявляется высшая степень волнения — и временами одобрительно склоняя голову.

— И, разумеется, я отправлюсь за реку сам, — закончил Пуантенский Леопард. — Если Конни погиб, мне не найдется спасения ни в Гайарде, ни за стенами Орволана, ни хоть в Гиперборее. Разве что в Пыточной Управе подыщут камеру без окна. Если король проявит снисхождение, по старой-то дружбе... — он невесело усмехнулся. — Что на это скажет моя прекрасная Адалаис?

— Кое-что добавит, не более, — задумчиво произнесла герцогиня Эйкар. — В своем стремлении исправлять содеянное ты все же забыл, что главное в столь щекотливом деле — пресечь слухи, прежде чем они успеют нанести непоправимый вред репутации короля и Аквилонии. Впрочем, я помнила и распорядилась. Те пятеро, что два колокола тому влетели во двор замка, должны молчать об увиденном. Молчать, как если бы родились глухонемыми... или как мертве-

цы. Хорошо бы узнать, что и кому они успели разболтать. Впрочем, это моя забота.

— Позволь, не собираешься же ты... — ошеломленно начал Просперо.

— Иштар Всеблагая, разумеется, нет! Конечно, я не стану кормить этих бедолаг-гвардейцев пирожками с цикутой. Просто прямо сейчас им наливают десятый кубок, думаю, они уже не в состоянии связать два слова... Ларберу ты забираешь с собой, а старый добрый Базенте вполне удобно расположился в Закатной башне и видеть никого не желает, я поговорила с ним, он все понял и даже не протестовал. Через пару дней все увиденное представится им самим в совершенно ином свете, как... ну, как кошмарный сон. И уж конечно, их уверят в том, что Конни ни при чем. Гули сами не справились с какой-то собственной магией. Да, полагаю, именно этой версии следует придерживаться. Знаю, о чем ты думаешь. Правильно, это будет ложь, но ложь во спасение, милый. Мы, женщины, — великие мастерицы по всякого рода слухам и сплетням. Уверяю тебя, слух о том, что сын Конана Киммерийского занимается запретной магией, способен уничтожить нарождающуюся династию аквилонских властителей вернее, чем сто легионов панцирной пехоты.

Просперо изумленно посмотрел на супругу, будто впервые заметив в ней нечто совершенно новое. Адалаис Эйкар ответила мужу спокойным и открытым взглядом, говорящим: «Что бы ни случилось, я всегда буду рядом с тобой».

...Первый, еще сонный петушиный крик слился с тревожным призывом сигнальных рожков на башнях Орволана, и их пение ознаменовало собой последнее мгновение спокойной жизни пограничного замка. Не прошло и полколокола, как Орволан превратился в растревоженный муравейник. Все распоряжения были заготовлены заранее, все назначения продуманы Пуантенцем в течение бессонной ночи. От распахнутых ворот шарахнула по тракту пыльная молния — гонец со срочным пакетом убыл в Гайард. Начальник замкового гарнизона, получив от герцога удивительный приказ, ничего не понял, но лишних вопросов задавать не стал — сразу поднял по тревоге всю немаленькую орволанскую дружину. На замену тем, кто уходил нынче за Алиману, вскорости подойдут новые сотни, повинувшись приказам, содержащимся в пакете отправленного гонца. Просторный, мощный серым булыжником двор наполнился конским ржанием, лязгом железа и заполошным людским гвалтом.

Высокоученный мэтр Кодран, бывший преподаватель тарантийской Обители Мудрости, первейший на весь Пуантен географ и книгочей, наоборот, с полуслова уловил суть, после чего вцепился в герцога как клещ, краснея, бледнея, трясясь от возбуждения и сыпля сумбурными вопросами. Просперо, сам понимавший в происходящем не более Кодрана, наорал на ученого мэтра, как десятник-ветеран на необученного растяпу. Величавого старика с безупречными манерами едва удар не хватил. Однако в результа-

те, не успел герцог вернуться в свои покои, как полтора десятка ученых мужей Орволана со всеми необходимыми пожитками взбирались в повозки, — а кто помоложе, и в седла, — готовые двинуться по первому слову хозяина замка.

Седой конюший придержал стремя, и Золотой Леопард одним прыжком взлетел в седло под приветственный рев дружины. Ни один человек не заподозрил бы при взгляде на подтянутого и молодцеватого герцога, что тот всю ночь не смыкал глаз — как, впрочем, никто не смог бы догадаться, что стояло за этой внешней бодростью и хладнокровием. Никто, кроме Адалаис Эйкар — со двора ее, стоящую у узкого окна жилых покоев, видно, разумеется, не было, однако герцогу на миг показалось, будто он различает тонкую фигуру в платье из светлого атласа, и Пуантенец отсалютовал мечом молчаливой громаде башни.

— Ну, пора, — сказал он настолько тихо, что даже Ларбера, как тень маячивший над плечом, ничего не расслышал. — И да хранит нас милосердие Митры. Может быть, все не так уж страшно.

21 день Первой летней луны.

Действительность оказалась гораздо хуже всяческих предположений.

Первый летучий отряд, возглавляемый лично герцогом Пуантенским, пересек мост через Алиману около седьмого послеполуночного колоко-

ла, оставив позади егерские сотни и повозки с «ученым людом». Возле моста Просперо повелительно поднял руку раскрытой ладонью вверх, и отряд замедлил движение, рассыпался веером, переходя с галопа на рысь. Один из всадников, ехавший по правую руку от герцога, вполголоса произнес:

— Ваша милость, неладно что-то... Кони нервничают...

Просперо и сам заметил странное поведение своего вороного хауранского жеребца. Вороной, обычно весьма спокойный под седлом, громко ржал, упрявился, не подчиняясь поводьям и упорно не желая входить на мост, с виду совершенно безопасный, прочный и надежный... и пустой. Рогатки из острых кольев, перекрывающие проезд, валялись в стороне — ну конечно, ведь Ларбера и четверо его спутников минувшим днем промчались этим же путем. Повсюду виднелись следы недавнего урагана. Похоже, колдовская гроза, зацепившая Орволан краешком, здесь разгулялась не на шутку — берега реки были густо усыпаны обломками веток, сорванными листьями и мелким лесным мусором, посреди моста валялся здоровенный сук. Окна сторожевого домика по эту сторону моста смотрели на дорогу пустыми провалами. Один из всадников спешился, подтянулся на руках, заглянул в проем.

— Эй, есть кто? — обернулся, отряхивая ладони:

— Никого, ваша милость... — и тут же с той,

другой стороны, куда все же потянулись кони, нещадно понукаемые седоками, раздался громкий упреждающий окрик. Кое-кто, в основном воины помоложе, схватились за оружие.

— Нашли, нашли! Есть один! — донеслось из-за реки. Золотой Леопард выругался, решительно двинул коня — пришлось пустить в ход шпоры. Что-то темное, длинное свернулось у низкого парапета. Рядом присели двое или трое из тех, что успели переправиться первыми.

— Что, мертвый? — крикнул Просперо и улышал в ответ:

— Никак нет, ваша милость, живой, шевелится! — впрочем, Пуантенец уже и сам был рядом, спешился, бросив Ларбере поводья. За его спиной грохотали по настилу конские копыта. Орволанская кавалерия спешила в Рабиры.

Лежащий оказался гулем, богатый вышитый пояс и дорогой кинжал выдавали в нем представителя местной знати.

Глядя на длинные иссиня-черные волосы, лишь кое-где прoderнутые питками седины, и статную фигуру, ему можно было бы дать лет тридцать пять-сорок — значит, не менее трехсот на самом деле. Моложавое бледное лицо искажено болью, конечности неестественно вывернуты, из-под неплотно прикрытых, вздрагивающих век виднеются синеватые белки глаз. Гуль едва слышно стонал.

Рядом в сторожевом домике нашли еще троих, гораздо моложе, с теми же странными признаками. Разбойного вида бородач, личный ле-

карь Просперо, только пожал плечами и высказал предположение, что гулей отравили.

— Какой-нибудь яд вроде мандрагоровой тинктуры, вызывающий неодолимые судороги... Только, ваша милость, взгляните-ка...

Сильными пальцами лекарь без малейшей брезгливости приоткрыл рот сперва одному, затем другому рабирийцу. Кто-то охнул в голос. Гиллем сказал внезапно севшим голосом:

— Сетово отродье, скорпиона мне в глотку... Значит, и вправду получилось...

Герцог, не глядя, чувствительно ткнул конфидента локтем в поддых, чтобы заткнулся.

Знаменитые, похожие на копачьи, гульские клыки, природное оружие и отличительная черта каждого рабирийца — по два в верхней и нижней челюсти — выпали у всех четверых, оставив в ровном ряду зубов зияющие черные дыры.

У памятного места — дерево-статуя, изображающая прыгнувшего оленя — снова выпала заминка. Просперо, чувствуя на себе напряженные взгляды двухсот пар глаз, первым проехал незримую черту и с облегчением перевел дух, коснувшись шершавых оленьих рогов. Завеса, много веков безотказно служившая неодолимым щитом Затерянной Земле, более не существовала, исчезла, не оставив по себе ни малейшего следа на роскошном цветущем лугу. Бурной радости по этому поводу никто не выказывал. На коротком пути от моста через Алиману нашли целую группу гулей, не менее полутора десятков, за-

стигнутых, словно ударом молнии, неведомым колдовством. У всех — уже знакомые пугающие признаки. Трое мертвы.

Кое-кто из новобранцев начал потихоньку шептаться. Десятники вкупе с ветеранами почти мгновенно пресекли нарождающуюся панику, — но всех, от безусого мальчишки-егеря до самого Пуантенца, когда отряд стальной многоголовой змеей вползал под сумрачные своды лесной тропы, не покидало неприятное чувство: словно бы они входили в гостеприимно распахнутый капкан.

Дорога ветвилась. Отряд оставлял без внимания узкие неприметные тропинки, пути охотников и собирателей трав, но вот показался широкий перекресток, исчерченный следами тележных колес. У обочины раскинул руки-указатели резной деревянный идол, черный от времени и дождей. Короткая команда Просперо, и полтора десятка всадников направили коней по дороге, ведущей к самому сердцу Забытых Лесов. Два таких же разъезда, чьей задачей было — узнать, что происходит в прочих лесных поселках, покинули колонну чуть раньше, один направился напрямик к торговому поселку недалеко от границы. При каждом разъезде имелся проводник из тех, кому уже доводилось бывать за рекой, а также обязательный лекарь. Впрочем, становилось все более очевидным, что все врачебное искусство внешнего мира бессильно перед странной чумой, поразившей Рабиры. Скорее тут могла бы магия, — но Просперо знал только од-

ного мага, достаточно посвященного, чтобы справиться с бедствием... и вот его герцог хотел бы видеть в последнюю очередь.

* * *

Альмарик в услугах проводника по Рабирам не нуждался, и Забытые Леса не пробуждали в нем никакого страха. Сорок с чем-то лет тому он имел сомнительное счастье родиться в одной из многочисленных, безымянных и никому, кроме сборщиков податей да самих местных жителей, неизвестных деревушек в два десятка домов, что рассыпаны вдоль пуантенского берега Алиманы. Еще мальчишкой ему случалось, побившись об заклад, переплывать нагишом холодную и быструю Алиману, чтобы вернуться с пригоршней диковинных прожильчатых камушков, из коих старый Орма мастерил крестьянкам красивые браслеты. Не пугали его и рассказы о жутких гулях-кровопийцах.

Это для больших городов гули были далекой страшной легендой, — а в родной деревне Альмарика, бывало, спустя положенный срок после ночи на Белтайн девки приносили в подоле пригожих младенчиков, здоровеньких и чернявых, из которых потом вырастали отменные скалды, знахари и травники. Однажды, когда колодец на деревенской околице вдруг наполнился вместо воды черной вонючей жижей, старейшины, помаввшись денек, пригласили из-за реки ведуна. Явился невысокий крепыш в черных с серебром

одеждах, сидел за одним столом со стариками, благодарил за доброе угощение и оказанный почет. Наутро гуль ушел, за ним гнали десяток лучших овец — по работе и плата — а в указанном им месте вырыли колодец с хрустальной, сладкой водой, каковым, вроде бы, пользуются и донине...

С тех пор судьба, явившаяся в образе однорукого ветерана-вербовщика, вознесла бывшего боконового пастушка до высокой должности десятника легкой кавалерии его милости герцога Пуантенского. За свою жизнь Альмарик навидался всякого, побывал на нескольких войнах, пару раз усмирять крестьянские бунты, однажды даже участвовал в облаве на оборотня, резавшего без разбору то овец на заливных лугах вдоль Алиманы, а то выпедших на постирушки деревенских девок. Притом последних проклятая тварь, прежде чем убить, насилвала самым зверским образом, из чего и стало ясно, что без оборотня не обошлось (историю эту, кстати, десятник обожал за кружкой пива рассказывать новобранцам, добавляя живописных подробностей, но опуская тот факт, что девок убивал кривой шорник из Венгусты, а овец, понятно, жрали волки). Довелось Альмарику столкнуться и с магией, от чего остался у десятника шрам-ожог на левой щеке и верный талисман на шнурке за пазухой, предупреждающий ледяным прикосновением, ежели где-то поблизости творилось волшебство (эту историю десятник рассказывать не любил — больно уж нехорошо пророчил ему привязанный к

столбу чернокнижник, когда десятник разжигал под ним костер).

Позапрошлой ночью, когда, по словам часовых на стенах, в полуденной стороне встало в полнеба сиреневое зарево, Альмарик, спросонья нехорошо ругаясь, еле успел содрать кожаный шнурок через голову и отбросить от себя подальше, — но сейчас талисман вел себя исправно, даром что шли они по колдовской земле. Висел себе, постукивая по грудной косточке. Ну, и Альмарик был спокоен. И, когда Пуантенец отмахнул ему в сторону от основной дороги, в груди у бравого десятника ничего не ворохнулось. Его десяток — точнее, полтора десятка верховых, из них шестеро рубаки хоть куда, да и остальные ничего, хотя и *городские* — повернул за командиром по широкой тропе, уводящей в самую гущу леса, туда, куда указывал почерневший от старости резной идол.

Нехорошо Альмарику стало вскоре, примерно через полколокола, когда тропа кончилась, и они влетели в поселок.

Станный поселок, нелюдской, хотя и не сразу заметишь, в чем отличие. Большой, не меньше сотни домов, и дома просторные, светлые, в один-два этажа, богато украшенные затейливой резьбой. Дерево обработано каким-то неведомым способом, отчего каждое бревнышко словно бы светится изнутри своим собственным янтарным светом. В лесу было тихо, это Альмарик отметил с неудовольствием: только топот копыт трех с лишним сотен пуантенских коней, и — ни одна

птица не поет, вспугнутая сойка не мечется меж деревьев с зашумевшим стрекотом, ни разу не шарахнулся в кусты вспугнутый олень или заяц. Только огромные сосны стоят почти что правильными рядами, как мраморные колонны в храме, на пышном, мягком зеленом ковре с алыми каплями брусники. Но то в лесу. А здесь — множество едва шевелящихся тел, прямо на земле, еще не вполне просохшей после грозы, и повисший над всем этим стон десятков голосов. Да еще страдальческий рев домашней скотины в стойлах, недоенной и некормленной со вчерашнего. Такое Альмарик видел всего однажды, когда капризная военная фортуна привела их в богатое гандерское село, в одночасье вымершее от красной лихорадки.

Где-то в доме плакал грудной младенец. Десятник соскочил с коня, не глядя, накинул поводья на столбик коновязи, скомандовал хрипло:

— Всем спешиться. Пройдите по дворам, ищите, кто на ногах держится. Кто будет грабить, оторву руки. Через полколокола общий сбор у ворот, — и пошел на этот безнадежный, затихающий плач, вроде бы доносящийся из двухэтажной хоромины с искусно сработанным ястребом на коньке крыши.

Похоже, неведомая беда застигла здешних жителей в постелях, под крышами их удивительных домов, и те, кто хоть немного пришел в себя, пытались выползти наружу — то ли помощи искали, то ли просто бездумно стремились на воздух. Одни и те же приметы: скрученные

судорогой руки-ноги, оскаленные рты... Вороти-на, явно тяжеленная и прочная, вся в бронзовых замысловатых поковках, открылась от малейшего толчка. Альмарик шагнул в исхлестанный ночной грозой двор. Два огромных лохматых кобеля рванулись навстречу с лаем, не достали на пядь — десятник отскочил — и повисли, надсадно хрипя, на крепких цепях. У стены амбара, бессильно свесив руки, сидел молодой гуль, почти подросток. Этот оклемался — завидев Альмарика, приподнял голову, стегнул воина взглядом, полным удивления пополам с ненавистью.

— Эгей! — окликнул десятник. — Ты как? Можешь говорить? Что у вас тут...

— Убирайтесь отсюда, — перебил мальчишка тихо, но твердо. — Зачем вы здесь?

— Да мы помочь вам пришли... Где ребенок-то?

— Это не ваше дело... Вам не помочь... Не ходите в дом! Не трогайте...

Но десятник уже взлетал на высокое крыльцо, перепрыгивая разом через три ступеньки. Ребенок смолк. Альмарик метнулся в одну горницу, в другую — пусто, просторно, стол с чистой льняной скатертью, цветное стекло в стрельчатых окнах. Пробежал широким коридором, без единого окна, но непонятно как хорошо освещенным. Большая комната, полная звериных шкур, тяжелых запертых сундуков, по стенам — круглые легкие щиты и непривычного вида сабли. На лавке у стены, вперив стеклянные глаза в потолок — покойник в богатых одеждах. Младенец снова заплакал, совсем тихо, гораздо ближе.

Десятник пнул ближайшую дверь и остановился на пороге детской.

Ребенок, лежавший в плетеной из лозы подвесной колыбельке, был голоден и к тому же мокрехонек, но с виду совершенно здоров. Альмарик умело подхватил его на руки (благодарение Иштар, своих таких же двое за мамкину юбку держатся), бормоча что-то бессвязно-успокаивающее и испытывая отчего-то огромное облегчение, поискал взглядом чистую холстину, как вдруг занавеска, отделявшая заднюю часть комнаты, разлетелась беззвучным взрывом.

Руки Альмарика оттягивал орущий младенец, и десятник даже не успел уклониться от налетевшего на него вихря. Что-то острое полоснуло по шее, за воротник немедленно потекла горячая струйка.

Десятник охнул, крутнулся на каблуках, и второй удар пришелся в ключицу, защищенную толстой кожаной курткой. Руки все сделали сами. Младенец каким-то чудом оказался снова в люльке, заходясь пуще прежнего, а Альмарик уже выставил перед собой длинный боевой нож, готовый к отпору, зажимая другой ладонью пораненную шею. Однако нож не пригодился — на третий удар у девчонки не хватило сил, и она едва не завалилась на выставленное смертоносное лезвие. Обычная девчонка лет четырнадцати, смуглая, черноволосая. Глаза безумные, правая ладонь в крови. Бормоча ругательства, десятник спрятал кинжал и бережно усадил неза-

дачливую защитницу к стеночке, рядом с люлькой.

— Оставь его, — неожиданно спокойно попросила рабирийка. — Он ни в чем не виноват. Убей меня, если хочешь.

— Совсем рехнулась?! — взревел Альмарик — больше от незаслуженной обиды, чем от гнева. — Что тут творится, демон всех вас задерживает? Взрослые в деревне есть?

— Пророчество сбылось, — буднично, как с чем-то совершенно обыденным, пояснила девчонка. — Мы оказались не готовы... Кто постарше, умирают... Зачем вы здесь?

— Помощь, — хмуро буркнул десятник. — Нам сказали, у вас моровое поветрие или вроде того... Ребенок плакал, понимаешь... Чем ты меня, ножом?

Гулька покачала головой. Подняла окровавленную ладонь, присогнула пальцы. Альмарик знал, что сейчас увидит, но оказалось иначе. Медленно, неохотно показались острые, янтарно-желтые когти на указательном пальце, на среднем. И все. Девчонка повернула ладонь к себе, крепко прихватила коготь на указательном пальце и с небольшим усилием выдернула, как дергают распатанный молочный зуб. Затем взглянула на человека и бледно улыбнулась, показав отсутствующие клыки.

— Да-а, — только и нашелся десятник. — Дела...

Неосознанным жестом он прижал на груди амулет. Тот оставался теплым и безучастным.

Лишь спустя четверть колокола он налился могильным холодом.

* * *

На другом конце деревни воин Эйвар по прозвищу Медведь и его приятель, который охотно отзывался на кличку «Рыбий Глаз», выполняя наказ командира, обходили дом за домом. Никого, кому можно было бы задать пару вопросов, Эйвар и Рыбий Глаз пока не нашли, зато у обоих в карманах, поясах и за голенищами сапог завалось довольно много красивых и дорогих безделушек.

Приятель действовал по одному и тому же нехитрому распорядку: наскоро обшарив очередное жилище и убедившись, что хозяева не в состоянии им помешать, совершали второй обход, куда более вдумчивый.

Эйвар до поступления на службу подрабатывал починкой замков, а Рыбий Глаз, служивший прежде в Сыскальной Управе, обладал сверхъестественным нюхом на тайники, так что дело у них шло — на заглядение. Собственно, уже теперь оба могли, вернувшись в Пуантён, безбедно прожить лет двести и оставить кое-что наследникам на обзаведение хозяйством.

— Не хватит ли с нас, братец? — осведомился Рыбий Глаз, утирая со лба трудовой пот и пристраивая за пазухой драгоценную диадему, которая так и норовила выскользнуть в дорожную пыль. — Еще немного, и я на коня не залезу без

двух помощников. Проклятье, я сам себе напоминаю ходячую гномскую казну!

Он разразился смехом, немного нервным, поскольку в последнем доме с хозяином получилось неловко. Тот пришел в себя достаточно, чтобы заговорить, но не настолько, чтобы благо-разумно промолчать. Впрочем, Эйвар, всегда слышавший краснобаем, в два счета доказал: сокровища — вампирские, значит, несправедливые. Теперь справедливость восстановлена — барахло досталось людям. Кроме того, вокруг столько мертвецов, что еще одна свернутая шея не вызовет ровно никаких подозрений.

Рыбий Глаз, почти состоявшийся богач, легко с ним согласился. Весь этот сумасшедший поселок с полудохлыми обитателями действовал нормальному человеку на нервы. Право, рассудил Рыбий Глаз, если б гули стали совсем дохлыми, было бы гораздо спокойнее.

— Значит, ты взял себе больше, чем я, экая жадина, — невозмутимо отвечал Эйвар, человек могучего сложения и гигантской силы. Как-то раз, во время усмирения крестьян в забытом богатами захолустье, он на спор ударом кулака убил лошадь, а потом и посмеявшегося возмутиться владельца. — Ладно, довольно. Вон туда заглянем, и по коням.

Он указал на дом, стоявший чуть на отшибе, больше и роскошнее прочих, украшенный особенно затейливой резьбой. Дом вождя или вельможи, или кто там у них, у вампиров этих, подумал Рыбий Глаз.

При внимательном взгляде мотивы резного орнамента показались ему несколько зловещими — цветы с зубастыми пастями вместо бутонов, сплетающиеся в жестокой схватке, вооруженные полузвери — полулюди, нарочито примитивные изображения животных и просто повторяющиеся узоры, вроде бы ничего особенного не означающие, но наводящие смутную неодолимую тревогу. Однако Эйвар бодро толкнул створку ворот, и после мгновенного колебания Рыбий Глаз двинулся следом. В конце концов, загадочная хоромина просто набита драгоценной дрянью, сказал он себе, уж я-то чую.

Дверь, ведущая внутрь, к удивлению обоих, оказалась заперта. Эйвар переглянулся с приятелем, а затем обрушил на дубовую створку чудовищный удар, который сокрушил бы и каменную стену. Петли жалобно хрустнули, дверь рухнула внутрь. Медведь довольно ухмыльнулся.

— Если что, все так и было, — прогудел он и шагнул в пахнущую чабрецом, медом и пылью темноту.

Они обошли дом кругом, и Рыбий Глаз начал кое-что подозревать. В доме никто не жил. Это вообще был не жилой дом — нечто вроде склада или чертога собраний. В отличие от прочих, где они успели побывать, просторных и светлых, этот изобиловал узкими сумрачными коридорами, крутыми лесенками и неожиданными тесными залами с верхним светом, где в центре слабо мерцали непонятные, исчерченные чужими рунами круги, а вдоль стен стояли отполирован-

ные скамьи и свисали связки сушеных трав. Бывшего сыскаря начала бить невольная дрожь. Незрячий глаз, коему он был обязан своим прозвищем, отчаянно зудел под мокрой от пота повязкой.

— Эй, послушай, — позвал он в широкую спину приятеля. — Нет здесь никаких сокровищ. Это дом здешнего колдуна. А может, ихнее капище. Пойдем отсюда, Медведь, гори оно огнем.

— Капище — это хорошо, — бурчал Медведь, уставясь на что-то в дальнем углу комнаты под самой крышей, куда они долго карабкались по узкой винтовой лестнице. — Капище — стало быть, по нашему, храм. А храм — это всенепременно камушки и всякое прочее золотишко. Жрецы повсюду народец прижимистый и запасливый, жаба их мать... отойди ты в угол, что ли, не мешай...

Он присел на корточки над здоровенным и даже с виду неподъемным бронзовым сундуком, при виде которого Рыбий Глаз мгновенно забыл большую часть своих страхов.

— Эй, — прошептал он. — Что-то мы нашли. Медведь, там сокровище нешуточное, невиданное. Я чую. Я всегда чую. Ты побыстрее открывай...

— Не зуди, — отмахнулся Эйвар, ковыряя широким кинжальным лезвием в замысловатом замке. Копался он довольно долго. Рыбий Глаз внимательно наблюдал, вытянув шею и приплясывая от нетерпения. Внезапно Медведь с проклятием отпрянул и с размаху хватил по замку

стальным оголовьем кинжала. В воздухе разлился чистый музыкальный звон.

— Ну? — выдохнул Рыбий Глаз. Эйвар осторожно откинул крышку.

— Ну?! — проревел он. — Где оно, твое, язви его, сокровище?!

В бронзовом сундуке, выстланном изнутри неведомым бархатистым материалом цвета старого серебра, на пухлой подушечке мирно покоился гладкий, непроницаемо черный металлический шар величиной с головку сыра или с ядро для осадной катапульты. Когда сундук открылся, вокруг шара медленно, точно нехотя, распространилось теплое медовое сияние. Рыбий Глаз смотрел на него, как завороченный.

Медведь грязно выругался, бросил кинжал и схватил шар обеими руками.

— Не трогай! — завопил Рыбий Глаз.

Эйвар крикнул от натуги и потянул шар из сундука.

— Тяжелый, сволочь, — прохрипел он.

Мерцающий солнечный ореол сделался ядовито-алым.

Медведь закричал и попытался разжать руки, но колдовской талисман словно бы прикипел к его ладоням. Тело солдата и его лицо стали изменяться. За три удара сердца плоть разбухла так, что треснула и поползла по шву куртка из дубленой воловьей кожи с войлочной подкладкой, лицо превратилось в морду чудовищной болотной твари. Эйвар продолжал вопить, но теперь крик его зазвучал как-то утробно. Жуткое

лицо почернело, глаза вылезли из орбит и напоминали бессмысленные глаза насекомого.

Крик оборвался, точно обрезанный ножом, и верхушка черепа мародера лопнула с омерзительным чавкающим звуком. Тело рухнуло с грохотом, от которого содрогнулся весь дом.

Алое сияние повисело в воздухе и уверенно двинулось к застывшему в дверях Рыбьему Глазу. Тот попятился, забыв про лестницу, упал и сломал себе шею.

Труп, скатившись по ступеням, выпал в тесный квадратный зал, где по стенам висели связки сушеных трав.

* * *

...Разъезды, отправленные Просперо на разведку в ближайшие пострадавшие поселки, возвращались один за другим, принося схожие вести. Повсюду одно и то же. Рабирийцы переживают некие изменения, каковые старики переносят значительно тяжелее молодых — проще говоря, мрут. Чем моложе гуль, тем быстрее он приходит в себя. Лекари ускорить или ослабить сей процесс бессильны.

Десятники докладывали, что виденные ими поселения обширны и богаты, а некоторые искренне советовали не трогать гульские магические вещички. Судя по тому, что их отряды пришли ополовиненными, совет стоило принять во внимание. Несколько дозоров пропали.

...На границе с Зингарой, в таверне крохотно-

го городка под названием Мерчетес, появился известный всему городку деревенский дурачок, божившийся, что пошел искать потерявшуюся овцу и забрел аж в Холмы, где вампиры, по его словам, «лежали вповалку чуть живые». Дурачку не верили до тех пор, покуда тот не расплатился за миску чечевицы перстнем с крупным изумрудом. Тогда поверили все. Так в Рабиры пришла еще одна беда.

...В Орволане неприметный человек со слабыми руками писаря, дождавшись захода солнца, поспешил на башню. На руке у человека, нахолившись, сидел сильный почтовый сокол с надетым кlobучком и закрепленным на лапе жестяным цилиндром. Человек, близоруко шурясь, вложил в цилиндр клочок пергамента, скормил соколу кусочек мяса, поспешно отдергивая пальцы, снял кlobучок и подбросил птицу в воздух.

«Его милости месьюру Ди Норонье, лично, спешно. За рекой неладно. Подробности не знаю. Просперо с полутысячей оружных отправился в Холмы, с ним все наличные лекари и книжники. По слухам, пала Граница. Львенок все еще там».

Глава шестая

Фаворит

*Кордава, Зингара.
20 день Первой летней луны.
Раннее утро.*

читывая свидетельства капитанов и команд торговых нефов... — легкое шуршание бумаг, чье-то заинтересованное покашливание, — «Морской конь» и «Жемчужина», приписанных соответственно к Кордавскому и Денитерскому портам, позволю себе предположить, что мы вновь столкнулись с преднамеренным и злостным пренебрежением условиями Морского Договора, причем в роли нарушителей неоднократно выступали суда под флагом короны Аргоса или принадлежащие к флоту известных торговых домов. Перечень нарушенных статей довольно пространен и красноречив, с ним стоит ознакомиться...

— Такова, откровенно признаться, не слишком радужная картина положения дел на нынешний момент. Теперь, если высокому собранию будет угодно, я хотел бы... — Быстрый, почти неуловимый взгляд в сторону восседающей во главе стола женщины, легкий разрешающий кивок. Краткая пауза ускользает от внимания прочих слушателей, и речь гладко льется дальше: — ...Перейти к изложению некоторых любопытных обстоятельств, могущих оказать влияние на склонение чаши весов в выгодную нам сторону. Во-первых, долгая тяжба между Гильдией кораблестроителей Асгалуна и торговым домом Гарельтаре из Мессантии не без нашей поддержки завершилась в пользу Шема, что, вне всякого сомнения...

Женщина — блестящие темные волосы, собранные в высокую прическу, голубое с золотом платье, широкий кружевной воротник и самую малость огрузневшая с возрастом фигура — рассеянно прислушивается к обкатанным фразам. Сведения, что прозвучат сегодня, ей уже отлично известны. Политические свары, касающиеся многострадального Морского Договора, тянутся добрый десяток лет и не закончатся никогда. Сегодня не повезло аргосцам, завтра на горячем поймут подданных Кордавы, кто-то разбогатеет, кто-то окажется за решеткой... А корабли будут по-прежнему бороздить великий Закатный Океан, чье дыхание — приливы и отливы, и люди — обманывать себя, воображая, будто именно они управляют движением мира.

«К старости ты стала не в меру философична», — со вздохом поддразнила себя Королева Моря и Суши, Владычица Океана, Правительница Золотой Башни и обладательница множества иных громких и древних титулов. За пышным сверканием порой забывалось, что у нее есть данное родителями имя — Чабела.

Чабела Кордавская, дочь Фердруго, прожившая на свете пятьдесят с небольшим лет, два последних десятилетия твердой рукой управляя доставшейся ей по наследству страной. Королева-мать и королева-вдова, не торопившаяся расставаться с властью, уступив ее подросшим наследникам. До сих пор прекрасная собой и незаурядная особа, за чьей спиной шелестело множество силетов и с чьим именем связывалось немало страниц в летописях.

Она видела свой закат и без страха ожидала его наступления.

Но пока отпущенное ей время не подошло к концу, Чабела не намеревалась сидеть сложа руки. У нее полно забот — в том числе Морской Договор, неурядицы на полуночных границах, круговерть интриг при дворе... и скромный пакет, отмеченный синей печатью с изображением трехлапного якоря.

Маленький якорек означал наилучшие пожелания Ее величеству от Тихой Пристани — в незапамятные времена так острословы прозвали департамент, занимавшийся при властителях Зингары делами темными и подозрительными. Нынче в особняке на Весельной улице распоряжался

его светлость граф Эрманд, высокородный представитель разветвленного семейства Ди Норонья. Учтя ошибки своего предшественника, чья карьера завершилась не самым благополучным образом, он предпочитал вовремя извещать королеву о некоторых своих замыслах и любопытных заграничных новостях.

Нынешнее послание оказалось кратким и емким.

«Диковинная весточка из Забытого Края — 16 дня Первой летней луны туда совершенно внезапно пожаловали с визитом Львенок и его стая. Кажется, ему искренне рады. Как полагаете, милостивая госпожа, что им там понадобилось — особенно принимая во внимание пустующее Логово?»

Забытым Краем в Зингаре всегда именовали правобережье Хорота и Рабирийские холмы. Заглазное прозвище «Львенок» принадлежало Коннахару Канаху, юному принцу Аквилонии и достойному отпрыску своего отца. Следовательно, «Логово» — Тарантийский дворец, оставшийся без хозяев, ибо правитель Аквилонии вместе с супругой, младшими детьми и частью двора еще в начале лета отправился навестить старого друга, Эртеля из Пограничья.

В самом деле, озадачилась королева, какая причина могла привести Коннахара в Рабирийские горы? Весьма странный шаг с его стороны. Как он вообще туда попал? Через Пуантен? Куда, в таком случае, смотрел всесильный герцог Полуденной Провинции? Или Леопард принимает непосредственное участие в этой аванюре? С

какими целями? Является ли известие о поездке Конни достоянием только хозяина Тихой Пристани или об этом секрете уже всюду кричат на Морском Рынке?

Повисшее в зале почтительное молчание означало, что обличительная речь, посвященная мошенническим проделкам аргосцев, завершилась, и теперь собрание ждет решения королевы.

Ждал его и говоривший — невысокий, выглядывавший удивительно стройным и гибким мужчиной лет тридцати в зеленом с алыми и золотыми вставками наряде придворного высокого ранга. На фоне яркой одежды особенно выделялась светлая, прозрачно-голубоватая кожа — ее упорно не брало даже яростное солнце Полуденного Побережья. С узкого, словно выточенного из куска редкого белого оникса лица на мир смотрели глубоко посаженные глаза бархатисто-черного оттенка, порой вспыхивающие яркими золотистыми искрами. В выражении этих глаз преобладала спокойная ирония человека, знающего истинную цену окружающим и себе — Рейениру Морадо да Кадена, уроженцу Рабириов и второму человеку в королевстве.

Нынешний совет целиком и полностью лежал на его совести. Да Кадена давно вел какую-то хитроумную игру с Аргосом, и, похоже, наметил на сегодня нанесение противнику чувствительного удара. Что ж, ежели это послужит к вящему процветанию Зингары...

— Мы полагаем, — кружевной веер в руке правительницы заколыхался, помогая ей собрать-

ся с мыслями, — что проявили достаточно терпения, закрывая глаза на досадные неурядицы, связанные с обоюдным исполнением Морского Договора. Услышанные новости вынудили наше снисхождение исчерпаться.

Королева беззвучно хмыкнула, расслышав согласное ворчание старого Гуасталлы — пусть не самого родовитого, но наиболее умудренного члена ее маленького Кабинета, главы Торговой Гильдии Кордавы:

— Сколько раз твердил — давно пора подпалить им хвосты...

На бесцеремонного купца зашикали. Выждав мгновение, Чабела невозмутимо продолжила:

— Первым шагом, предпринятым нами, будет ужесточение порядка сбора морских таможенных пошлин... особенно в отношении кораблей, держащих флаг наших любезных друзей и соседей из Аргоса. Во-вторых, надлежит оповестить...

Безукоризненной по форме и содержанию фразе не удалось появиться на свет.

Ее рождению помешал не кто иной, как Рейенир да Кадена, резким движением оттолкнувший свое кресло и поднявшийся на ноги. Обескураживающий поступок вынудил королеву замолчать, одновременно возмутив и напугав ее. Никогда ранее рабириец не позволял себе подобных неуважительных выходок, мало того — он давно прослыл при дворе образцом холодно-сдержанных манер. С другой стороны, у Рейе хватало завистников и врагов... Пусть минуло пятнадцать лет, желающих избавить дворец Зо-

лотой Башни от опасного и пугающего жильца по-прежнему хоть отбавляй.

Растерянность Чабелы длилась не более двух или трех ударов сердца. Она протянула руку к серебряному колокольчику, еще не решив, кого следует вызвать — дворцовую стражу... или лекаря?

Пошатывающийся Рейенир беспрепятственно доковылял до высокого окна, рванул тяжелую штору и с жутким глуховатым всхлипом втянул наполнивший зал свежий морской воздух. Создавалось впечатление, будто он разом позабыл об окружающих его людях, о своем достоинстве и даже о присутствии королевы.

— Месьор Морадо, — правила приличия явно могли отправляться ко всем демонам, уступая место здравому смыслу и решительности, а потому достопочтенный Гуасталла грузно выбрался из-за стола и с небывалой осторожностью приблизился к сгорбившейся у оконного проема фигуре. — Месьор Морадо, что случилось?

«Все-таки лекаря», — дрогнувший колокольчик испустил тонкий, далеко слышимый звон.

Почти сразу произошли две вещи: с тихим скрипом приоткрылась двустворчатая дверь, впуская явившуюся на зов прислугу, а Рейенир круто обернулся, едва не потеряв равновесие и не уклюже качнувшись назад. Его отсутствующий взгляд скользнул по напряженным и недоумевающим лицам, остановившись на повелительнице Зингары, так и застывшей с бесполезным колокольчиком в руке.

— Оно ушло, — отчетливо произнес рабириец лишенным всякого выражения голосом. — Со всем. Я должен...

Что именно и кому он должен, понять не удалось, ибо да Кадена перешел на непонятный людям язык и речь его стала напоминать лихорадочный бред. Собственно, он успел произнести только два или три отрывистых предложения. Потом ноги отказались его держать, и фаворит зингарской королевы неопытной кучкой свернулся на черно-красных мраморных плитках пола. Сверху мягкими складками упала сорвавшаяся с карниза занавесь.

Пронзительно, как самая обычная испуганная женщина, ахнула Чабела. Кто-то вскочил, едва не опрокинув канделябр с горящими свечами. Привлеченные криком, в дверь сунулись дворцовые гвардейцы — мелькнула оранжево-алая форма, грохнуло о косяк древко алебарды.

* * *

Старший придворный лекарь дворца Золотой Башни — Данаб бен-Иферан, уроженец Гхазы Шемской, четвертый десяток лет обитавший в Кордаве и помнивший еще времена правления отца нынешней монархии — который раз за нынешнее суматошное утро прощался с выгодной должностью. В глубине души он опасался, как бы не пришлось вскоре распрощаться и с самой жизнью. Послали же милостивые боги на склоне дней испытание — излечить хвораго кро-

вопийцу, смахивающего на покойника, на которого вдобавок не надышится взбалмошная и почти всевластная зингарка! А как его пользоваться, скажите на милость? Особенно если вас постоянно отвлекают настойчивыми расспросами, которые нельзя пропускать мимо ушей — спрашивает не кто-нибудь, но сама правительница!

К наступлению второго послеполуденного колокола терпение Данаба истощилось, и оттого свое мнение он высказал несколько более резко и безжалостно, чем полагалось по законам Гильдии врачей.

— Это не отравление, — внимательно слушавшая Чабела украдкой облегченно вздохнула. — Во всяком случае, не отравление с использованием обычных в таком случае ядов вроде корня желтого лотоса или ирханчайского гриба. Мне также не удалось обнаружить примет зловещих болезней, внезапно поражающих человека в расцвете сил и лет... Недомогание его милости чрезвычайно напоминает глубокий обморок, вызванный душевным расстройством или тягостными жизненными обстоятельствами. Не исключаю и того, что сей недуг есть прямое или косвенное следствие... э-э... необычного происхождения месьора да Кадена и проистекающих из этого привычек, либо же является настолько своеобразной болезнью, что ни мне, ни кому другому неизвестно, как приступать к ее лечению. Однако не будем отчаиваться прежде времени. Может статься, природа возьмет свое и через день-другой...

— Я хочу его увидеть, — перебила зингарка и

поднялась с кресла, зашуршав многочисленными складками широких юбок. Бен-Иферан мудро решил не возражать.

Рейе Морадо да Кадену перенесли в гостиную его собственных комнат, расположенных неподалеку от покоев королевы. На всякий случай Данаб распорядился распахнуть в комнате все окна, но задернуть их занавесями, создав желтоватый полумрак, и посадил рядом с больным двух учеников, поручив им тщательный надзор за малейшими изменениями в состоянии рабирийца. Таковых, впрочем, не происходило — загадочное порождение Холмов оставалось пугающе неподвижным. Правда, Рейенир дышал, но так медленно и незаметно, что в первый миг Чабела приняла его за мертвого и отшатнулась.

— Его милость жив, — заверил правительницу лекарь, мысленно добавив: «Надолго ли?»

Словно опровергая слова почтенного врача, подопечный внезапно шевельнулся, невнятно бормоча, словно пробуждающийся человек. В следующий миг его начала бить сильнейшая и совершенно необъяснимая судорога, дополнившаяся приступами резкого кашля пополам с кровью. Подмастерья заполошно суетились вокруг кушетки, отиравшаяся рядом горничная с серебряным тазиком и стопкой перекинутых через плечо полотенец начала хлопать носом, и только присутствие королевы спасло ее от заслуженной выволочки. Чабела тревожно хмурилась, наверняка собираясь упрекнуть бедного лекаря во лжи или соучастии, и Данаб не

представлял, как бы выпроводить ее из комнаты...

В коридоре гроыхнуло железо, начальственно рывкнул и испуганно смолк гвардейский бас. От порыва невидимого ветра взлетели оконные шторы и сами собой перевернулись страницы забытой на каминной полке книги. Горничная, увидев посетителя, обморочно пискнула и уронила таз, а бен-Иферан с преувеличенной досадой всплеснул руками и устремил на королеву укоризненный взор. Подобно многим обитателям дворца, он недолюбливал (говоря откровенно, терпеть не мог!) этого прихлебателя Ее величества.

* * *

Если верить туманным и противоречивым слухам, сию сомнительную ценность, также как и Рейе да Кадену, Чабела обрела в бурные времена Битвы Драконов, как позже назвали краткую и яростную стычку между претендентами на трон Немедийской Империи. Чем королеве приглянулся рабириец — понимали все. Даже заклятые противники не отказывали месьюру да Кадене в живом уме, привлекательности и способности заставить себя уважать.

Но ради чего госпоже Зингары требовалось общество мрачного и нелюдимого типа, высокомерно именовавшего себя магом и при том не состоявшего ни в одном из уважаемых магических орденов? Вдобавок никто из придворных —

кроме, разве, самой Чабелы и нескольких близких друзей — не мог похвастаться, что видел лицо подозрительного колдуна (носившего имя Элара из Рабиров и отзывавшегося на прозвище Хасты). Вместо обычной человеческой физиономии взглядам любопытных представала бесстрастная, ничего не выражающая личина — маска из мягкой тисненой кожи, вытершейся до цвета старого красного дерева, с узкими прорезями для дыхания и разговора. Еще одно отверстие располагалось на месте левого глаза (для правого — отсутствовало), и в нем тускло поблескивал зрачок — серый, оттенка речной гальки. Маска плотно облегла голову и шею, удерживаясь с помощью тонких ремешков, скрытых прядями некогда темных, а теперь пегих от седины волос, и превращая человеческую голову в подобие деревянной скульптуры.

Дамы при виде эдакого чудовища иногда падали в обморок, их мужья и поклонники тщетно пытались убедить Ее величество удалить колдуна из Кордавы, но пока успеха не достигли. Маг приезжал в столицу Зингары, когда хотел — чаще всего летом, — и всегда встречал у королевы радушный прием.

Как сегодня.

Вошедший тремя огромными шагами пересек гостиную, оказавшись рядом с лежанкой. Подчиненные лекаря опасливо шарахнулись в стороны, когда их задела края разлетевшегося плаща — темно-синего, слегка выцветшего и вылинявшего.

— Ваше величество, как можно доверять шарлатану и проходимцу столь деликатное и ответственное поручение? — шепотом возопил оскорбленный бен-Иферан. На самом деле он мысленно потирал руки: отлично, пускай в случае неудачи королевское неудовольствие обрушится на магика!

— Ступай, — почти по слогам произнесла Чабела. Лекарь попятился. — Уходите все. Почтенный Данаб, я по-прежнему ценю твои услуги, но сегодня в них нет нужды. Передай стражникам мой приказ — никого сюда не впускать.

Комната опустела раньше, чем она договорила. Правительница Зингары присела на тонконогое креслице и с боязливым любопытством стала следить за действиями гостя, не решившись задать ни одного из тревожащих ее вопросов. Она догадывалась, что стала свидетельницей использования сил, обычно именуемых магическими, но, к сожалению, природа дала ей возможность только смутно ощущать присутствие рядом чего-то загадочного и непонятного. Вдруг становилось холодно, спустя миг Чабела различала — или ей казалось, будто различает? — отдаленную мелодию, перемежаемую шелестом ветра в листьях, треск ломаемого дерева и глуховатое звяканье...

Как в полусне она увидела протянутую руку с разведенными в стороны длинными, узловатыми пальцами («На безымянном — тонкое серебряное кольцо с черным агатом», — услужливо подсказала память). Ладонь, чуть подрагивая, за-

висла над окостеневшим лицом Рейе, и тот беззвучно выдохнул:

— Я должен вернуться домой.

«Именно эту фразу он хотел произнести утром, прежде чем впал в забытие, — догадалась королева. — Но ни о каком посещении Рабиrow и речи быть не может! Рейе нужен мне здесь!»

Вслед за речью к Рейениру вернулась способность двигаться — он рывком сел и немедленно согнулся, с усилием втягивая воздух и словно захлебываясь. Человек в синем плаще заставил его лечь, после чего гуль вполне осмысленно огляделся по сторонам. Виногато улыбнулся, заметив Чабелу, нахмурился и растерянно пробормотал:

— Почему я ничего не слышу?

— В каком смысле? — ошешила зингарка.

— Все вокруг... Люди во дворце — их мысли, само их присутствие, — каждое связанное предложение давалось Рейе с огромным трудом, — раньше я отчетливо слышал их, мог догадаться, о чем они думают и чего добиваются, а теперь вокруг пустота... В лесах складывают погребальные костры... Мне нужно уехать! — убежденно повторил он.

— Никуда ты не поедешь, — скрывая под решительностью растущую тревогу, заявила Чабела. — По крайней мере, прямо сейчас. Ты свалишься с коня, не одолев и четверти лиги... Кто-нибудь может внятно растолковать, что происходит? — она едва не сорвалась на раздраженный окрик.

— Минувшей ночью над Рабирами пронеслась

бура, — заговорил молчавший доселе третий участник беседы. У него оказался низкий, слегка надтреснутый временем голос человека, привыкшего отдавать команды на поле сражений. — Ее вызвала чья-то недобрая... или несведущая воля, и она многое унесла с собой. Мне жаль, Ваше величество, но Рейе... то есть месьюру да Кадена сегодняшним же вечером придется отправиться в Рабирийские холмы. Я поеду с ним, ибо то, что там происходит, крайне меня тревожит.

— Меня тоже, — королева взглянула на высокую фигуру напротив, запоздало вспомнив, что отточенное с годами умение различать мысли по выражению лиц в данном случае ей не поможет. — Но я хотела бы знать...

«Вот и все, — горькая, усталая мысль пришла откуда-то со стороны, робко присев пороге. — Твоя удача исчерпалась до дна. Пятнадцать счастливо прожитых лет зачеркнуты и больше не имеют значения. Ты же всегда знала, что когда-нибудь этот миг настанет. Он уедет в свои ненаглядные Рабиры и не вернется. Здесь нет ничьей вины — ни моей, ни его. Просто отпущенное нам время закончилось. Я стану для Рейе еще одним воспоминанием... и я делала все, чтобы это воспоминание было приятным».

21 день Первой летней луны.

На королевском почтовом разъезде и соседствующем с ним постоялом дворе «Счастливая подкова», что на полуденной окраине городка

Алькалад, лежащем возле самого подножия зловещих Рабирийских гор, видывали всякое. Заполюшных гонцов, везущих толстые сумки с печатями казначейства либо же известного торгового дома. Подозрительных курьеров, снабженных грозными бумагами с устрашающими подписями. Останавливалась здесь как-то даже черная карета с железными решетками на окнах, в которой перевозили в столицу изловленного злодея короны.

Потому двое верховых, влетевших на полном галопе в большой двор, никого не удивили, разве что распугали мирно квохтавших кур.

На шум из дверей трактира выглянул служка и сразу юркнул обратно — известить хозяина о возможных посетителях. Зашевелился дремавший подле стены конюшни конюх, особенно когда заметил капавшие с лошадиных морд хлопья пены и мыла. Чалый жеребец выглядел еще ничего, но рыжая кобыла еле держалась на ногах. Бедное животное даже язык вывалило, так его загоняли. Должно быть, мчались без передышки от ближайшей станции, а та расположена в добрых десяти лигах отсюда, как раз у переправы через Флемму. Быстро путешествуют только дурные вести, значит, куда-то пришла беда.

Свалившийся с лошадиной спины человек остался стоять рядом с мокрой, дрожащей кобылой, согнувшись и уперевшись ладонями в колени. В том, что нижнюю половину его лица закрывал плотный черный шарф, не крылось ни-

чего таинственного — как еще спастись от неизбежной мелкой желтоватой пыли зингарских дорог? Вот незнакомец рывком содрал повязку и надрывно закашлялся, сплевывая на твердую как камень, землю вязкие красные сгустки. Придя в себя, бросил мимолетный взгляд по сторонам и, пошатываясь, направился к станции.

Второй всадник, сухопарый верзила в потрепанном синем плаще, успевший вылезти из седла, поймал его за плечо, строго спросив: «Ты куда?»

— Берем свежих лошадей и едем дальше, — бросил Рейе да Кадена единственное связное предложение, использовавшееся им на протяжении пути. Остальные его речи сводились к невнятным ругательствам. — Мы почти у цели!

— Вот именно, — согласно качнулся темно-синий капюшон, жестом подзывая замешкавшегося конюха: — Не хотелось бы привезти в Холмы твой охладевший труп. Кроме того, здесь неплохо кормят, а хозяин имеет полезную привычку собирать различные слухи.

— Я не хочу есть, — Рейенир дернулся, пытаясь освободиться от железной хватки спутника. Не преуспев, сдался: — Ладно, будь по-твоему. Передохнем колокол, не больше.

Новый долгий приступ удушающего кашля застал гуля в дверях таверны. На сей раз вместе с россыпью кровавых пятен о доски крыльца глухо ударился маленький, влажно поблескивающий предмет цвета отполированной кости. Вещица смахивала на клык хищного животного — тон-

кий, острый и слегка изогнутый. Рейе торопливо подобрал его и сунул в карман, беззвучно прокляв небо, землю и собственную горькую судьбу.

— Еще один? — с холодноватым сочувствием осведомился Эллар.

Ответа не последовало.

* * *

Занимавший весь нижний этаж обеденный зал таверны пустовал, если не считать кучки местных горожан, сидевших в дальнем углу и вполголоса о чем-то споривших. Меланхолично вытиравший кружки за стойкой хозяин «Подковы» при виде гостей слегка воспрянул духом и приветственно махнул рукой, указывая на стоящий особняком стол, отгороженный хлипкой деревянной перегородкой.

— Нарочно для тебя соорудили? — вяло поинтересовался Рейенир, усаживаясь.

— Я частенько проезжаю через Алькалад, — подтвердил маг. — Почтенный Орхис счел, что такая ходячая диковина, как я, привлекает лишних посетителей, и по мере сил заботится о редкостном клиенте.

— И как оно? Не противно выступать в роли ярмарочной диковинки? — скривился Рейе.

— Ничуть. Пальцами никто не тычет — опасаются. И потом, отчего бы не оказать маленькое содействие приличному человеку?

— Человеку... — с непонятной интонацией протянул месьор да Кадена. — Никогда не заду-

мывался, каково это — быть человеком. Таким же, как тысячи тысяч тебе подобных, обитающих на этой земле. Вдобавок человеком, обремененном уймой трудностей, и отлично знающим, что еще вчера он был чем-то иным. Чем-то гораздо большим... — он извлек из кармана загадочный клык и принялся быстро вращать его между пальцев. — Впрочем, тебе ли не знать... Скажи-ка — гадость, что со мной нынче творится, как, подозреваю, и со всем моим народом, — это то, о чем я думаю? Значит, сбылось пророчество? Но, во имя Единого, отчего так тяжело?..

— Ну-у, мой юный друг, ты требуешь от меня слишком многого, — развел руками Эллар. — Честно говоря, сам теряюсь в догадках. Видишь ли, Рейе, проклятие Безумного Исенны единственное в своем роде. Знаешь, в чем его особенность? Его нельзя снять, я имею в виду, нельзя уничтожить или отменить. Это так называемое *именное повеление*, зачатое с помощью истинного имени магика, которое, разумеется, должно храниться в строжайшей тайне. Мне неизвестно, как на самом деле звали Исенну. Собственно, я не знаю даже истинных имен Драго или твоего, хотя могу узнать, если понадобится... Одолеть Проклятие пробовали многие, я и сам пытался не раз, но это вроде замка с очень хитрым секретом: не имея ключа, ни за что не откроешь. А ключ похоронен в могиле вместе с истлевшими костями Безумца.

— Кто-то же открыл, — упрямо тряхнул головой гуль. — Что, нашелся некто посильнее тебя?

— Да Мрак Изначальный его ведает, — раздраженно донеслось из-под кожаной личины. — Может, и выискался умелец. Только, сдается мне, тут скорее счастливый случай... или трагическая случайность. Что не удалось мастерам, получилось у везучего недоучки.

Рейе да Кадена схватился обеими руками за голову и уставился в выщербленные доски стола, будто надеясь прочесть там некое откровение, подсказывающее ему, как жить дальше. Подошедший к столу трактирщик глянул на темноволосого молодого человека в потрепанном дворянском костюме с легким недоумением и обратился к Эллару:

— Так и знал, что ваша милость вскорости объявится. Слыхали небось, какие чудеса в наших краях творятся? Два дня тому над холмами встал колдовской огонь до неба, а потом гроза началась, да такая, какой старики не припомнят. Говорят, не то конец света грядет, не то Рабиры скоро сквозь землю провалятся...

— Не провалятся, — заверил хозяина таверны Эллар. — Сооруди-ка нам, почтеннейший, чего-нибудь вкусного, как ты умеешь, да побольше, путь у нас неблизкий и печальный... Что еще говорят в достославном Алькаладе?

— Болтают всякое, — сообщил Орхис, всем своим видом показывая, что сплетни досужих трепачей его нимало не интересуют. — Недавно гуртовщики из Мерчетеса хвалились, что, мол, скоро всякий поганый вампир в Холмах — не в обиду будь сказано благородному месьору —

получит по своему личному, хорошо заостренному колу в брюхо. Грозилась, что, дескать, повыжгут да поперережут весь, извиняюсь, тамошний змеюшник, покуда кровососы валяются в лихоманке. Оно конечно, народишко в Мерчетесе гнилой, сооврут — недорого возьмут... но тут, похоже, не ввали, очень уж глаза у них блестящие, и спешили они, ну прям как на ярмарку с бесплатной выпивкой. Нищие они там, в Мерчетесе, потому злые, за медный сикль мать родную удавят... Так что ежели в Холмах и впрямь поветрие, не завидую я тамошним бедолагам.

— А из Рабиров ничего не слышать? — с нарочитым равнодушием поинтересовался маг. — Неужто и впрямь все поголовно занедужили?

— Насчет того, что поголовно — врут, но какая-то беда у них стряслась. Своими глазами видел парочку тамошних насельников — вчера еле-еле сюда приковыляли. Страшные, ободранные, что твой...

— И где же они теперь? — нетерпеливо перебил да Кадена.

— Лусенита приютила, — после некоторых колебаний сообщил трактирщик. — Она навряде знахарки нашей будет. Шальная какая-то — сколько таскалась в Холмы и ничего, возвращалась живая-невредимая. Хотите на кровопийц глянуть? От «Подковы» пройти до второго перекрестка, свернуть налево, третий дом по правую руку. Поосторожнее с Лусенитой — ежели заподозрит чего дурное, повернется и дверью хлоп-

нет... Эй, а куда приятель-то ваш делся? Ведь только что здесь сидел!

Может, Рейенир и потерял изрядную часть своих способностей, но умение незаметно исчезать посреди разговора пока оставалось при нем.

* * *

Нужный дом оказался приземистым строением из местного красноватого песчаника, с многочисленными пристройками и сараями. Пропадавший Рейе да Кадена обнаружился возле нуждавшихся в починке ворот, с другой стороны которых стояла крупная женщина средних лет, в зеленой вышитой блузе и ярко-алой юбке — надо полагать, упомянутая Лусенита. За ее подол цеплялся, чуть покачиваясь, бледный и казавшийся изнуренным долгой болезнью мальчик. Выглядела алькаладская знахарка настороженной и сердитой, рабириец — расстроенным и еле сдерживавшим злость. Рейе внимательно слушал женщину, одновременно шаря по карманам, пока не извлек на свет тяжелый кожаный мешочек. Не развязывая, сунул в руки собеседнице, наклонился через забор к мальчику и быстро сказал ему что-то, заставившее ребенка нехотя кивнуть.

Собственно, Эллар мог без труда услышать их беседу от первого до последнего слова, но зачем лезть в чужие тайны? Если Лусените известно нечто важное, Рейенир сам поделится известным.

Разговор закончился. Женщина быстро направилась к дому, уводя за собой мальчика. Рейе смотрел им вслед, и ярость на его подвижном лице сменялась угрюмой тоской. Гуль резко повернулся и зашагал обратно к «Счастливой подкове». Он не удивился, столкнувшись на ближайшем перекрестке с терпеливо ожидавшим магом.

— Их там четверо, — медленно заговорил Рейе, пристально глядя себе под ноги. — Двое — совсем дети, по людским и по нашим меркам, подросток и почти взрослая девушка. С ними шел еще один ребенок, тоже мальчик, но он умер сегодня ночью. От безысходности, как выразилась почтенная Лусенита. Все беглецы — родственники, из клана Аерри. Они почти не разговаривают, но кое-что вызнать удалось. Их поселок располагался в пяти лигах к полуночному восходу отсюда, число жителей — чуть меньше сотни. После недавней грозы старшее поколение слегло и больше не поднялось. Способные держаться на ногах чувствовали себя крайне скверно, их немногие магические таланты и наши обычные способности пропали — также, как у меня... Кто-то вспомнил про Лусениту — она, похоже, водила близкие знакомства с некоторыми из тамошних жителей. Решили идти к ней, но тут в деревню появились люди. Кто такие, откуда, как сумели миновать Завесу — дети не знают. Чужаки прикончили тех, кто не успел спрятаться, разграбили дома, покидали добро в повозки и тронулись дальше. Уцелевшие, пони-

мая, что вряд ли сумеют добраться до ближайших соседей, рискнули отправиться в Алькалад. Теперь они здесь, в относительной безопасности, но Лусенита опасается, что вскоре по городу поползут слухи об укрываемых ею вампирах. Я дал ей денег и посоветовал уехать куда-нибудь... Только куда им бежать? В столицу? Этим еще повезло, но что станет с остальными...

— Должно быть, охранное заклятие Холмов исчезло вместе с Проклятием, — спустя десяток пройденных в молчании шагов заметил Эллаар. — Описанная же детьми банда есть не что иное, как осмелевшие крикуны из Мерчетеса. Если я верно понял моего друга Орхиса, грабители, обремененные растущим караваном, движутся вдоль внезапно сгинувшей Незримой Стены к полуночи...

— Значит, мы последуем за ними, — криво ухмыльнулся гуль. — Даже не пытайся меня отговаривать.

— В мыслях не имел, — маг пожал плечами, широкие складки на выцветшем синем плаще дрогнули. — Идем добывать лошадей. И не пугай здешнего почтаря до смерти, ладно?

Глава седьмая

Справедливость

21 день Первой летней луны.

Вейениру да Кадена не понадобилось злоупотреблять имеющейся властью и размахивать листами подорожных, заверенных личной печатью Чабелы Зингарской. Служащий почтовой станции в Алькаладе счел разумным немедленно выполнить требования двух странных проезжающих. Развившееся за долгие годы службы чутье подсказывало: не стоит искушать судьбу.

С этого гранда из столицы, обладателя на редкость мрачного и тяжелого взгляда, и его подозрительного спутника вполне стало бы, не получив желаемого, обратить здание разъезда в живописные дымящиеся развалины, украшенные мертвыми телами всех, кто подвернется под руку.

Почтарь безропотно выдал путешественникам лучших лошадей на подмену, клятвенно пообещал как можно скорее отправить в Кордаву доверенный ему пакет и выбрался на крыльцо, дабы своими глазами убедиться — диковинная парочка отбыла восвояси. Ускакала быстрой рысью на Восход, к поднимающимся в отдалении голубоватым отрогам Рабирийских гор. Только пыль взметнулась.

Из распахнутых дверей таверны «Счастливая подкова» высунулся Орхис, посмотрел вслед удаляющимся всадникам и понимающе кивнул.

Граница Холмов, проходившая вдоль русла быстрой неглубокой речки, и в самом деле пропала, оставив по себе рассеянное в воздухе ощущение холода — словно поблизости медленноталя огромный сугроб. Эллар нарочно проехал четверть лиги вдоль бывшей Завесы, пытаясь осознать природу разрушивших ее сил, но не преуспел.

Делиться своими безрадостными наблюдениями с Рейе он не стал по одной простой причине: гуль временно оглох к любым посторонним звукам и желал только одного — как можно быстрее двигаться вперед. Маг не стал задумываться о том, куда, собственно, они направляются. Это решится позже, когда будет покончено с бандой грабителей.

Над странно притихшими, словно пытающимися вжаться в землю Рабирами медленноплыли по-осеннему серые облака. Порыв ветра принес откуда-то еле различимый запах гари. Пре-

следователи, молча переглянувшись, свернули в ту сторону.

Тропа вывела к небольшому, в десяток домов, поселку — может, тому самому, из которого бежали осиротевшие дети клана Льерри.

С первого взгляда стало ясно, что по крайней мере здесь они опоздали, хотя совсем ненамного, — некоторые из разбросанных там и сям тел еще не успели остыть, а кровь — подсохнуть. Возможно, полусотни жителей кто-то успел избежать расправы, но большая часть осталась здесь. Поджигать весь поселок лихие парни из Мерчетеса не рискнули, опасаясь привлечь лишнее внимание, но погуляли на славу. Распахнутые настежь двери, догорающая часовня Лесных Хранителей в центре деревушки, кружащиеся над единственной улицей пестрые куриные перья... Все трупы обобраны дочиста. Да Кадена сгорбился в седле, временами издавая странные звуки, похожие на рыдание. Однако глаза рабирийца были сухи, а лицо превратилось в страшную маску горя и ненависти.

— Посмотри на это! — закричал он, оборачиваясь к магу. На ступенях часовни ничком вытянулся мертвец в традиционных рабирийских одеждах, на вид совсем мальчишка. Вогнанные страшным ударом вилы торчали у него между лопаток. — Ты только посмотри на это, Эллар! Добивали беспомощных вилами и ножами, как скотину! Что же это за люди, Эллар?! Что за звери?!

— Крестьяне, ослепленные жадностью и оту-

певшие от нищеты, — ответил маг. Кожаная личина пребывала бесстрастной, но, судя по дрогнувшему голосу, увиденное проняло и его. — Напились для храбрости браги и все равно шарахаются от собственной тени. Возьми себя в руки, Рейе. Мы скоро их догоним. Больше такое не повторится, ручаюсь.

— Конечно, — мрачно ухмыльнулся гуль, оглаживая рукоять тонкого меча-эстока. — Конечно, догоним. Я им, тварям, припомню эту деревушку...

Маг пожал плечами и смолчал.

На окраине нашлись следы недавно пропавшего здесь каравана. Извилистые глубокие колеи от осевших под тяжелым грузом повозок и множество полукруглых лунок, выбитых копытцами. Пустые бутылки и кувшины, небрежно брошенные на обочину. Осколки чего-то хрупкого, вдребезги разбитого обухом топора. Шкатулка с тускло поблескивающими украшениями, явно упавшая с телеги. Трепещущие на колючих ветках придорожного терновника клочки тонкой ткани — кто-то решил поскорее обновить позаимствованный в безымянном поселке наряд. Скомканная пригоршня листов пергамента, наверняка выданных из украшенного цветными камнями переплета...

— Смотри, они повернули, — заметил Эллар. — Направились назад, к границе. Должно быть, подводы перегружены. Даже самый жадный смекнул — все Рабиры не вывезти. Темнеет, скоро караван встанет на стоянку. Рейе, бедная ло-

пасть ни в чем перед тобой не провинилась, хватит ее пинать... Скажи лучше, что ты намерен делать, столкнувшись с пятью десятками полупьяных кметов?

— Изрублю в мясо, — зло буркнул да Кадена. — Руками рвать буду... за Аьерри.

Неподалеку послышалось конское ржание, и маг повелительно поднял ладонь, призывая сохранять тишину.

Спешившись и привязав лошадей, они двинулись на звук. Зрелище, открывшееся их взору, было весьма занимательным.

Крупный конь светлой масти, под хорошим седлом, топтался на краю узкой прогалины, раздраженно фыркая и дергая обмотанные вокруг тонкой сосны поводья. Рядом громоздилась вместительная повозка, запряженная парой равнодушных ко всему существу волов. К бортику привязана за рога упитанная бурая коровенка, в самой телеге угловато торчат небрежно сваленные кучей сундуки, ящики, свертки и повизгивающие рогожные мешки. На передке телеги сидел, опасливо косясь по сторонам, тощий долговязый парень, сжимая в трясущихся руках арбалет. Поодаль торчал еще один, постарше годами и не столь испуганный. Он увлеченно глазел на происходившую у него под ногами возню — среди колыхавшейся травы размеренно ерзало и пыхтело что-то живое.

Окончилось действие тем, что с земли поднялся самый обычный человек, смахивающий на зажиточного хуторянина. Отряхнулся, пнул сапо-

гом нечто, по-прежнему скрытое травой, и принялся деловито затягивать ремешки на штанах, раздраженно ворча:

— Хоть дернулась бы разок для порядка, нежить снулая... Разлеглась, как бревно, шипит да плюется...

— А я? — засуетился ожидавший. — Ты ж обещал, помнишь? Сам сказал — мол, все будем делить поровну!..

— Охота тебе со всякой мерзостью валяться, — пренебрежительно бросил старший. — Ладно, только по-быстрому. Того и гляди помрет девка, тебя не дождавшись.

Он шагнул к повозке, едко ухмыльнувшись раздавшемуся сзади визгливому воплю, и слишком поздно смекнув — вскрик похож не на довольный, а на предсмертный. Караульный вытаращился, заплотшно ойкнул, выронил арбалет и попытался спрыгнуть с телеги. Замысел почти удался, не считая досадной мелочи: в мокрую от росы травы рухнул уже не живой человек, а его останки, вяло хватающиеся ладонями за неведомо откуда выросшую между ребрами узкую витую рукоять.

Хуторянин — мелкий лавочник из Мерчетеса, самоуверенно решивший наравне с прочими жителями городка пожить за чужой счет — все-таки успел обернуться. Со стороны темнеющего леса к нему шел — или летел? — стремительный расплывчатый силуэт. Никогда в жизни упитанный лавочник не бегал так быстро, и успел-таки достигнуть спасительных зарослей, где

с разбегу врезался в нечто, на первый взгляд показавшееся древесным стволом.

Жертва мародеров лежала на сорванном со стены чьего-то дома ковре, некогда разноцветном и пушистом, а теперь щедро вымазанном в грязи. Руки ей связали за головой, из одежды оставили изодранную в лохмотья рубашку, но женщина вроде бы дышала...

— Скоты, ах какие скоты... — бормотал Рейе, трясущимися руками разматывая узел на лохматом обрывке пеньки, коим самым жестоким образом были скручены кисти стонущей девушки. — Грязные подонки... Иламна?!

— Иламна, — не менее изумленно удостоверил подошедший следом маг. Рядом с ним в траву шумно свалилось нечто тяжелое, скулящее и невыносимо смрадное. — Творец Предвечный, вот так встреча! Э, да она еле жива! Рейе, дай ей хлебнуть из моей фляжки... Да хватит, хватит! Как, полегчало?

— Кхх... гады... — прохрипела рабирийка, держась за горло, на котором расплывались следы чьих-то грязных пальцев. — Я не вам... Темные Боги! Эллар, а с ним Рейенир да Кадена! Вы убили тех ублюдков?

— К сожалению, они умерли быстро, — буркнул Рейе, поддерживая девушку в сидячем положении, поскольку ноги ее пока не слушались. — Сейчас тебе станет лучше. Сколько я знаю Эллара, во фляге он обычно таскает жуткий сорокатравничек Солльхин, который мертвого подымет. Ну что, лучше?

— Лучше, — кивнула гулька, одна из приближенных Драго, что-то вроде личного секретаря, доверенного лица и курьера Князя Забытых Лесов. — Рейе, если тебя не затруднит... там, в телеге... чем-нибудь прикрыться. Мер-рзавцы... Нет, фляжку оставь...

Рейенир почти мгновенно вернулся, принес из наваленного в телеге добра ворох добротной рабирийской одежды. Покуда девушка, охая и невятно ругаясь сквозь зубы, приводила себя в порядок, да Кадена обнаружил неопрятную груду в траве у ног одноглазого мага и с возгласом ярости схватился за кинжал.

— погоди, — Эллар перехватил его руку. — Успеется. Сам же жаловался, что они умерли чересчур быстро. У меня к нему есть пара вопросов. Эй, животное! Встать!

Лавочник приподнялся на четвереньки. На большее его не хватило, и он снова попытался спрятаться в невысокой траве. Тогда Эллар протянул руку, сграбастал незадачливого насильника за ворот рубахи и без видимого усилия, как котенка, вздернул на ноги. Гуль попятился и с отвращением скривился — смердело от мародера невероятно.

— Это он с перепугу, — пояснил маг. — Неужели я такой страшный? Надо же... Эй, ты! Сейчас расскажешь все, о чем я спрошу. Иначе тебе станет очень больно. Веришь?

Лавочник быстро и мелко закивал.

— Сколько человек в обозе?

— Н-не знаю, — промямлил тот, белый, как

мел. — М-много. Четыре дюжины, а м-может пять.

— Кто?

— Пьянь всякая, крестьяне, гуртовщики, ремесленная гильдия...

— Стало быть, ты у нас аристократ... Кто заводила?

— Ченго, кабатчик... Толстый такой, с белой бородой...

— Как давно ушли из поселка? Захватили с собой кого из местных?

— Колокола три, может, четыре тому, а местных мы всех... — тут лавочника затрясло, и он с воплем хлопнулся на колени. — Пощадите! Демон меня под руку толкал, сам не ведаю, как вышло! Жена дома осталась, мать больная, пощадите!..

— Рейе, ты его ни о чем спросить не хочешь? — брезгливо сказал маг.

— Кто заколол вилами мальчишку в поселке? — ледяным голосом спросил да Кадена. — Того, у часовни?

— Старший над гуртовщиками, Макол Тесак. Тот еще бандит, похлеще Ченго! Он...

— Довольно, — оборвал Рейенир. — Времени у нас мало. Нельзя их упустить. Иламна, ты готова?

— Готова, — ответила рабирийка. Она подошла, ведя в поводу того самого пегого жеребца под седлом с непривычно высокой лукой. — Хотя, конечно, в седло сяду без удовольствия. Эллар, спасибо за флажку. Ты прав, Рейе, надо спешить.

Пока они взбирались на коней — маг и Рейенир привычно ловко, Иламна — закусив губу и морщась от боли, — лавочник потихоньку, не поднимаясь с колен, пятился в сторону леса. Внезапно он вскочил и побежал, петляя, как заяц.

— Иламна, за тобой должок, — глядя в сторону, сказал Рейе вполголоса.

Рабирийка пустила коня в галоп, одновременно вытягивая из седельных ножен легкую изогнутую саблю. Сначала послышался полный ужаса вопль. Затем свист и короткий удар.

* * *

— Между Князем и нынешним правителем Пуантена уже давно — то есть лет десять — шла оживленная переписка. Драго и Солльхин чрезвычайно этому радовались. Постоянно гоняли меня и вестников Лайвела в Гайард, Орволан или Монсею, — рассказывала Иламна, ехавшая между Рейе и Элларом. Преследование изрядно отяжелевшего каравана из Мерчетеса продолжалось, лошади шли крупной рысью, и теперь уже не оставалось никаких сомнений в том, что грабительский обоз будет перехвачен еще до границы. — Они добились успеха — в шестнадцатый день Первой летней луны, то есть пять... или шесть?.. дней тому в Рунель пожаловали высокие гости из Аквилонии. Тамошний наследник трона и его свитские. Мне они понравились, особенно принц Коннахар, — рабирийка тряхнула

челкой, некогда кудрявой, а теперь свалывшейся в паклю. — Все шло замечательно, даже Блейри вел себя на удивление пристойно...

— Блейри в Холмах? — не то с удивлением, не то с отвращением уточнил Рейенир.

— Ему опять досталось в Мессантии и он прибежал спасаться, — пояснила девушка. — У Драго состоялась долгая беседа с аквилонцем, а на следующий день он позвал меня и велел скакать в Токлау — торговый поселок над Алиманой. Там я должна была отдать старейшине письмо Князя и подыскать охранников, чтобы те проводили меня через земли Зингары в Кордаву. Охранников-людей, Драго особенно на этом настаивал. А я не послушала, — она сокрушенно махнула рукой. — Решила, что вполне справлюсь сама. Что я — дороги не помню? Почти добралась до полуденной границы Холмов, и тут началась эта жуткая гроза...

При одном воспоминании о полосовавших небо ослепительных зарницах и холодном проливном дожде Иламна съежилась и заговорила быстрее:

— Я решила переждать ливень в каком-нибудь поселке. Отыскала тропу... и вдруг стало происходить что-то жуткое. Меня скрутило, я упала с седла... Ползла куда-то, думала, что умираю, пыталась звать на помощь... Должно быть, валялась поблизости от дороги и попала на глаза этим отродьям. Они прихватили столь ценную добычу с собой. Никак не могли решить, как лучше мной распорядиться — выставить на

общее веселье или попользоваться самим и затем продать куда-нибудь...

— Все уже позади, — успокаивающе произнес маг. — Лучше постарайся вспомнить: Драго, отправляя тебя в дорогу, не велел передать что-нибудь особенное? Какие-то свои подозрения? Догадки?

— Да ничего такого, — нерешительно протянула рабирийка. — Хотя вот что: он упомянул «Скрижаль изгнанников» и спросил, помню ли я текст предсказания, где упоминается Дитя Осени. Я смогла прочесть только начало, а он засмеялся и сказал, что это, в сущности, неважно. Мол, будущее приходит вне зависимости от речений безумных пророков и наших желаний. Нужно только не упустить миг, когда оно встанет на твоём пороге. Еще он добавил: пришло время подумать о разделе наследства. Посему желательно, чтобы Рейенир да Кадена на десяток дней расстался с Ее величеством Чабелой и приехал в Холмы. Если он — то есть ты, Рейе, — помнит о своем долге и том, что он был и остается старшим отпрыском Князя...

И тут Рейенир, с лица которого в последнее время не сходило выражение сосредоточенной задумчивости — какое бывает у человека, пытающегося поймать явственное, но ускользающее воспоминание — заорал едва не в голос и с размаху треснул себя ладонью в лоб.

— Что?! — дернулся маг. — Слепень?

— Какой, к лесному духу, слепень!.. — простонал гуль. — Я идиот! Причем дважды! Удрал,

не найдя времени толком попрощаться с Чабелой и объяснить ей, что творится — это во-первых! А во-вторых, она же мне рассказывала — Ди Норонье недавно пришло сообщение из Орволана о диковинных гостях, пожаловавших в Холмы! Тебе простительно, ты же почетный гость королевы и, как всегда, выше дворцовых сплетен, но я-то хорош! Всем известно, что сын Конана потерял голову от дочки Райана Монброна, и что Коннахар родился осенью... Правитель Аквилонии сейчас в отъезде, а его отпрыск, которого мы по привычке считали малым ребенком, предпринял самостоятельные шаги... Ты понял?

— Та-ак, — зловеще протянул одноглазый. — Ведь ты прав, пожалуй. Вот и отыскался везучий недоучка. Только вот как ему удалось справиться с...

— Дымом потянуло, — сказала вдруг Иламна. — И едой. Это они.

— На самой границе поймали, — проворчал маг.

Лес кончился, словно обрезанный ножом, и всадники выскочили на большое пустое пространство. Перед ними простирался поросший разнотравьем огромный луг. В сотне шагов стояло кольцо полтора десятка телег, рядом мирно паслись стреноженные лошади. В сгущающихся летних сумерках горели костры, распространяя сладковатый запах жареного мяса, и нестройный хор полупьяных голосов выводил:

...Хей-хо, крошки! Повыше ножки!
Сердцу будет веселей!
Эй, кабатчик! Опустел стаканчик,
Ну-ка, красного налей!
Спляшем, парни, спляшем!..

— Ладно, спляшем, — холодно согласился да Кадена, вынимая из ножен меч. — Элар, тебе как сподручнее — клинком или магией?

— Мне оставьте парочку, — усмехнулась Иламна.

Одноглазый молча спешил и скрестил руки на груди.

— Ты что, маг? — скорее недоуменно, чем зло спросила рабирийка. — Забыл Льерри? Или, может, тебе наплевать?

— Их там с полсотни, — задумчиво произнес маг.

— Да хоть тысяча! — рявкнул Рейе, рискуя быть услышанным у костров. — Чего стоят полсотни пьяных лапотников против троих конных воинов? Лесные Хранители, да они даже на ноги вскочить не успеют! Тебе ли не знать, как это бывает!

— Даже и опасности никакой, — поддержала Иламна. — Мы их просто вырежем.

— Этого я и боюсь, — сказал Элар. — Рейе, Иламна, постарайтесь понять. Да, они — тупые, злобные, невежественные скоты, у некоторых руки в крови... Но не у всех, и потом, там, в Мерчетесе, у каждого из них осталась семья. Дети, коих они, какими бы скотами ни были, кор-

мят и защищают, и жены, которые их, вот таких, любят. Они-то чем провинились? Великое небо, да вы сейчас можете уничтожить разом половину этого грешного городка!

— Во имя Аьерри, маг... — яростно начал Рейе, однако Иламна опустила глаза.

— Именно во имя Аьерри, — ответил одноглазый. — И так слишком много зла случилось на этой земле, а ты хочешь учинить еще одну бойню. Чем тогда мы будем отличаться от них?

— Да какого демона?! — взвыл Рейенир, поднимая лицо к темнеющему небу. — Зачем мы битых полдня скачем за ними по пятам? Пусть катятся к своим женам и детям с награбленным добром и живут припеваючи, а тот мальчишка из Аьерри остается гнить в земле! Поди ты в болото, в таком разе! Иламна, да или нет? Нет? Тогда я сам...

— Постой, — прервал его маг тихо и недобро. — Разве я сказал, что отпускаю их безнаказанными? Они получают урок, который запомнят на всю жизнь. Оставайтесь здесь и ждите меня.

Он поднял руки и развязал кожаные ремешки, удерживавшие маску. Синий плащ, в сумерках кажущийся черным, вдруг без всякого ветра трепыхнулся у него за плечами. Рейе поднял руку, защищаясь от внезапно нахлынувшего ощущения смертельной угрозы. Кони шарахнулись, тревожно фыркая.

— Во имя Аьерри, — сказал маг, не оборачиваясь, — да свершится возмездие. Но будем же судьями, а не мясниками.

* * *

Кабатчик Ченго, владелец постоянного двора «Тавро и подкова», пребывал в прекрасном расположении духа и шил, не отказываясь, одну за другой подносимые ему чарки с вином. Тем более, что за вино платить не придется — одинаковые пузатые бочонки таскали с одной из подвод, а подвод этих, доверху груженных разнообразной военной добычей, вокруг стояло десятка два, никак не менее. Интересно, лениво подумал Ченго, кровососы сами вино гонят или завозят из Аргоса? Скорей всего сами. В винах кабатчик разбирался как никто, но такого пробовать не доводилось. Легкое, радостное, ни в какое сравнение с шемским или аргосским, пусть даже и лучших сортов. Даже жалко, подумалось ему, переводить добро на эдакий сброд. Это ж сколько можно выручить в столице за дюжину бочонков? Но считать не стал, чтобы не расстраиваться, махнул рукой и вновь наполнил кружку. День нынче славный, редкий денек. Пухлый кошель с добычей уютно устроился за пазухой. Пускай жрут. Да помнят его, кабатчикову, прозорливость и доброту.

Мог бы ведь не говорить никому, когда дурачок Марефа — вон, пьяный в дымину, отмачивает всякие штуки на потеху Маколу и его банде — брякнул на стойку изумруд с орех величиной в затейливом тяжелом перстне. Все одно Марефе никто не верил до поры. Что до колечка дорогого и еще много чего, распиравшего Марефе хол-

шовую суму, так куда уж проще: поманил дурака в сараюшку, обласкал по башке поленом, и поминай как звали. Но кабатчики — народ смекалистый, хоть в белокаменной Кордаве, хоть в дыре вроде Мерчетеса. Что с того, что Забытые Леса стоят пустые? Одному туда соваться не с руки, — и потом, много ли унесешь на одном горбу?

И залез тогда Ченго, отдуваясь, на табурет да произнес речь (драгоценный марефин мешок, обмененный на бочонок кислого шемского пойла, к тому времени уже покоился в пристройке под стропилами).

После первых слов все притихли. Увидев перстень — взвыли и кинулись вон. Не успел Ченго слезть с табурета, как в пятнадцати дворах уже швыряли пустые мешки на подводы. Чтоб крестьянин от дармовщинки отказался? Да ни в жизни. Ну, и на счастье — видно, за всю его трудную и, что греха таить, не совсем честную жизнь привалило разом — в зале как раз гулял Тесак со своими головорезами. С ними Ченго не раз обделывал делишки, за которые, узнай кто, болтаться бы кабатчику на первом же суку. Люди Тесака вопросов не задавали — прихватили свои страховидные ножи, бичи из воловьей сыромятной кожи с железной оплеткой на граненом конце и через два удара сердца сидели трезвехоньки по коням. Когда эти были рядом, на любого вампира Ченго плевать хотел с Золотой Башни. И на пограничную стражу, каковая, кстати — везло нынче белобородому ка-

батчику, ох и везло — ни разу еще не показалась на глаза.

Тесак, ражий чернявый детина с продувной усатой физиономией, сидел по ту сторону костра, хохоча над коленцами Марефы. Его красное от выпивки и близкого огня лицо еле виднелось сквозь пляшущие языки пламени, кожаная шляпа с широкими полями, непрменный атрибут всякого уважающего себя гуртовщика, небрежно сбита на затылок. Вокруг с кружками и кувшинами в руках расселись два десятка таких же шумных и скорых на нож молодцев, орали песни, галдели кто во что горазд. Кто-то уже взялся метать кости на только что обретенное богатство. Прочая голытьба из Мерчетеса близко к ним старалась не садиться. Макол, встретив взгляд кабатчика, отсалютовал кружкой.

Ченго поднялся на ноги.

— Друзья! — прокричал он, надсаживаясь, чтобы перекрыть гомон вокруг костра. — Выпьем за нашего дорогого Макола из Аламаса, за наше процветание и за гибель вампирского племени!

Предложение встретили одобрительными криками и стуком глиняных кружек.

Ченго выпил вино залпом, не ведая еще, что это последнее вино в его жизни, и выплеснул остатки в костер.

Огонь, и без того немаленький, с ревом вздулся выше человеческого роста, будто не глоток вина, а ведро горючей жидкости плеснули на раскаленные угли. Пирующие отшатнулись,

закрывая лица рукавами. Окаменев от изумления, Ченго смотрел, как из бушующего белого пламени выступает огромная человеческая фигура в плаще, отливающем вороненой сталью. Пламя не причиняло прищельцу никакого вреда, напротив, едва тот сделал шаг за границу костра, повеяло таким холодом, что, казалось, сочная трава вот-вот подернется инеем.

Человек, а быть может, демон из иного мира поглядел на Ченго. У него была только половина лица, словно высеченная из черного камня, и жуткая мешанина шрамов вместо другой половины.

— Ты — Ченго, кабатчик из Мерчетеса, — громыхнуло над лугом, и кабатчик рухнул, словно ему подрубили колени. Этот голос, холодный и равнодушный, похожий одновременно на горный обвал и на мерную поступь легиона панцирной пехоты, не мог принадлежать человеку. — Ты пойдешь со мной.

— Тесак, — проскулил Ченго, цепляясь за последнюю надежду.

Макол из Аламаса вынырнул из-за спины демона бесшумно, как кот, сжимая в одной руке длинный нож, а в другой — бич из воловьей кожи, страшное и беспощадное оружие зингарских пастухов. Его люди, отталкивая друг друга, пытались убраться подальше от костра, но упирались в незримую упругую стену. Тесак не сделал даже попытки удрать. Он напал, молниеносно и без предупреждения. Его бич, просвистев в воздухе, обвился вокруг шеи чужака.

И, едва коснувшись его, рассыпался клочьями серого пепла.

Демон в человеческом облике не спеша обернулся к головорезу.

— Тебя более нет, — упали тяжелые слова, подобно приговору. Макол завопил и прыгнул вперед, нацелив нож под ребра прищельцу. Тот выбросил руку и схватил голой ладонью острое, как бритва, лезвие. Гуртовщик попытался отскочить — и не смог, бросил нож — но пальцы намертво приросли к костяной рукояти. Его затрясло.

Демон продолжал тем же леденяще безучастным голосом, слышным далеко за пределами луга:

— Никто из вас не уйдет, пока не свершится возмездие за преступления, содеянные вами. Убийцы заплатят смертью за смерть. Прочих я отпущу, но никогда более вы не переступите границы этой земли.

— Никогда! Клянемся! Отпусти нас! — визгливо выкрикнул кто-то из крестьян, сбившихся, как стадо, в кучу у незримого круга.

— Кто ты? — прошептал Макол по прозвищу Тесак. — Назови себя, чудовище!

— Чудовище ты, а не я, — сказал маг по имени Эллар. Он протянул руку и коснулся указательным пальцем середины лба гуртовщика. Тесак начал называть имена. Он показывал на тех, на чьих руках была кровь жителей Льерри, и тот, на кого он указывал, умирал еще до того, как касался земли.

— Это все? — спросил маг, когда головорез замолчал. Тот молча кивнул. Маг пристально посмотрел ему в глаза, и бандит упал на четвереньки, отпустив наконец рукоятку ножа. Прополз несколько шагов, мыча невнятную околесицу и роняя тонкую ниточку слюны, сел и залопотал что-то похожее на детскую считалочку. Марефа бросился к нему с радостным воплем.

— Соберите мертвых, — обернулся Эллар к оставшимся мародерам, среди которых слышался истерический смех вперемешку с рыданиями и молитвами. — Возвращайтесь в Мерчетес. Скажите: никому дороги в Холмы огнь не нет. Помните: зло, сотворенное вами, вернется к вам стократ и убьет вас.

Те, кого маг отпустил восвояси, бегом бросились разгружать одну из подвод, не веря своему счастью. Кто-то увел двух дурачков, цеплявшихся друг за друга. Все это время, пока последняя из подвод, увозящая трупы, не скрылась в ночи, маг неподвижно высился рядом с угасающим костром, под ночным небом, и перед ним на коленях стоял белобородый кабатчик. По лицу Ченго катились крупные капли пота. После увиденного он не надеялся на прощение, и теперь под черепом туго пульсировала единственная нелепая мысль. Он неженат. Бездетен. Если есть какая родня, так разве что в Бурготе, где он родился полста с небольшим лет назад... кому же достанется «Тавро и подкова» с драгоценным мешком, надежно запрятанным под крышей в сарае?..

— ...Впечатлен, — Рейе слегка трясло. Иламна

взирала на одноглазого мага с суеверным почтением. — Было... жутко. Пожалуй, теперь я согласен с тобой: просто порубить их всех было бы куда менее поучительно. Эти больше не вернутся, но граница большая...

— Поддай мне тот мешок, — перебил Эллар. Его лицо, не скрытое маской, было суровым и сосредоточенным. Рейенир подал искомый мешок, отцепив его от седла могучего вороного жеребца мага, при этом мешок издал глухой металлический лязг. — Оставайтесь здесь или разбейте лагерь где угодно, только не приближайтесь ко мне до утра.

— Что ты собираешься делать? — тревожно спросила Иламна. — Это не опасно?

— Нет, — коротко ответил маг. — Скорее противно. Мне нужно провести... один ритуал. К утру я закончу.

— Можно узнать, для чего предназначено сие действо? — осведомился Рейе.

— Можно. Я восстанавливаю Завесу.

— Как? Но ведь Корона Лесов... — ахнула рабирийка.

— ...мне не нужна. Здесь другое... иная магия. Скверная, но весьма действенная. Я обещал, что более никто не проникнет в Рабиры? Так оно и будет. Теперь прошу меня извинить. Осталось не так уж много до восхода, а ведь нужно еще дать тем несчастным время покинуть Холмы.

С этими словами маг подхватил мешок с инструментами и растворился во тьме. Следом за ним, не дожидаясь ни приказа, ни жеста, покор-

но, как привязанный, потащился кабатчик. Его белый овчинный жилет какое-то время виднелся смутным пятном, затем исчез и он.

К полуночи Рейе и Иламна, мающиеся без сна, заметили крохотный огонек, отсвет небольшого костра вдалеке. Более ничего. Сперва они до рези в глазах всматривались в этот ничтожный отблеск, потом потеряли к этому занятию интерес. Если Эллар и использовал какую-то магию, то обычным взглядом ее было не различить. Робкая попытка да Кадены прибегнуть к волшебному зрению закончилась впустую — он увидел только непроницаемый мрак да еще и голова разболелась.

К рассвету, когда обоих уроженцев Рабиров сморил тяжелый предутренний сон, чуткую тишину ночи прорезал чей-то отчаянный вскрик. Землю встряхнул тяжелый мягкий удар, а свет костерка затмился на миг ослепительно-алой вспышкой.

Рейе проснулся от пронизывающего холода. Занималась заря. Рядом зашевелилась Иламна, выбираясь из-под груды мехов, натащенных с одной из подвод. Одноглазого мага они увидели одновременно. Он шел своей обычной размашистой походкой, сжимая в руке тяжелый мешок, но возвращался почему-то не с той стороны, куда уходил, а с той, где по разнотравью проходила незримая граница между Рабирами и королевством Кордавским. Один.

Лицо мага вновь скрыла непроницаемая маска из мягкой коричневой кожи.

А за его спиной, клубясь и переливаясь всеми оттенками мрака, встала угольно-черная стена в сто локтей высотой, протянувшаяся сколько хватало глаз. Стена, казалось, живет своей собственной жизнью. Первый луч восходящего солнца упал на нее и сгинул, поглощенный этой бархатной, бездонной чернотой.

— Что это?! — выдохнул Рейе, когда Эллар уселся рядом, сбросив брякнувший мешок на землю.

— Вуаль Мрака, — ответил маг. Голос показался рабирийцу бесконечно усталым. — Очень противная штука, но абсолютно непроницаема и совершенно безвредна. Какой же длинный выдался день...

Глава восьмая

Завещание

22 день Первой летней луны.

Визый тяжелый дым висел над пологим склоном, нехотя сползая вниз и распластываясь над озерной водой. Весь нынешний день был засыпан мелким пеплом и насквозь пропитался сладковатым ароматом тления — запахом безвозвратно уходящего времени. Не хватало только оглушительной тишины, похожей на болотную трясину.

Впрочем, о какой тишине может идти речь в поселке, до отказа переполненном озабоченными егерями и кавалеристами, хлопочущими лекарями и книжниками, которые даже при наступлении конца света будут оживленно делиться открытиями и впечатлениями?

Погребальный костер разгорался — прозрачные оранжевые язычки высовывались то здесь,

то там, с жадностью охватывая высокую поленницу. На ее вершине покоилось накрытое лазурно-серебряным знаменем тело Князя Забытых Лесов, а вокруг застыл ровный квадрат пуантенской гвардии. Поодаль маленькой группкой держались уроженцы Холмов, сумевшие встать на ноги и прийти сюда.

«Приходило ли Драго в голову, что в последний путь его проводят не только сородичи, но и люди? — беззвучный смешок Просперо самую капельку отдавал легким безумием. — Нехорошо так говорить о покойных — вдобавок считавшихся твоими хорошими знакомыми и близкими соседями — но Драго удалился на редкость вовремя, предоставив нам расхлебывать злее ядовитое варево и разгадывать его загадки. Небось, стоит где-нибудь в сторонке и посмеивается. И призрачная тень Солыхин бродит по берегу — не в ее правилах уходить, не дождавшись конца затеи».

Огонь лизнул свисающий край стяга, по бревнам потек тонкий ручеек плавящихся серебряных нитей. Низко, тревожно выводили свою незамысловатую мелодию сигнальные рожки — «Слушайте все, слушайте все...» — заставив лагерный шум отступить куда-то в сторону. Когда на месте деревянной пирамиды останется горка дотлевающих углей, лагерь вернется к обычной жизни, но сейчас настала пора прощаться.

«Отряд принца наверняка уже в Орволане, — тоскливым мыслям о бренности жизни не удалось выстоять под натиском размышлений о на-

сущных делах. — Как там Адалаис? Явилась ли конная тысяча из Гайарда или еще в пути? Хорошо, что Конни уехал — одной головной болью меньше. Недоставало только, чтобы он громко обвинял себя во всех неурядицах, включая кончину Драго, или объяснялся с разозленным до предела Рейениром. Ведь да Кадена непременно примчится домой, даже если вестник Драго до него не добрался — чтобы он не говорил, родные края ему чуть-чуть дороже общества несравненной Чабелы. Примчится и потребует ответа. Между прочим, я представления не имею, куда подевался их треклятый Лесной Венец... Драго упомянул, будто надежно укрыл его в известном месте — но где именно? Под каким-нибудь приметным камнем? В тайной пещере? На дне реки?... Кого бы я с удовольствием отправил на дно озера, так это Блейри вкупе с прихвостнями. Где они теперь? Затаились, как раненные звери? Прячутся где-нибудь поблизости и выжидают удобного момента?... Местонахождение Венца вроде бы известно Лайвелу, но поди отыщи самого Лайвела, если он как сквозь землю провалился...»

Пуантенский герцог и его люди находились в Рабирах уже почти целые сутки, а бегство Блейри да Греттайро открылось только прошлым вечером, незадолго до заката. Тяжелый замок на дверях погреба, где полагалось смирно отсиживаться вожаку дуэргар и его единомышленникам, пребывал аккуратно взломанным. В подвале нашлись спрятанные за неподъемными вин-

ными бочками трупы — человек в форме аквилонского гвардейца и гуль, умерший от ранений, нанесенных не то коротким стилетом, не то звериными клыками. На земляном полу валялись разлохмаченные обрывки веревок и изодранный плащ — черный, с золотой вышивкой по краям. Никаких иных следов беглецы не оставили.

По всему выходило, что помощь им оказали извне. Коннахару сотоварищи не удалось отыскать в окрестностях послужившей местом ритуала возвышенности всех своих противников. Кто-то из непримиримых к людям рабирийцев, отлежавшись и придя в себя, рискнул выручить угодивших в застенки соплеменников.

Десятник Хотурр, сменивший покойного Майдельта на посту командира изрядно поредевшей охранной полусотни наследника престола, и Юсдаль-младший на два голоса твердили, будто число пленных не превышало дюжины, следовательно, они не отважатся на новое нападение. Золотой Леопард выслушал, но рассудил иначе. По его распоряжению мирное имение над озером начало превращаться в укрепленный военный лагерь, отгородившийся от сумеречного леса полукольцом ярких костров и бдительной стражи. На скорую руку даже соорудили в развилках высоких деревьев секреты для лучников и арбалетчиков, хотя многое ли можно разглядеть в ночной темноте?

Конни и его приятели в этой деловитой суматохе не участвовали. Едва взглянув на валящегося с ног от усталости и тревоги принца и его

свиту, выглядящую ничуть не лучше — Ротан Юсдаль, скособоченный от толсто намотанной повязки, синий от недосыпа мэтр Делле, страшно похудевшая и бледная, как сомнамбула, баронетта Монброн — Просперо тоном, не терпящим возражений, прогнал молодежь отсыпаться.

Лишь далеко за полночь, проверив и перепроверив выставленные посты, убедившись, что раненные и недужные получают надлежащий уход, уточнив с командирами сотен все детали предстоящего дня, герцог позволил себе расслабиться. В конечном счете, ничего сверх уже достигнутого ни он, ни кто-либо иной сделать просто не могли.

* * *

Ранним утром, когда над озерной гладью еще плавали последние клочья ледяного рассветного тумана, отдохнувший принц Коннахар со свитой и приданной свежей отборной полусотней охраны отбыл в направлении аквилонской границы. Робкая попытка Конни доказать, что он необходим здесь, в Рабирах, не имевшая под собой ни единого веского доказательства, вызвала у обычно сдержанного Пуантенца припадок настоящего бешенства.

Разговор сей единственно божественным промыслом обошелся без нанесения ущерба чести и здоровью наследника престола (а самое главное — без свидетелей). Конни, похоже, оскорбился до глубины души, но Леопарду было на это напле-

вать — лишь бы мальчишка побыстрее оказался на полуночном берегу Алиманы.

Проводив кавалькаду, Просперо заглянул в ярко-зеленый шатер, приткнувшийся к стене охотничьей хижины. Обитатели шатра уже были на ногах, или, может, вообще не ложились, занятые чрезвычайно важным делом — записью и упорядочиванием добытых разъездами сведений. Заправляя работой достопочтенный мэтр Кодран, и в данный миг он вкупе с тремя помощниками корпел над составлением приблизительной карты Рабирийских гор. Чертеж получался огромный и красочный. На столе разложили желтоватый лист пергамента размером в полную долю и постепенно наносили на него зеленые пятна лесов, синие прожилки рек и разливы озер, но в особенности — красные пятна найденных поселков. К удивлению Пуантенца, таковых оказалось довольно много — он почему-то считал, что население Холмов невелико числом и селится на большом расстоянии друг от друга.

Месьора Кодрана особенно занимало известие одного из разъездов о том, что к полудню от Рунеля, лигах в десяти или чуть более пролегает хорошая, вымощенная ровными каменными плитами дорога, убегающая к Полуденному Восходу. Мэтр испытывал сильнейшее искушение лично взглянуть на диковину и разузнать, куда она ведет. Может быть, к крупному городу, к пресловутой легендарной столице Рабиров? Страшно представить, в таком случае, как обстоят дела в этой самой столице! Ее уцелевшие жители на-

верняка нуждаются в помощи! Кстати, сколь долго ваша милость предполагает еще пробыть в Холмах? К гулям, как утверждают старшие разъездов, понемногу возвращаются силы, и вскоре те начнут выражать недоумение касательно пребывания на их землях такого количества незваных гостей.

Бывший преподаватель естественных и философических наук, был, как всегда, кругом прав. Люди не могут оставаться в Рабирах до бесконечности... если только рабирийцы сами того не пожелают. Как они могут это сделать? Также, как поступили бы люди — выразив свое согласие от лица правителя. А где находится повелитель Холмов? В маленькой комнатке на чердаке охотничьего домика, пребывая в состоянии, которое Эвье Коррент назвал «не жизнью и не смертью, но ближе к последнему», и в чем лично убедился заглянувший в верхние покои Пуантенец. Куда делись свитские Князя Лесов — сказать трудно. Может, погибли. Обшаривающие леса егеря уже не раз находили рабирийцев, застигнутых шквалом разгулявшейся магии в пути, на охоте или просто вдалеке от ближайшего жилья. Однако среди тех, кого в полубессознательном состоянии доставили в Рунель, знакомых Просперо пока не встретил. Он нарочно распорядился о более тщательном розыске отдельных личностей, но здраво предполагал, что здесь все зависит от удачи и стечения обстоятельств. Ищущие могли пройти в двух шагах от пораженного немочью гуля и не заметить его.

Так или иначе, а сообщение о мощном тракте звучало крайне интригующе, и заслуживало того, чтобы разузнать о нем побольше. Потому нескольким из отправлявшихся сегодня в дорогу разъездов предстояло держаться полуденного направления. Если повезет, они смогут добраться до приграничной зингарской крепости Ильян, и разузнают, как там восприняли поразительные новости из Рабиров. Не исключено, что зингарцы, в свою очередь, тоже обшаривают гульские поселки, что не слишком желательно... Хотелось бы еще доподлинно узнать, дошли новости о положении в Холмах до Кордавы или еще нет? Пустые надежды — наверняка дошли. Что ж, посмотрим, что предпримет в ответ Чабела.

Молодой подчиненный месьора Кодрана, коему надлежало неотлучно находиться при медленно угасавшем Драго, взволнованно метался по лагерю, пока наткнулся на пуантенского герцога возле длинного распада. Прошлой ночью там расположили заставу, а теперь намеревались ее всячески укрепить. От волнения книжник едва не схватил Пуантенца за рукав, чтобы потянуть за собой. Должно быть, случилось именно то, чего Просперо ожидал все это время — Князь Лесов проиграл в неравной борьбе с обрушившимся на его владения бедствием.

— Умер? — отрывисто спросил герцог у вестника. От нехватки слов или от волнения тот сначала замотал головой, и лишь затем выговорил:

— Нет! Наоборот, пришел в себя...

Остальную речь лекарь держал на бегу, с трудом поспевая за размашистыми шагами Пуантенца:

— ...спросил, где дама Солльхин. Я с перепугу брякнул — умерла. Тогда он захотел узнать, кто заправляет в лагере. Отвечаю — ваша милость. Он велел вас позвать, и как можно скорее. Не долго ему осталось, помяните мое слово... Ведь по здешним меркам он совсем старик, как я понимаю?

Перед носом книжника хлопнула закрывшаяся дверь охотничьей хижины.

* * *

В маленькой комнате наверху стоял полумрак: хозяйничавший тут Делле занавесил все окна. Драго лежал на низкой постели, накрытый легкомысленным разноцветным покрывалом, и при первом взгляде на давнего знакомого Просперо испытал миг холодного, безотчетного ужаса.

Сколько длилось его знакомство с Князем Лесов, тот всегда оставался неизменным — диковинным созданием, не имеющим возраста. Теперь прожитые Драго года вернулись за причитающейся им данью, превратив рабрийца в одряхлевшую тень, пока живое воспоминание о нем было. Яркие ястребиные глаза помутнели, подернувшись тонкой коркой инея, но, похоже, остроты слуха Драго еще не потерял. Услышав скрип двери и приближающиеся шаги, чуть по-

вернул голову. Низкий бархатистый голос теперь доносился словно бы через множество преград, став внятным шепотом:

— Добро пожаловать в мой дом, Леопард... Только не заставляй меня выслушивать твои долгие извинения. Верю, ты искренне сожалеешь о случившемся, но лучше помолчи, пока я пытаюсь успеть рассказать тебе кое-что важное... В Рабирах нынче полно людей, как я понимаю?

Пуантенец, стоявший в ногах кровати, кивнул. Снаружи зашуршало, кто-то — кажется, Кодран — робко сунулся внутрь и немедленно убрался обратно в коридор.

— Это хорошо, — удовлетворенно произнес Драго. — Лучшего и желать нельзя. Нам повезло. Ты присмотришь за этой землей, пока она не придет в себя и не получит нового хозяина. Я отправил за ним гонца, так что не обессудь — тебе придется встретить моего преемника и проследить, чтобы он получил все, что ему причитается.

— Преемником станет Рейе, Рейенир да Каде-на? — осторожно уточнил Просперо.

— Откуда мне знать, кто им станет? — шепот стал раздраженным. — Да, я хотел бы видеть его на этом месте, хотя у моего наследника по молодости лет ветер в голове... Решать предстоит не мне. Не завидую Рейе, коли выбор в самом деле падет на него.

— Значит, должен собраться какой-то совет, который назовет имя следующего Князя? — герцогу всегда казалось, что власть над Рабирами

передается от отца к сыну или дочери, но кто их разберет, этих гулей...

— Выбирает Лесной Венец, — Драго пришлось сделать заметное усилие, чтобы выговорить эти слова. — Надежно скрытый до поры, являющийся в надлежащее время своему избраннику... Спросишь у Лайвела, он растолкует. И передай мальчику, чтобы не впадал в отчаяние — мир не собирается рушиться из-за одного внезапно случившегося предсказания. Рабиры переживали многое, справятся и с этой бедой.

— Какому мальчику? — переспросил Леопард, слегка сбивый с толку быстрым перескакиванием разума умирающего с одной темы на другую. — Рейениру? Или Коннахару? Принц уехал нынче утром. Я отослал его в Орволан, подальше от местных неурядиц. Что касается да Кадены, я сегодня же вышлю посланцев в Кордаву... И я не в силах последовать твоему совету и узнать у Лайвела что-либо. Его нигде нет. Ни в здешнем имении, ни в окрестностях твоей бывшей ставки. Мы ищем, но...

— Ищите лучше, — лицо Драго, напоминавшее вырубленную из изжелта-белого мрамора посмертную маску, слегка дрогнуло, — он оставался вместе со мной... пока лагерь не запылал. Найди Лайвела... и еще кое-кого. Ищи Блейри. Сможешь поймать — убей. Я недооценил исходящую от него угрозу, а Блейри сейчас опаснее бешеной собаки и змеи в траве. У него хватит сообразительности истолковать пророчество в свою пользу и натравить одну половину Раби-

ров на другую. Избавься от него. Избавься как можно скорее.

— Я постараюсь, — заверил Просперо, и, колебавшись, нерешительно осведомился: — Могу я узнать, о каком предсказании идет речь? Мои разъезды уже не раз слышали от местных жителей упоминание о некоем пророчестве...

Князь Забытых Лесов прикрыл глаза, точно отгородившись от надоевшего ему мира. Прошло с десятков тягучих мгновений, прежде чем он вновь заговорил:

— Мы так любили создавать легенды, что забыли — им тоже хочется обрести жизнь. Неважно, кто, когда и где впервые изрек слова об Осеннем Ребенке из колена людей и грядущем вместе с ним ослепительном свете. Они прозвучали, и с тех пор отчаянно стремились исполниться, став реальностью. Никто не может избежать назначенного. Ты, молодой принц, его друзья, Рейенир, я — мы пройдем своими дорогами и посмотрим, где и как они закончатся. Коннахару не дано покинуть Рабиры, пусть ты и желаешь этого всей душой. Мне суждено не увидеть нынешнего заката, сгорев в пламени костра, и вместо Солльхин оплакивать меня будет юная Айла. Все правильно. Так и должно быть.

Пуантенец хотел возразить, но лежавшая поверх покрывала узловатая, похожая на выбеленную временем сухую ветвь рука слабо шевельнулась в запрещающем жесте:

— Довольно. Запрети своим людям какое-то время входить сюда. В созерцании умирающего

старика нет ровным счетом ничего привлекательного. Если Рейе захочет узнать, не говорили ли я что-нибудь лично для него, передай: «Я ни о чем не жалею»... А теперь ступай, тебя ждут.

Драго еле слышно хмыкнул и язвительно — этой особенностью характера у него не могла отнять даже подступающая смерть — добавил:

— Можешь считать это моим завещанием, а себя — моим душеприказчиком.

Он умер, как и предсказывал, спустя полтора колокола после короткой беседы. Лекарь сообщил печальную новость караульным у входа в дом, те передали своему сюзерену и находившимся в поселке гулям. Общими усилиями над берегом озера выросла, ошестинившись обрубками сучьев, пирамида сухой древесины, в кладовой отыскалось шелковое полотнище с изображением золотого единорога и черной крепости, и, когда с наступлением вечера к политой маслом поленнице с четырех сторон поднесли смоляные факелы, она занялась, потрескивая и исходя дымными клубами. Прогорая, часть костра обрушилась внутрь, став похожей на крохотный рукотворный вулкан с багровой сердцевиной и облачной каймой.

Кто-то подъехал, остановив коня за спиной у Просперо.

Лошадь устало фыркала, должно быть, проделав за день немалый путь. Прошелестел вынимаемый из ножен клинок — всадник счел правильным и необходимым отсалютовать погребальному пламени — и спросил:

— Когда это случилось? После нашего отъезда?

Герцог поворачивал голову так медленно и осторожно, словно опасался ее повредить, и уверял себя, что ослышался. Этому голосу не подобало звучать в этом месте, а его обладателю — тут находиться...

Конни чуть виновато косился на Пуантенца с высоты конской спины. В паре шагов столпились остальные спутники принца, все до единого — растерянные и какие-то обескураженные.

— Ты почему здесь? — выдавил Леопард, стремительно перебирая возможные догадки и тут же их отвергая. — Почему вернулся? Я же сколько раз тебе повторил — никакого проку от твоего присутствия нет и...

— Вернулся, потому что не смог уехать, — Коннахар спрыгнул наземь и виновато пожал плечами. — Не по своей вине, между прочим. Мы добрались до развилки у Токлау, а далее пути нет. Там такое...

— Вокруг Рабилов выросла стена из черного тумана высотой до самого неба, — вполголоса произнес Эвье Коррент. — Сквозь нее ни зги не видно, а соваться внутрь мы не рискнули — боязно. Ничего не оставалось, как скакать обратно.

Вырвавшийся у Просперо звук более всего напоминал страдальческое мычание. Внезапно ему захотелось изловить тень Драго и трясти до тех пор, пока старый хитрец не признается, какую новую игру он затеял.

Словно усугубляя его отчаяние, с располо-

женной на полуденной границе лагеря заставы донесся какой-то невнятный шум. Вскоре из-за угла хозяйственных построек показались трое всадников, сопровождаемые эскортом пуантенских конных егерей. В середине, мрачно глядя перед собой, ехал молодой человек, по виду уроженец Рабиров. Слева от него, настороженно косясь по сторонам, держалась похожая на задиристого мальчишку-подростка гулька с пышной копной темных кудряшек, а справа некто высокий, в линялом синем плаще с глубоко надвинутым капюшоном.

— Рейе! — воскликнул принц, однако первоначальная радость узнавания мигом сменилась замешательством, едва Конни задумался о причинах нынешнего появления Рейенира Морадо да Кадена в пределах Лесного Княжества. — Э-э... а я думал, ты в Кордаве... Понимаешь, мы тут...

— Славно проводим время, — жестко закончил да Кадена, соскочил с коня и пошел на принца. Конни невольно попятился. Просперо заступил рабирийцу дорогу.

— Отойди, Пуантенец, — потребовал Рейенир, раздувая тонкие ноздри, как бык перед атакой. — Во имя Трех Благих Камней, дай мне до него добраться. Эта малолетняя царственная задница нуждается в хорошей трепке! Да пропусти же!

— Рейе, прекрати, — вполголоса увещевал Просперо, по-прежнему загораживая Коннахара широкой грудью. — Ты не все знаешь... На нас смотрят, он, в конце концов, особа королевской

крови... Не будь хоть ты ребенком, в конце концов!

— Отправь отсюда своих людей, — упорствовал гуль. — Ты тоже всего не знаешь. Ты не видел, что творится на Полудне! Проклятье, если бы такое учинил мой собственный сын, я... я бы его... я бы ему голову оторвал!

Пуантенцы, немногочисленная свита Конни, а также те, кто собрался, дабы с почетом проводить в иной мир Князя Рабиров, переводили взгляд с герцога на да Кадена в полном недоумении. Ссора грозила вот-вот перерасти в обыкновенную драку, ибо гуль твердо вознамерился задать взбучку виновнику всех бед, а Просперо был столь же непоколебим в намерении ему воспрепятствовать.

Неожиданно в разговор, ведущийся на повышенных тонах, вмешался третий участник, высокий и мрачный тип, чье лицо почти полностью скрывал капюшон синего плаща.

— Утомонись, — проворчал он, положив руку на плечо Рейениру. Тот, хотя и не отличался слабостью сложения, поневоле присел. — Не время и уж никак не место. Сделанного не воротишь, Рейе, и... они собрались для отдания последних почестей твоему отцу. Если ты еще не понял — перед нами погребальный костер.

* * *

Четвертый день, считая от пронесшейся над Забытыми Лесами магической бури, близился к

завершению. Догорел печальный костер на берегу, остались в прошлом сказанные над ним слова, скорбные, гневные и примиряющие. Никто не посягал на безопасность аквилонцев. Донесения конных отрядов убедительно свидетельствовали о том, что Рабиры мало-помалу возрождаются к жизни. В шатре книжников работа кипела вовсю, но месьор Кодран уже заявил, что неплохо бы отправить часть его подчиненных в Орволан, ибо тамошняя библиотека подходит для сосредоточенного и напряженного труда гораздо больше, нежели шаткий стол в палатке, вокруг которой постоянно гомонят и голосят на все лады. Делле, отославшийся, посвежевший и воспрявший духом, передал от лица старшего лекаря, что тяжелораненых в наличии нет, а выздоравливающие вполне способны перенести перевозку на подводах.

Становилось ясно, что дальнейшее «торчание в глубочайшей... э-э... осаде», по меткому выражению острого на язык Эвье, постепенно утрачивает смысл.

В этот вечерний час, избранный Просперо для военного совета, в просторном общем зале на первом этаже гостевого дома собрались все, кто тем или иным образом оказался причастен к событиям последней седмицы. На выскобленных до шелковистой гладкости лавках и накрытых циновками сундуках вдоль стен расположились Рейенир да Кадена, Иламна, высокоученый мэтр Кодран, командиры сотен, а также — на правах живых свидетелей и непосредственных участни-

ков разывравшейся драмы — все бывшее Братство Охотничьей залы: Эвье Коррент, Ариен Делле, Ротан и Меллис Юсдали, Гиллем Ларбера, Лиессин Майлдаф и, разумеется, принц Коннахар вместе с баронеттой дия Монброн. Последней хороший отдых вернул большую часть ее привлекательности, и Айлэ чувствовала себя вполне сносно, но, несмотря на это, и она, и Конни выглядели смущенными и подавленными. О причине сего смущения нетрудно было догадаться, только посмотрев на Рейенира. Гуль до сих пор не мог простить юной парочке их опасного безрассудства и временами бросал в сторону Конни взгляд, полный гневной укоризны.

Гвардейские чины переговаривались в своем углу, мэтр Кодран погрузился в раздумья, Ларбера, Меллис и ее брат о чем-то ожесточенно спорили полупшепотом, и время от времени Эвье зло шипел на них: «Да замолчите же!». Сам Золотой Леопард устроился в единственном уцелевшем после давешнего разгрома кресле, массивном, вырезанном из цельного древесного ствола с причудливо переплетенными ветвями и похожем скорее на трон. Не настоящий трон, конечно, — но все без исключения понимали, что слово герцога будет решающим на предстоящем совете, главным вопросом коего станет вопрос о наследовании власти в Рабирах.

Что же до единственной личности (каковой, собственно, дожидалось собрание и чье слово могло быть еще более весомым), то означенная личность вопиюще отсутствовала в зале совета и

вообще в имени Рунель. Одноглазый маг, едва догорел погребальный костер, осведомился, в каком именно месте совершался ночной обряд. Услышав ответ, повел себя крайне странно: схватился за голову, изрек несколько скверно звучащих слов из речений зингарских мореплавателей и спешно отбыл в неизвестном направлении — причем отправился пешком. Сопровождать его никто не рискнул.

И вот уже на небе зажглись первые бледные звезды, а Эллар точно в воду канул.

Просперо кашлянул и негромко хлопнул ладонью по столешнице, целиком накрытой картой Лесного Княжества, недавно завершенной и представленной герцогу для подробного ознакомления.

— Думаю, ждать дальше бесполезно, — решительно произнес он. — Впрочем, сколько знаю Одноглазого, он появляется именно тогда, когда в нем возникает необходимость. Приступим же... Ньель, Серлон, мэтр Кодран, мы вас слушаем.

Общий доклад капитанов кавалерийских, егерских и лучных сотен, с добавлениями и уточнениями почтеннейшего ученого мужа, долженствовал подвести итоги вызнанного людьми в Рабирийских холмах. Названия поселений, перечни числа умерших и выживших заставляли Рейе и Иламну одинаково удрученно хмуриться, что было вполне объяснимо — их страна, прежде надежно хранившая свои тайны, теперь лежала перед людьми, открытая для пристального изучения... и для завоевания.

В заключение Серлон добавил, что известия о диковинной стене мрака оказались верными от первого до последнего слова. Кое-кто из егерей, кто посмелее, решились приблизиться к темному стоячему облаку и на своей шкуре выяснили: колдовская преграда отбрасывает на пяток локтей любое прикоснувшееся к ней существо, не причиняя тому вреда и не делая различия между людьми и уроженцами Рабиров.

— Выходит, мы вроде как тут заперты, — с нарочитой бодростью объявил сотник. — Выйти нельзя, войти тоже. Однако почтовые голуби с соколами вылетают беспрепятственно, стена, какая бы здоровенная ни была, все ж не до неба. Если они смогли улететь, то есть надежда на ответ с той стороны... И вот еще что, ваша милость. По нашему разумению, стоило бы перебраться с озера ближе к Алимане. Скажем, в Токлау. Там и люди остались, из тех, что прибыли сюда по торговым делам, и какое-никакое укрепление имеется. Вдруг этой стене надумается исчезнуть? Тогда мы сразу об этом узнаем. Опять же, от Токлау до переправы рукой подать...

— А как же разрешение загадки тракта? — въедливо напомнил месьор Кодран. — Неужели мы бросим начатое дело на полпути?

— Хотелось бы уточнить, какое именно дело, — вполголоса, но достаточно внятно произнесла Иламна. — Беспрепятственное разгуливание по княжеству? Или, может, кто-нибудь желает учинить еще парочку увлекательных церемоний,

дабы окончательно истребить наш народ? Вы говорите, говорите, не стесняйтесь. Нам выбирать особо не из чего. Мы и так теперь непонятно кто, непонятно что, — она перешла на громкий доверительный шепот: — Рейе, имей в виду — по округе болтается полтысячи вооруженных до зубов людей. Пока они согласны нам помогать, но кто сумеет предсказать, что взбредет им в голову завтра? Вдруг они поймут, с какой легкостью могут присоединить Забытый Край к своим владениям? И что тогда? Что тогда с нами будет? — последние слова она почти выкрикнула, ударив маленьким кулачком по краю скамьи.

— Иламна, — растерянno начал Просперо, столько лет знавший верную помощницу Драго за особу трезвомыслящую и серьезную. — Леди Иламна, но подумай сама: если бы мы хотели захватить Рабиры, за минувшие дни у нас имелось достаточно возможностей...

Гулька прошипела в ответ что-то невнятное и съезжилась, укрывшись своей подозрительностью, как прохудившимся щитом.

— Извините ее, — Рейенир оторвался от пристального разглядывания собственного кольца с печаткой в виде силуэта летучей мыши над горами. — В последнее время Иламне, как и нам всем, пришлось несладко. Но доля правды в ее словах есть — неумное любопытство, боюсь, не доведет до добра ни вас, ни народ Холмов... Хотите узнать, куда ведет мощеная дорога? Съездите, узнайте. Доберетесь до столицы, она и в

самом деле существует. Будет ли только вам с этого польза и удовольствие, вот вопрос...

— Досточтимый Кодран, возьмете два... нет, три десятка сопровождения и отправляйтесь хоть завтра, — решил Пуантенец. — Можете также прихватить с собой тех, кого сочтете необходимым, но при малейшей опасности, даже при намеке на таковую немедленно разворачиваетесь и аллюром мчитесь назад. Ежели начнете возражать и ссылаться на ученые интересы — разрешаю гвардейцам доставить вас обратно с кляпом во рту, слышал, Ньель? Остальные начнут готовиться к маршу в Токлау... Рейе, вольно или невольно я вынужден перейти к вопросам, напрямую касающимся тебя и положения дел в Холмах. Я обещал Драго позаботиться, чтобы его наследник получил причитающееся ему по праву, и я это сделаю. Как только разберусь, что к чему. При нашем последнем разговоре Князь советовал непременно отыскать своего пропавшего невесть куда управляющего и упомянул вещь под названием Лесной Венец. Кто может хотя бы приблизительно объяснить, что он имел в виду?

— Мы видели Лайвела в девятнадцатый день Первой летней луны, утром, — жестом попросив разрешения говорить, начал Эвье Коррент. — Потом он куда-то уехал и пропал... Я нижайше прошу прощения, но Лесной Венец, случаем, не то украшение, которое носил его покойная светлость Драго?

— Плетеный обруч шириной в два пальца, из стилизованных золотых и серебряных веточек,

посередине большой звездчатый сапфир очень чистой воды, — на одном дыхании выложила свои наблюдения Меллис. — Когда мы нашли Князя, украшения при нем не было. Наверное, стоит еще раз обыскать пепелище?

— Обыскать нетрудно, — согласно кивнул сотник Ньель. — Но, может, на всякий случай подыскать умельцев, которые сковали бы вторую такую же штуковину?

— Законный наследник имеется, дело за зримым олицетворением власти... Сразу вспоминается история Кофийской тиары, — задумчиво протянул Ариен Делле, пояснив: — В 1290 году при штурме аквилонской армией Хоршемиша сгорел королевский дворец и сокровищница вместе с хранившимися там регалиями. Следующему монарху на церемонии коронации пришлось удовлетвориться новенькой тиарой, в которую, если верить слухам, вместо драгоценных камней вставили пригоршню стекляшек. А еще нечто подобное случилось лет пятьдесят тому в Шушане Шемском, когда злоумышленники похитили скипетр градоправителя.

— Это у вас, людей, символы власти полагаются всего лишь красивыми побрякушками, при необходимости непринужденно заменяемыми дешевыми подделками, — ядовитости тона Рейе позавидовала бы стигийская плюющаяся кобра. — Только здесь не людское королевство... как останется и впредь, надеюсь. Здесь Рабиры со своими традициями, сложившимися за много тысяч лет. Венец Холмов — не просто знак могу-

щества, но действующий инструмент его осуществления, древнее творение, обладающее неким подобием собственного разума и характера. На протяжении шести последних поколений им по взаимному согласию владели представители нашей фамилии, передавая его из рук в руки по совершении определенного ритуала. Лайвел, без которого нам теперь никак не обойтись, принадлежит к семейству Хранителей. Венец или посредников при церемонии. Он знает многое о тайнах Лесной Короны, а мне, как это не странно прозвучит, из этих тайн неведомо почти ничего.

— Но ты же старший отпрыск Драго! — Леопард подался вперед. — Как ты можешь ничего не знать о вещи, которая рано или поздно станет твоей!

— Предполагалось, что меня ожидает еще добрая сотня лет независимой жизни, — пожал плечами да Кадена. — И потом, повторяю: Лесной Венец — не бесчувственная вещь. Совсем не обязательно он должен стать моим. В нынешних обстоятельствах возможно все... Венец сохранял в целостности Незримую Границу, наделял владельца знаниями его предшественников и, самое главное, утверждал его в правах Князя. Утверждал, если считал необходимым. В противном случае же подыскивал другого хозяина. Не спрашивай, каким способом. По правде говоря, то, о чем я сейчас поведал, последний раз случалось самое малое пять тысячелетий назад, я имею в виду церемонию Выбора. И не думаю, что ваши

розыски на пепелище принесут какую-то пользу. Венец Рабилов объявляется сам, когда приходит срок. До той поры Леса останутся без правителя, а мне остается только быть по мере сил полезным для тех, кому повезло остаться в живых.

— Неужели кроме вашего управляющего никто не был посвящен в тайну? — не сдержалась Меллис. — Быть того не может!

— Да ну? — съязвил Рейенир. — Много ли человек в Тарантии распоряжаются ключами от королевской сокровищницы? Или, к примеру, что вы станете делать, если исчезнет хранитель Большой Королевской Печати вместе с таковой?

— Искать с собаками, — вступился за сестру Ротан.

— И все-таки, — настаивал Пуантенец. — Должен же знать еще кто-то, хотя бы на случай внезапной кончины самого Лайвела, или войны, или чего-то в этом роде — словом, чрезвычайных обстоятельств? Есть соображения?

— Тулеар мог знать, — хмуро буркнула Иламна. — Он был потомственным телохранителем династии, ни на шаг от Князя не отходил. Наверняка знала Солльхин — она терпеть не могла неразгаданных тайн, да и Драго был весьма к ней расположен.

— Однако дама Солльхин мертва, и Тулеара опознали среди убитых, — вставил Делле.

Девушка молча развела руками: «Ну, если так...»

— Ваша милость, может быть, моих следопытов отправить на поиски этого их дворецкого? —

басовито прокашлявшись, предложил командир егерской сотни. — Ребята каждый кустик перевернут, никуда не денется...

Просперо сморщился, как от зубной боли:

— Поумерь ретивость, Серлон. Следопыты твои хоть представляют, кого искать? Как ты им объяснишь? «Росту среднего, лицо бледное, волосы черные, нескольких зубов не хватает...» Пожалуй, по таким приметам несложно будет нам сыскать пропажу. Сколько раз я уже слышал, что для людей все гули чрезвычайно похожи друг на друга? Занимайтесь своими прямыми обязанностями, сиречь безопасностью лагеря. У меня сердце не на месте, когда вспоминаю, что ублюдок Блейри разгуливает на свободе.

Коннахар и Рейе заговорили одновременно:

— Разве Блейри не под замком? Мы ведь заперли его в подвале! Я думал, вы его давно вздернули!

— Ну почему, почему мерзавцам всегда везет? Что ему стоило помереть, избавив Рабиры от постоянной занозы!

— Он бежал, кто-то ему помог, — отрезал пуантенский герцог. — Однако рано или поздно я до него доберусь. Этого требовал Драго, но вдобавок у меня к Блейри есть свои счеты. По его вине погибла Солльхин, этого я ему не прощу, — он хотел добавить что-то еще, но прислушался к голосам, доносившимся из крохотной передней, и вполголоса произнес: — Вот и недостающие пожаловали.

Эпилог

Ошибка

*23 день Первой летней луны 1313 года
по основанию Аквилонии.
Ночь.*

Украшавшая дверной проем занавесь из деревянных бусин жалобно звянула, разлетаясь в стороны и едва не оборвавшись. Войдя, Эллар остановился на пороге, исподлобья озирая примолкшее собрание единственным зрачком. Даже сквозь бесстрастную кожаную личину ощущалось, что маг пребывает в бешенстве... и в безмерном удивлении.

Коннахар и Айлэ Монброн, завидев высокую фигуру, казавшуюся слегка горбатой из-за откинутого капюшона плаща, невольно придвинулись друг к другу и схватились за руки. Обоим немедленно вспомнились слышанные от родителей истории, касавшиеся нрава и манер одноглазого

колдуна. Рассказы сходились в одном: от Эллара, даже если вы справедливо полагаете его своим надежнейшим соратником, лучше держаться подальше. Аквилонский король всегда добавлял, что его хорошее отношение к Хасте становится тем крепче, чем большее расстояние отделяет мага от Тарантии, а королева Зенобия утверждала — один подобный знакомец с успехом заменяет десяток заговорщиков, мечтающих о власти над миром чернокнижников и свихнувшихся от собственного могущества божков.

Неизвестно, что думала в этот миг Айлэ, но Конни чрезвычайно захотелось юркнуть под стол. Или выпрыгнуть в окно. Или обернуть время вспять, чтобы все стало, как прежде.

— Пусть встанет тот, кто отыскал место для вашего ритуала, — проскрежетал маг. — Заодно я желаю знать, какой деревенский колдун составлял текст заклинания! У меня накопилось немало вопросов к обоим... Ну, кто?!

Награжденный прозвищем «деревенского колдуна» месьюр Делле возмущенно открыл рот, но поперхнулся, не найдя подходящих слов. Лиесин на миг зажмурился, мысленно взывая к небесам о спасении от грозящей кары, и нерешительно поднялся:

— Это я... Я хочу сказать, что я привел Коннахара и прочих на ту вершину. Мне казалось, там самая обычная поляна...

Эллар коротко и сухо щелкнул пальцами. По комнате пронесся холодный ветерок, а Льюу незримой силой вырвало из-за стола, помотало в

воздухе так, что лязгнули зубы, и чувствительно приложило о бревенчатую стену — раз, другой, третий... Собравшиеся затаили дыхание, а гвардейцы аж привстали, глядя на экзекуцию. Одноглазый небрежно взмахнул рукой, и Лиессина швырнуло через всю комнату к стене, увешанной охотничьими трофеями. При этом чучело рогатой оленьей головы, красовавшееся на крюке, качнулось и рухнуло вниз, с поразительной точностью приземлившись на оказавшегося под ним темрийца. Льоу взвыл.

— Оч-чень драматично, — недовольно пробурчал Просперо. — Можно узнать, за что?..

— Он еще спрашивает — «за что»?! Юноша, — язвительно обратился маг к ворочающейся на полу и бормочущей проклятия куче, — полагаю, даже в твоём варварском захолустье известны такие слова, как «кладбище» или «погребение»? Что бы ты сказал, вздумай заезжий шаман учинить кровавый ритуал на могилах ваших предков, изгадив при этом жертвенной кровушкой какую-нибудь темрийскую святыню?

— Прикончил бы на месте, — буркнул Майлдаф-младший, наконец-то отцепивший от себя многочисленные отростки оленьих рогов. Встать на ноги он не решался, опасаясь вновь схлопотать магический удар, присел у стены. — Но, клянусь Луггом и Морригейн, я же не знал!..

— Мы понятия не имели, что на вершине расположено чье-то место упокоения! — Меллис отважно попыталась спасти положение. — Иначе не рискнули бы туда явиться! Ох... А что, там и

вправду?.. Под камнем кто-то похоронен?.. — почти беззвучно закончила она.

— Святая простота! — вскричал маг, впрочем, явно уже остывшая, поискал взглядом вокруг себя и, придвинув оставшийся свободным табурет, грузно уселся у стола. — Да будет вам известно, что под камнем, каковой вы ничтоже сумняшесь избрали алтарем, покоится прах той, что при жизни повелевала великими силами! Неужели история Алого Камня забыта? Неужели вам ничего не известно о могилах магов?

— Именно это обстоятельство, в конечном счете, спасло им жизнь и позволило осуществить безумный в своей основе замысел, — теперь Эллар обращался исключительно к Просперо, будто все прочие в зале не имели для него никакого значения. Пуантенец счел за лучшее согласно кивать — пусть магик успокоится, тогда с ним можно говорить, как подобает разумным людям. — Могущество места удесятерило крохотные врожденные способности вот того фигляра, который сейчас пытается стать как можно незаметнее. Ариен Делле, если не ошибаюсь? Что, удивлен, подмастерье волшебника? Или ты думал, будто любому неграмотному смерду достаточно проорать пару рифмованных строк, чтобы пробудить силы Бездны? Похоже, у тебя есть предрасположенность к Магии Духа. Не вздумай возгордиться, пока твоих способностей не хватит, чтобы отпугнуть престарелую мышь от амбара. После долгих занятий в моей школе, возможно... Этой самонадеянной кучке юнцов вообще неоп-

равданно повезло. Как может везти только тем, кто угодил под власть пророчества.

Услышав о пророчестве, Айлэ охнула и немедля зажала себе рот рукой. Встревоженные зеленые глаза становились все больше и больше, а зрачки, наоборот, сужались, почти растворившись в изумрудном ореоле.

— О чем он? — недоуменно шепнул ей на ухо Конни, но рабирийка досадливо отмахнулась: «Позже!»

Поверх чертежа Рабиров лег измятый и потрепанный листок пергамента с десятью строчками, записанными слегка наклоненным влево почерком Ариена Делле. Одноглазый еще вечером, стоя возле останков погребального костра, забрал его у аквилонца, заявив, будто желает ознакомиться повнимательнее. Делле отдал — что еще оставалось делать? Говоря, Эллар слегка пристукивал по листку длинным указательным пальцем.

— Однако никому не может везти бесконечно. Именное повеление, увы, почти невозможно уничтожить. Подчеркиваю — *уничтожить*, в прочем же оно подчиняется основным магическим канонам. В частности, его можно *переместить*, передать кому-либо другому. Другому народу, другому месту. Вот это самое действие в ночь с девятнадцатого на двадцатое и учинили один влюбленный юнец и один ярмарочный фокусник при участии горстки сочувствующих. Если уподобить Проклятие Рабиров чему-то вроде огромного незримого покрывала, то несколько дней

назад его сдернули с окутываемой им области, скомкали и зашвырнули невесть куда. Там оно вернулось в свое прежнее состояние, начав превращать тех, кто оказался в пределах его досягаемости — в кого, как вы думаете?

И тут раздался смех, становящийся все более громким. Смеялась Иламна, откинув голову и вцепившись в край скамьи так, что побелели костяшки пальцев.

— В гулей, — рабирийка хихикала, раскачиваясь взад-вперед, но ее смех очень скоро начал походить на всхлипывания. — В вампиров, какими совсем недавно были мы, верно? Только мы за долгие годы сумели приспособиться, выжить и не сойти с ума, а каково придется тем бедолагам, что проснутся утром и не смогут понять, отчего им так хочется свежей крови? Вот так Дитя Осени, вот так ребенок-предназначение! Мы хороним наших мертвецов, а где-то, кто-то нацеливается перегрызть глотку соседу! Кого наградили этой чумой, Эллар? Уж не блистательную ли Тарантию?

— Не знаю, — отчеканил маг. — Там, на Холме, я обнаружил что-то вроде оставленного Проклятием следа. Я немедля отправляюсь искать, куда он ведет. Страшно даже помыслить, какой ужас творится в людском городе, охваченном разгулявшимся Словом Исенны!

— А как же мы? — вскинулся Рейе. — Послушай, Эллар, ты не можешь просто так уйти, бросив нас на произвол судьбы! Тут выяснилось, что пропал Лесной Венец и...

— Я сделал для Рабиоров все, что мог, — покачал головой Одноглазый. — Кстати, предвижу ваши вопросы — провести кого-либо через Вуаль Мрака я не в состоянии, у каждого заклятия есть свои условия. Подождите три седмицы, однажды на рассвете стена исчезнет сама. Хорошо бы вам за это время определить, кто займет место почившего Драго. Не могу с точностью сказать, сколько времени займет поиск удравшего Проклятия и как придется с ним справляться, но обещаю — сюда оно больше не вернется. А я приду, как только позволят обстоятельства. Рейенир Морадо да Кадена, тебе придется обходиться собственными силами. На твоём месте я бы перестал оглядываться в ожидании моей поддержки. В конце концов, тебе...

— ...давно пора повзрослеть, — безрадостно довершил фразу гуль. — Но как ты намерен идти по следу, если Вуаль никого не пропускает? Или для тебя она сделает исключение?

Вместо ответа маг поднялся, размахистым жестом натянул на голову капюшон и подошел к маленькой неприметной двери, ведущей из общей залы в расположенную по соседству кладовку. Изумленное собрание пристально следило за Одноглазым, честно признаваясь, что не в силах понять его намерений.

Уже взявшись за деревянную ручку, выточенную в виде медвежьей морды, Эллар оглянулся через плечо и предупредил:

— Ничего особенного не произойдет — я просто выйду, но следовать за мной не стоит. Это

может быть опасно, поскольку трудно предугадать, что окажется с другой стороны. Надеюсь, вы справитесь. Коннахар, с тобой и твоими преданными друзьями я еще побеседую... позже. Боюсь, без участия в этом разговоре твоего отца не обойтись.

Створка, пронзительно скрипнув петлями, отошла от ободверины. Вместо ожидаемых полок и плетеных коробов за ней открылось нечто мерцающее глубокими синеватыми переливами, наполненное смутными розовыми и алыми огоньками, кружившимися в безостановочной погоне друг за другом. Зрелище выглядело не страшным, скорее завораживающим непрерывным вращением, и напоминало бездонный омут, отмечающий свое место на водной глади такими же постоянными, распыляющимися и возникающими снова кругами. Тонкие змейки темно-синего тумана, заполненного крохотными искорками, робко вползли в зал, обвились вокруг сапог одноглазого мага. Просперо, сидевший ближе прочих, услышал, как недоуменно хмыкнул Эллар, и увидел, что маг вроде бы пожал плечами под широким плащом.

— Быть не может! — ахнул кто-то, опомнившись.

— Врата! Самые настоящие магические врата! — вскричал месьор Кодран и сунулся поближе. Рейе и Ротан поспешно его оттащили. — Так просто, без заклинаний, без...

— Помолчите, мэтр! — рывкнул Просперо, вскакивая. Пронзительно взвизгнула Меллис, и

было отчего. Маг сделал движение, словно намереваясь пошарить в глубине таинственных врат, и внезапно стелющиеся по полу у его ног туманные ручейки налились яростным сиреневым светом, вздулись, напоминая теперь скорее хищные щупальца морского чудовища. У герцога сложилось впечатление, будто маг не шагнул, а с раскинутыми от неожиданности руками буквально влетел в портал.

Сразу за тем просторный зал почти мгновенно наполнился ослепительным золотым сиянием, в котором не видно было ничего на расстоянии локтя и в котором прозвучал отчаянный женский вскрик, тут же оборвавшийся.

Грохот опрокидываемой мебели. Скрежет вынимаемого клинка. Еще один короткий вопль. Громогласные проклятия голосом Серлона, причитания высокоученого месьора Кодрана:

— Руку, руку отдавили!..

...И вдруг все кончилось, сияние стало бледнеть, угасло совсем, и Золотой Леопард обнаружил, что стоит с мечом наголо, мокрый от пота, перед низенькой дверью в кладовку, за которой виднеются какие-то ящики, мешки и пыльные полки, — а в комнате страшный кавардак, и нигде не видно Ротана Юсдаля, Лиессина Майлдафа, Эвье Коррента, баронетты Монброн и еще одного человека.

Коннахара, сына Конана, наследника аквилонской короны.

Когда всеобщие тщательные поиски (вдруг в суматохе выскочили за дверь?..) не дали резуль-

татов и стало ясно, что принца в Рунеле нет, как нет, видимо, и вообще в Рабирах, Просперо отпустил перепуганных сотников и устоялся остекленелым взглядом в стену.

Впервые в жизни блистательный герцог испытывал непреодолимое желание наложить на себя руки.

Конец первой книги¹

¹ *Примечание: переводы стихов выполнены А. Бочаровой, К. Стариковым, Т. Шельен*

СОДЕРЖАНИЕ

ПУТЬ ГЕРОЕВ

Джеральд Старк

Пролог. Время перемен..... 5

Часть 1. Загадки прошлого

Глава первая. Дар.....	52
Глава вторая. Клятва.....	47
Глава третья. Испытание.....	65
Глава четвертая. Единомышленники.....	88
Глава пятая. Ритуал.....	113
Глава шестая. Приглашение.....	138
Глава седьмая. Крепость.....	159

Часть 2. Благие намерения

Глава первая. Граница.....	180
Глава вторая. Знак.....	206
Глава третья. Альянс.....	222
Глава четвертая. Полнолуние.....	244
Глава пятая. Бедствие.....	272
Глава шестая. Фаворит.....	308
Глава седьмая. Справедливость.....	332
Глава восьмая. Завещание.....	356
Эпилог. Ошибка.....	382

ДЮНА

В серии
«Золотая библиотека фантастики»
опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:
«Дюна»
«Мессия Дюны»
«Дети Дюны»
«Бог-Император Дюны»
«Еретики Дюны»
«Капитал Дюны»

Заветные мечты читателей сбываются! Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Квином Андерсоном создает трилогию «Прелюдия к Дюне». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в 2002 году в серии «Золотая библиотека фантастики»
второй роман трилогии — «ДОМ ХАРКОННЕНОВ»!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ

СТИВЕН КИНГ

Имя, которое не нуждается в комментариях. Не было и нет в «литературе ужасов» ничего, равного его произведениям. Каждая из книг этого гениального автора — новый мир ледящего кошмара, новый лабиринт ужаса, сводящего с ума.

Читайте Стивена Кинга — и вам станет по-настоящему страшно!

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

издательство
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

представляет в

«ЗОЛОТОЙ СЕРИИ
ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

**ЯПОНСКИЕ
средневековые
ДНЕВНИКИ**

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ !

**КОНАН
КЛУБ**

197022, Санкт-Петербург
а/я 125

Электронная почта:
sz-press@peterlink.ru

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более 10 000 названий книг самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- м. «Таганская», м. «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- ТК «Крокус-Сити», 65-66-й км МКАД, тел. 754-94-25
- м. «Сокольники», м. «Преображенская площадь», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- Зеленоград, корп. 360, 3-й мкрн, тел. 536-16-46
- ТК «Твой дом», 24-й км Каширского шоссе, «Книги на Каширке»

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8-86-32) 35-99-00
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Орел, Московское ш., д. 17
- г. Тула, Центральный р-н, ул. Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Авторские права защищены. Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Литературно-художественное издание

Старк Джеральд
КОНАН И ПУТЬ ГЕРОЕВ

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*
Составитель *Наталья Баулина*
Художественный редактор *Игорь Богданов*
Верстка: *Ирина Федорова*
Технический редактор *Валентин Успенский*
Корректор *Светлана Мипина*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999
Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А
Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125
sz-press@peterlink.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.2002.
РБ, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И КОЛЬЦО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ ДРЕВНИХ 44	КОНАН И ПРОРОК ТЫМЫ 45	КОНАН И ГНЕВ СЕТА 46	КОНАН И ХРАМ НОЧИ 47	КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ 48	КОНАН И ПОДЗЕМНЫЙ ОГОНЬ 49
КОНАН И МЯТЕЖ ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН И КЛЕЙМО ЗМЕЯ 51	КОНАН И ХОЗЯИН ОКЕАНА 52	КОНАН И КОРОНА МИРА 53	КОНАН И ПОСЛАНИК СВЕТА 54	КОНАН И СПИЩЕЕ ЗЛО 55	КОНАН И ЗВЕЗДЫ ШАДИЗАРА 56
КОНАН И СКЛЕП ХАОСА 57	КОНАН И ЖРЕЦ ТАРИМА 58	КОНАН И СВЕТИЛИЩЕ ПИКТОВ 59	КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛЬ МОЛНИЙ 60	КОНАН И ТИГРЫ ХАЙБОРИИ 61	КОНАН И ВСАДНИКИ БУРИ 62	КОНАН И СЛЕД ИСПОЛИНА 63
КОНАН И САУТА ТУМАНА 64	КОНАН И ЛИК ЗВЕРЯ 65	КОНАН И ОБИТЕЛЬ ДРАКОНОВ 66	КОНАН И НАСЛЕДИЕ МЕРТВЫХ 67	КОНАН И ЗАКАТ АРГОСА 68	КОНАН И АЛАЯ ПЕЧАТЬ 69	КОНАН И ТАНЕЦ ПУСТОТЫ 70
КОНАН И ПОСЛАНИК МРАКА 71	КОНАН И ГОЛОС КРОВИ 72	КОНАН И ТЕНЬ ВЕТРА 73	КОНАН И ПРИНЦ ЗИНГАРЫ 74	КОНАН И ЖЕМЧУЖИНА ПУСТЫНИ 75	КОНАН И ДУХИ ГОР 76	КОНАН И СОКРОВИЩА ТАРАНТИИ 77
КОНАН И НЕФРИТОВЫЙ КУБОК 78	КОНАН И УБИЙЦЫ ЧУДОВИЩ 79	КОНАН И СТРАННИКИ МОРЕЙ 80	КОНАН И ПУТЬ ГЕРОЕВ 81			

ISBN 5-17-016075-5

9 785170 160754